Мятлевъ

Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой

15p
15
K6

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/sensatsiiizamiec008800

СЕНСАЦІИ И ЗАМѢЧАНІЯ

ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ

ЗА ГРАНИЦЕЮ

ДАН Л'ЭТРАНЖЕ

СЕНСАЦІИ И ЗАМѢЧАНІЯ

ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ

ЗА ГРАНИЦЕЮ

ДАН Л'ЭТРАНЖЕ

МЯТЛЕВА

Де бонъ тамбуръ де баскъ
Деріеръ ле монтанье.
Русс. народ. пословица.

СЪ РИСУНКАМИ В. Ѳ. ТИММА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1907

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ИЗДАНІЮ 1904 Г.

Въ 1840 году въ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ появилась необыкновенная книга... Роскошь и совершенство, съ какими была напечатана эта книга, были совсѣмъ необычны для тогдашняго читателя. Бѣлинскій относилъ изданіе къ примѣчательнѣйшимъ явленіямъ типографскаго міра и писалъ, что оно „заслуживаетъ величайшаго вниманія и самыхъ лестныхъ похвалъ по своимъ политипажнымъ картинкамъ и виньеткамъ, изобрѣтеннымъ и выполненнымъ превосходно“. Но не одно внѣшнее изящество книги привлекало къ ней вниманіе публики. Бросились въ глаза и странное заглавіе и курьезная мистификація на обложкѣ: книга называлась: „Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею дан л'Этранже“, а мѣсто изданія на обложкѣ указано въ Тамбовѣ, у книгопродавца Дмитрія Федорова, и только на оборотѣ обложки было отмѣчено, что книга печаталась въ лучшей по тому времени ти-

пографіи „Journal de Saint-Pétersbourg“. Стиль и содержаніе книги оказались тоже выходящими изъ ряда. Тамбовская помѣщица Курдюкова вздумала разсказать о своемъ заграничномъ путешествіи, описать „свои сенсаціи“, свои впечатлѣнія отъ европейскаго Запада. Ужъ одно сопоставленіе Курдюковой, тамбовской барыни, этого поистинѣ гоголевскаго типа, и западно-европейской культуры вызывало невольный смѣхъ, а языкъ, на которомъ написаны „Сенсаціи“, былъ поразительно смѣшонъ: это — смѣсь русскихъ словъ съ французскими, столь характерная для нашего общества Николаевской эпохи. На этомъ языкѣ объяснялись и знакомыя намъ дамы изъ „Мертвыхъ Душъ“ — просто пріятная и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, но Гоголь, пуристъ языка, замѣнилъ всѣ французскія слова дамъ русскими, иронично замѣтивъ при этомъ, что „авторъ исполненъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, отъ глубокаго чувства любви къ родинѣ“. Гоголь отказался отъ лишняго комическаго эффекта, зато Курдюкова вполнѣ использовала этотъ эффектъ. Курдюкова пишетъ французскія слова русскими буквами

и, конечно, произноситъ ихъ сообразно русскому написанію. Несвойственные звуки производятъ смѣхъ.

Книга имѣла огромный, сенсаціонный успѣхъ, для насъ, потомковъ, даже не совсѣмъ понятный. „Сенсаціи" покупали, читали, выучивали наизусть по цѣлымъ главамъ, декламировали въ гостиныхъ. Критика отнеслась крайне сочувственно къ „Сенсаціямъ". Въ „Современникѣ", „Москвитянинѣ", „Сѣверной Пчелѣ" книга была превознесена, какъ выдающееся литературное явленіе, и только Бѣлинскій въ „Отечественныхъ Запискахъ" отозвался очень сдержанно. „Ихъ можно слушать — писалъ Бѣлинскій — съ удовольствіемъ, когда кто-нибудь ловко декламируетъ ихъ или просто читаетъ живымъ голосомъ, какъ это дѣлаетъ иногда самъ почтенный авторъ „Сенсацій". Имя автора не осталось въ секретѣ отъ литературныхъ круговъ: это былъ Иванъ Петровичъ Мятлевъ, очень богатый и сановный баринъ, камергеръ двора, свой человѣкъ въ высшемъ свѣтѣ и при дворѣ.

До сихъ поръ литературные таланты Мятлева были извѣстны лишь въ томъ великосвѣтскомъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался. Правда, въ тридцатыхъ годахъ онъ выпустилъ тоненькій сборникъ своихъ стихотвореній, но книжка была от-

тиснута въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и за предѣлы тѣснаго кружка великосвѣтскихъ друзей Мятлева не пошла. „Сенсаціи“ ввели его въ литературу и сразу сдѣлали его извѣстнымъ литераторомъ. Съ 1840 года стихи Мятлева появляются въ „Современникѣ“, „Маякѣ“, „Библіотекѣ для Чтенія“ и другихъ журналахъ. Наконецъ, онъ попалъ даже въ извѣстный сборникъ Смирдина „Сто русскихъ литераторовъ“. Но стихи Мятлева ничего не прибавили къ его славѣ: за небольшими исключеніями, они ниже посредственности. Слава Мятлева держалась только на „Сенсаціяхъ“, и появленіе второго тома „Сенсацій“ въ 1843 году, опять въ прекрасномъ изданіи съ рисунками Тимма, подогрѣло ее. Печать и общество восторгались по прежнему произведеніемъ Мятлева, и только Бѣлинскому такой огромный успѣхъ показался незаслуженнымъ: онъ собирался посвятить Мятлеву особую статью, но смерть поэта въ 1844 году помѣшала планамъ критика. Третій томъ „Сенсацій“ увидѣлъ свѣтъ лишь въ 1857 году, когда были перепзданы и первыя двѣ части. Въ 1857 же году появилось полное собраніе сочиненій Мятлева, въ которомъ „Сенсаціи“ были даны въ полномъ объемѣ. Но на этотъ разъ сочиненія Мятлева прошли незамѣченными: другое время

пришло, и не до „Сенсацій“ было. Шли годы, и поэзія Мятлева отходила все дальше и дальше въ область забвенія; наконецъ, въ сознаніи нашихъ современниковъ представленіе о Мятлевѣ и его произведеніяхъ перестало быть опредѣленной величиной. Въ пятидесятилѣтнюю годовщину со дня смерти Мятлева, въ 1894 году, появилось два юбилейныхъ дешевыхъ изданія; въ предисловіи къ одному изъ нихъ мы читаемъ слѣдующія строки: „Мятлевъ забытъ такъ основательно и прочно, точно его никогда и не было. Говорятъ: что хорошо забыто, то ново. Поэтому Мятлевъ является передъ читателемъ конца вѣка совершенно новымъ, свѣжимъ и оригинальнымъ предметомъ вниманія и изученія“. Но и эти изданія не пробудили интереса къ музѣ Мятлева... Вотъ судьба блистательной славы Мятлева... И все же „Сенсаціи“ принадлежатъ къ тѣмъ книгамъ, которыя не могутъ быть забыты, которыя всегда будутъ знать настоящіе любители литературы...

Появленіе въ печати, успѣхъ, журнальный шумъ, неожиданный для самого Мятлева,—лишь случайный эпизодъ въ его жизни, а вся его литературная дѣятельность — такой же эпизодъ въ жизни русской литературы. Эта дѣятельность совершилась въ сторонѣ отъ тѣхъ путей, по которымъ

шло развитіе нашей литературы. Въ этомъ особенномъ положеніи Мятлева нужно искать причины забвенія его музы. А между тѣмъ поэзія Мятлева далеко не заслуживаетъ подобнаго пренебрежительнаго отношенія, хотя бы уже потому, что налицо — знаменательный фактъ рѣшительнаго и огромнаго успѣха, требующій объясненія. При оцѣнкѣ произведеній Мятлева мы можемъ оставить въ сторонѣ всѣ его мелкія произведенія. Это — или болѣе и менѣе длинныя пародіи совершенно въ стилѣ юмористической части „Сенсацій", написанныя на томъ же французско-русскомъ языкѣ, или лирическіе романсы на обычныя лирическія темы, напоминающіе отошедшія времена сентиментализма. Но и въ мелкихъ стихотвореніяхъ Мятлева найдемъ нѣсколько незабытыхъ и даже, наоборотъ, хорошо извѣстныхъ пьесъ. „Фонарики-сударики" и т. д. давно уже перешли въ уста народа и съ значительными искаженіями поются въ низшихъ слояхъ городского населенія. Необыкновенно популярная „Настоечка тройная" тоже принадлежитъ Мятлеву. Наконецъ, И. С. Тургеневъ обезсмертилъ первый стихъ одного мятлевскаго стихотворенія—„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы". Всѣ особенности творчества Мятлева сконцентрированы въ „Сенсаціяхъ". Съ нихъ началась его литературная карьера и ими же кончилась.

Для вѣрнаго пониманія „Сенсаціи“ необходимо познакомиться съ личностью автора и выяснить процессъ возникновенія его книги. Къ сожалѣнію, наши біографическія свѣдѣнія о Мятлевѣ крайне скудны. Единственный біографическій очеркъ мы находимъ въ книгѣ Н. Гербеля („Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“ Спб. 1880, стр. 335—336). Мы узнаемъ изъ него, что Иванъ Петровичъ Мятлевъ „родился въ 1796 году въ Петербургѣ. По рожденію, богатству и сановному родству онъ принадлежалъ къ высшему петербургскому свѣту. Образованіе, полученное имъ дома, было вполнѣ свѣтское. Любовь къ поэзіи развилась въ немъ очень рано. Еще будучи ребенкомъ, онъ любилъ подыскивать рѳмы, и позднѣе любовь эта превратилась въ неодолимую страсть къ писанію стиховъ. Со вступленіемъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, онъ отказался отъ сочиненія стиховъ въ серьезномъ родѣ и обратился къ легкой сатирѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, по самому свойству своего ума и характера, былъ болѣе склоненъ къ веселому взгляду на жизнь, чѣмъ къ мрачнымъ воззрѣніямъ поэтовъ двадцатыхъ годовъ, такъ любившихъ метать громы краснорѣчія въ своихъ добродушныхъ согражданъ“. Всю свою жизнь Мятлевъ вращался въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, при дворѣ; онъ сжился

съ интересами этого тѣснаго круга, и врядъ ли ему были близки какіе-либо другіе интересы. Въ этихъ же сферахъ завязались и его литературныя связи. Мятлевъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ въ домѣ Карамзиныхъ; онъ былъ поклонникомъ извѣстной фрейлины А. О. Россетъ-Смирновой, вокругъ которой собиралось столько писателей; дружилъ съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, позднѣе съ Лермонтовымъ. Въ свѣтскихъ салонахъ встрѣчался онъ съ литераторами. При дворѣ Мятлевъ занималъ офиціальныя должности; мы ничего не знаемъ о его служебной дѣятельности, но Мятлевъ игралъ въ придворныхъ кругахъ еще одну роль, яркую характеристику которой мы найдемъ и въ „Воспоминаніяхъ М. А. Паткуль“ („Историческій Вѣстникъ“ 1902, кн. II), и въ „Запискахъ“ Смирновой. Мятлевъ и при дворѣ, и въ высшемъ свѣтѣ былъ признаннымъ „остроумцемъ“.

Веселый и живой человѣкъ, Мятлевъ былъ „душой“ придворныхъ салоновъ: онъ сыпалъ каламбурами, шутками, проказами и стихами. Его проказы и остроты вызывали смѣхъ на самыхъ суровыхъ лицахъ; надъ его остроумными отвѣтами смѣялся самъ Николай Павловичъ. М. А. Паткуль яркими штрихами рисуетъ намъ образъ Мятлева, проказника и шутника, которому сходили съ рукъ иногда

очень рискованныя мистификаціи и шутки. Его остроты расходились по петербургскимъ гостинымъ и были модными новинками. Смирнова сохранила намъ нѣсколько остроумныхъ и находчивыхъ отвѣтовъ Мятлева. Мятлевъ былъ истиннымъ, природнымъ комикомъ. Замѣчательно раздвоеніе въ его психикѣ. Онъ не былъ тѣмъ юмористомъ, веселымъ и безпечнымъ, для котораго смѣхъ — вторая природа. Мятлевъ, человѣкъ, обладавшій неистребимой жаждой веселья, былъ вообще грустенъ и меланхоличенъ. Онъ говорилъ смѣшныя вещи съ невозмутимо-серьезнымъ видомъ и устраивалъ мистификаціи, которыя вызывали слезы у присутствовавшихъ. Смирнова разсказываетъ, какъ Мятлевъ заставилъ плакать всю ея прислугу, нѣмецкую и русскую, сказавъ проповѣдь на своемъ жаргонѣ... Баратынскій очень удивился, познакомившись съ Мятлевымъ: онъ встрѣтилъ серьезнаго и солиднаго человѣка зрѣлыхъ лѣтъ. Какой грустью звучитъ признаніе, сдѣланное имъ Смирновой: „Я часто имѣю счастье васъ смѣшить, такъ какъ я — клоунъ русской поэзіи!“ И какъ странно соотвѣтствовалъ всей жизни Мятлева ея заключительный аккордъ: онъ умеръ въ самый разгаръ масленичныхъ удовольствій, среди веселыхъ шутокъ и проказъ.

Когда Мятлевъ хотѣлъ смѣшить, риѳмы всегда приходили къ нему на помощь. Не затрудняясь ихъ подборомъ, Мятлевъ всегда могъ говорить складно и въ риѳму, сочинять стихи на какія угодно темы. Въ собраніи его сочиненій сохранились эти импровизированные стихи на случай, которые, собственно, не должны бы числиться въ памятникахъ нашей письменности. Изъ устныхъ шуточныхъ импровизацій и выросли „Сенсаціи“; если авторъ не „говорилъ“ ихъ, а написалъ, такъ это объясняется размѣрами пародіи. Одинъ изъ критиковъ-современниковъ Мятлева оставилъ слѣдующее свидѣтельство о немъ: „Мятлевъ не былъ поэтомъ: онъ не сочинялъ стиховъ, — онъ импровизировалъ ихъ, смѣялся стихами, шутилъ риѳмой, не заботясь вовсе объ изысканной отдѣлкѣ и презирая напыщенное краснорѣчіе стихотворцевъ. Мятлевъ избралъ было даже особенный родъ чтенія этихъ стиховъ, удивительно пріятный, почти неподражаемый; онъ не читалъ ихъ, не декламировалъ, не надувался; онъ просто говорилъ свои стихи, и всегда говорилъ наизусть, беззаботно разсказывалъ въ стихахъ, бесѣдовалъ стихами; вамъ казалось, будто вы слышите мадамъ Курдюкову въ натурѣ, будто вы сами разговариваете съ нею, находитесь въ русскомъ обществѣ, увлекаетесь

его страннымъ говоромъ. Онъ говорилъ этими стихами по цѣлымъ часамъ, и вы никогда не утомлялись ими: въ такой степени представляли они вѣрный и, слѣдовательно, весьма искусный сколокъ тона, пріемовъ, способовъ выражаться и понятій нашего образованнаго общества, нашего „свѣта“. Когда Мятлевъ кончалъ, вамъ хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ“. Самъ Мятлевъ тѣсно связывалъ происхожденіе своихъ „Сенсацій“ съ бесѣдами въ гостиныхъ; извѣстно, что онъ очень увлекался Смирновой. Въ ея присутствіи его остроуміе проявлялось еще живѣе и ярче. Въ одномъ изъ своихъ шутливыхъ писемъ къ Смирновой Мятлевъ писалъ: „О, вы, мой ревъ, parce que je rêve sans cesse de vous, моя фантастическая дама. О, вы, истинная, настоящая мать Курдюковой, ибо вы ее родили: я о васъ думалъ все время, писавъ ея нашептыванья. О, вы, которой одной она посвящена и принадлежитъ“. Эту связь поэзіи съ живымъ словомъ, съ дикціей необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ пародіи: нѣкоторыя техническія несовершенства, какъ, напр., длинноты или рѣзкости стиля, объясняются привычкой Мятлева импровизировать свои стихи. Положеніе импровизатора Мятлева въ нашей литературѣ напоминаетъ намъ другого на-

шего остроумца—П. Ѳ. Горбунова. Правда, Мятлевъ писалъ больше, чѣмъ Горбуновъ. Но какъ Горбуновъ выработалъ постоянную форму для разсказовъ и пустилъ въ обращеніе генерала Дитятина, такъ для Мятлева Курдюкова была такимъ же постояннымъ типомъ: онъ любилъ ставить ее въ различныя житейскія положенія, и недаромъ „Сенсаціи“ растянулись на цѣлыхъ три тома.

И, несмотря на исключительную, экзотическую обстановку, въ которой были созданы „Сенсаціи“, имъ нельзя отказать въ народности. Необходимо признать, что автору близки и родственны пріемы народнаго творчества: онъ шутилъ въ простонародномъ духѣ, иногда черезчуръ рѣзко и грубо, быть можетъ, даже непривычно для нашего слуха. Бѣлинскій крайне удивился, прочитавъ написанный Мятлевымъ „Разговоръ барина съ Аѳонькой“: его поразилъ въ этой пьесѣ особенный юморъ, который такъ свойственъ людямъ низшаго сословія, когда они разсуждаютъ о барахъ. Бѣлинскій не могъ объяснить присутствія народности въ поэзіи Мятлева и рѣшилъ даже, что разговоръ не сочиненъ, а списанъ Мятлевымъ со словъ какого-нибудь Аѳоньки. Въ самомъ дѣлѣ, народность совершенно не вяжется въ нашемъ представленіи съ приведенными выше біографическими данными.

Одной изъ любимыхъ темъ Мятлева является насмѣшка надъ антинаціональнымъ воспитаніемъ; въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ искренно жалуется на недостатки своего французскаго воспитанія, на совершенное отсутствіе въ немъ русскихъ настроеній: „на канапе ли лежу, въ прологъ, въ Минеи гляжу, не понимаю никакъ!“ И тѣмъ не менѣе неисповѣдимыми путями народность проникла въ поэзію Мятлева, барича и воспитанника французскаго аббата. „Сенсаціи“ написаны вполнѣ въ духѣ народныхъ шутокъ. Самый стихъ съ неизысканной ритмой, безъ постояннаго соблюденія размѣровъ напоминаетъ народный складъ, ту складную рѣчь, которой говорятъ присказки, разсказываютъ исторіи въ райкѣ. Само остроуміе „Сенсацій“ тоже носитъ народный характеръ: въ немъ есть много тяжелаго, грубаго — какъ разъ того, что такъ характеризуетъ вульгарный юморъ. И многія мѣста изъ тѣхъ, которыя не нравились и критикамъ, какъ разъ выдержаны въ народномъ духѣ.

Курдюкова очень удалась Мятлеву. Передъ нами живое лицо. Типичныя черты провинціальной барыни, не чуждой образованія и ведущей крѣпостное хозяйство, схвачены вѣрно и живо. Въ разныхъ мѣстахъ книги Мятлевъ подчеркиваетъ роль

воспитанія въ образованіи характера и міросозерцанія своей героини. Ея воспитаніе несложно:

Наизусть л'истуаръ роменъ
Твердо жюскъ а Константенъ;
Всей Европы географья;
По-французски ортографья;
Крошечку ариѳметикъ,
Рисованья и мюзикъ.
Съ этимъ барышня Тамбова
Хоть къ вѣнцу совсѣмъ готова,
А ужъ больше не проси,
Особливо про Рюси.

Въ исторіи главный авторитетъ — л'абе Милотъ, въ литературѣ любимецъ — Карамзинъ, который привилъ сентиментальныя манеры, но только манеры: карамзинскій сентиментализмъ не смягчилъ сердца, не утончилъ души. Мы знаемъ, что этотъ сентиментализмъ уживался съ самыми грубыми и жестокими привычками. Курдюкова—энергичная барыня, чрезвычайно самостоятельная въ своемъ поведеніи и сужденіяхъ. Она, впрочемъ, подобострастна въ отношеніи къ высшимъ и въ то же время, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, она впитала грубость въ обращеніи съ низшими, для которыхъ у нея постоянные эпитеты — хамы и дуралеи. Она практически смѣтлива, у нея есть здра-

вый смыслъ, но она глубоко смѣшна во многихъ своихъ сужденіяхъ о Западѣ. Въ мнѣніяхъ объ искусствѣ она является въ нѣкоторомъ родѣ предшественницей Писарева:

Отчего всѣмъ такъ пріятенъ
Видъ крутыхъ скалистыхъ горъ
И руиновъ?—Это вздоръ:
Лучше всякой мнѣ руины
Просто риги и овины:
Въ нихъ по крайней мѣрѣ прокъ;
А де рюинъ муа же манъ-мокъ.
Домъ безъ крыши, безъ окошекъ
Годенъ только что для кошекъ
Иль для крысъ, — не для людей.

Она — ярая патріотка и націоналистка: у нея пренебрежительное отношеніе къ различнымъ народностямъ и восторженное — къ русскимъ. Нѣмцы у нея оказываются копчеными, а русскіе — лихими русачками. Ея безцеремонность и энергичность очень понравились Лермонтову, и онъ высказалъ въ альбомѣ Мятлева рядъ комплиментовъ:

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю,—
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!

Ея разсказъ такъ милъ:
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame de Курдюковъ.

Вотъ основныя черты личности Курдюковой. Казалось бы, что, охарактеризованная такими чертами, она не совсѣмъ подходитъ къ типу комической героини. Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что Курдюкова на всемъ протяженіи „Сенсацій“ является только комическимъ лицомъ. Быть можетъ, когда фигура Курдюковой впервые замелькала въ шуткахъ и импровизаціяхъ Мятлева, она казалась ему только смѣшной, но пародія затянулась, и Курдюкова стала расширяться и двоиться въ его представленіи, и за комическими чертами ея личности выдвинулись тѣ, которыя не могли быть предметомъ смѣха уже по одному тому, что онѣ были широко развиты и въ окружавшемъ Мятлева обществѣ, и въ немъ самомъ. Лермонтовъ понялъ, что Курдюкова не только комическое лицо, но современная критика увидѣла въ „Сенсаціяхъ“ только одну Курдюкову — героиню комическаго путешествія, достойную всякаго смѣха,

и все значеніе „Сенсаціи“ свела къ забавной шуткѣ, къ осмѣянію провинціализма и русско-французскаго жаргона, который былъ въ такомъ ходу въ то время. Намъ, больше, чѣмъ на полвѣка, отошедшимъ отъ той эпохи, легче разглядѣть, что представляетъ Курдюкова. Курдюкова отражаетъ въ своей личности характернѣйшія особенности своего времени — Николаевской эпохи. Она выразительница и представительница не одного захолустнаго тамбовскаго бомонда, а огромной массы тогдашняго общества — офиціальной и чиновной Россіи, которая какъ разъ въ эту эпоху выработала основныя положенія офиціальной народности. И, если въ началѣ поэмы провинціализмы тамбовской барыни подвергались осмѣянію, между прочимъ, и съ точки зрѣнія петербургскаго общества, то въ дальнѣйшемъ развитіи „Сенсаціи“ Курдюкова, которая явилась представительницей цѣлаго общественнаго слоя, включавшаго и петербургскій свѣтъ, оказалась провинціалкой въ дѣйствительно большомъ свѣтѣ — западномъ мірѣ. Понятно, что въ послѣднемъ случаѣ для Мятлева Курдюкова уже переставала быть комической персоной, ибо она была ему сродни.

Быть можетъ, чувство родственной близости къ своей героинѣ и дало Мятлеву психологическія

основанія надѣлить Курдюкову такими свойствами, которыя были присущи ему и совершенно не соотвѣтствовали опредѣлившейся въ первыхъ страницахъ книги характеристикѣ Курдюковой. Всякому читателю бросается въ глаза, что многія изъ сужденій ея о литературныхъ дѣятеляхъ различныхъ народовъ обнаруживаютъ большія литературныя знанія, несомнѣнно превосходящія свѣдѣнія Курдюковой. Во многихъ мнѣніяхъ о произведеніяхъ живописи и другихъ памятникахъ искусства обнаружено такое знакомство съ исторіей искусства, котораго нельзя ожидать отъ Курдюковой. Мы, между прочимъ, знаемъ, что самъ Мятлевъ былъ хорошимъ знатокомъ искусства, и въ его домѣ на Исаакіевской площади было цѣнное собраніе произведеній искусства. Въ „Сенсаціяхъ“ отразилась и двойственность психики Мятлева: мы находимъ въ нихъ столь присущее созданіямъ истиннаго юмора сочетаніе смѣшного съ грустью и лиризмомъ. Мятлевъ въ многочисленныхъ отступленіяхъ заставляетъ свою героиню дѣлать несвойственные ея характеру поступки: по поводу красотъ природы восхвалять Творца, по поводу историческихъ событій изливаться въ чувствительныхъ разсужденіяхъ. Какъ, напр., расходится съ упомянутымъ выше мнѣніемъ Курдюковой о безполезности красоты въ природѣ признаніе:

У природы есть секретъ
Утѣшать меня средь бѣдъ!

Конечно, это признаніе принадлежитъ Мятлеву, а не Курдюковой. Правда, въ художественномъ отношеніи лирическія отступленія — не высокой пробы, а восторги передъ природой и искусствомъ носятъ удивительно наивный характеръ.

Въ чувствѣ національности и патріотизма произошло объединеніе тамбовской барыни съ петербургскимъ свѣтомъ. Когда Мятлеву пришлось коснуться патріотизма, Курдюкова сразу стала чѣмъ-то бо́льшимъ тамбовской барыни и постепенно превратилась въ представительницу эпохи. „Сенсаціи“ пріобрѣтали серьезный общественный смыслъ. Вѣдь, въ сущности, настоящей темой произведенія является вовсе не смѣшное положеніе Курдюковой за границей, а противопоставленіе Россіи Западу. Въ эпоху созданія „Сенсацій“ отношенія Россіи и Западной Европы были модной темой. Мятлевъ обсуждалъ эту тему съ точки зрѣнія того общества, въ которомъ онъ вращался. Мятлевъ совсѣмъ былъ чуждъ крайностей въ своихъ представленіяхъ о Западѣ; онъ находилъ много цѣннаго на Западѣ, главнымъ образомъ въ его прошломъ, и въ то же время „Сенсаціи“ должны были бы убѣждать каждаго читателя, что, несмотря на всѣ пре-

имущества Запада, русскій человѣкъ все же имѣетъ превосходство. Конечно, въ „Сенсаціяхъ“ ярко отразилось современное представленіе о громоподобномъ величіи русскихъ. Вотъ наиболѣе выразительная тирада:

[Иностранцамъ] досадно,
Что у насъ въ Россіи ладно,
Точно какъ семья одна!
И, какъ моськи на слона,
Издали на насъ ярятся!...
...Какъ монументъ,
У Исакья, Петръ Великій,
Надъ всемірной политикой
Мы стоимъ гора горой!
Осѣнивъ ее рукой,
Никого не задѣваемъ!
Всѣмъ имъ здравствовать желаемъ!
Но не тронь они и насъ,
Иль не сыщется ля плясъ,
Гдѣ когда-то ихъ видали.
Просто: помнай какъ звали!

Прошло немного больше десяти лѣтъ послѣ появленія „Сенсаціи“, и Крымская война показала, что мы вовсе не стояли надъ политикой. На ряду съ этимъ національнымъ самовозвеличеніемъ, въ „Сенсаціяхъ“ ярко проявляется и наивное отношеніе къ соотечественникамъ, характеризующееся

какой-то особенной самовлюбленностью. Вотъ, напр., признаніе въ собственномъ безкорыстіи:

Русскимъ дорога лишь слава;
Но нѣмецкая держава
Отъ шозъ: ей дю солидъ
Подавай,—кто посулитъ,
Все охотно принимаетъ.

Какой наивностью звучитъ признаніе Курдюковой:

Полъ мой вѣчно забываю,
Когда вижу красоту
Нашу русскую... мечту
Карамзинскую, съ косою
Темнорусою, съ ногою,
Какъ ихъ Пушкинъ воспѣвалъ,
Ногъ китайскихъ идеалъ,
Нѣги полную небрежность,
И такую свѣжесть, нѣжность,
Какъ у прочихъ не найдешь

и т. д.! И съ такими представленіями о своемъ величіи и своихъ достоинствахъ Курдюкова, представляющая огромную общественную группу, сталкивается съ западной культурой. Какимъ пренебреженіемъ къ этой Европѣ вѣетъ отъ разсужденій Курдюковой! Она говоритъ о ней тѣмъ тономъ, какимъ говоритъ зрѣлый человѣкъ съ подростаю-

щимъ юношей. Вполнѣ соотвѣтствуютъ этому пренебреженію сужденія о главнѣйшемъ достояніи западной жизни—наукѣ и значительнѣйшихъ событіяхъ западной исторіи. Курдюкова одобряетъ устройство дома сумасшедшихъ рядомъ съ Боннскимъ университетомъ:

Се тре бьенъ... по мнѣ, наука
Преопаснѣйшая штука!
Забредешь въ ея пути,
Мудрено-ль съ ума сойти?

О ренесансѣ Курдюкова вынесла полное понятіе:

Проснулися ле сьянсъ,
Но такъ межъ собой смѣшались,
Что всѣмъ кашею казались.

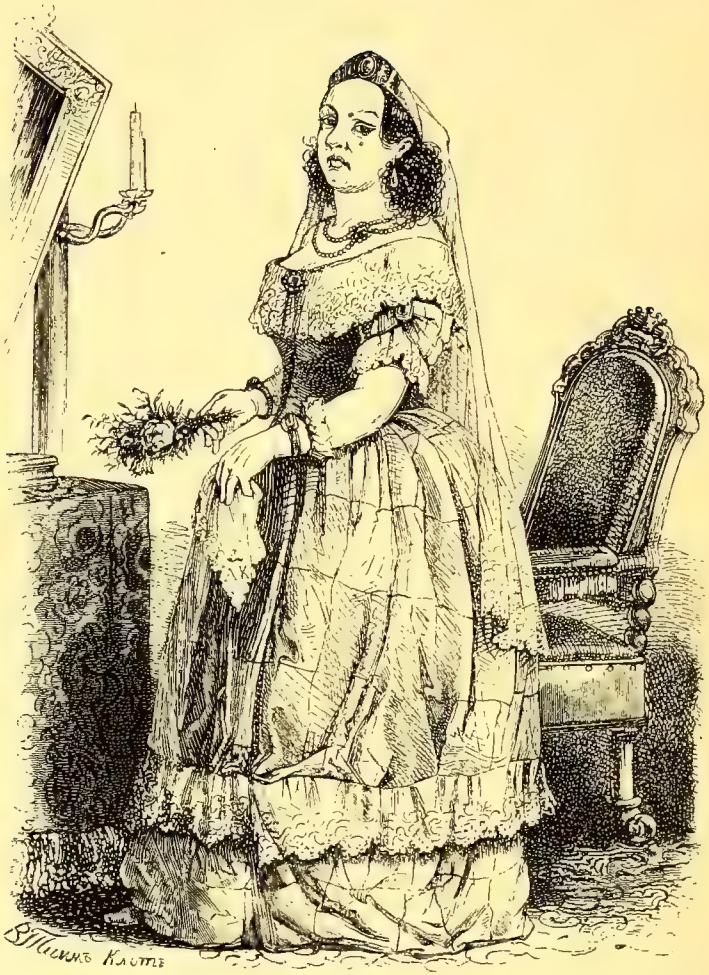
Гуситы представляются Курдюковой, какъ „езуиты, аферисты, энтриганъ, сплетники, де мове жанъ“ и т. д. Но подобными взглядами какъ разъ характеризуется та огромная масса, чиновная и офиціальная, представительницей которой является Курдюкова.

Съ такой точки зрѣнія историческое и историко-литературное значеніе „Сенсацій“, до сихъ поръ еще не освѣщенное исторической критикой, не подлежитъ сомнѣнію. Онѣ являются памятникомъ того

настроенія, которое придаетъ такой индивидуальный характеръ Николаевской эпохѣ. „Сенсаціи“ попали въ тонъ господствовавшему настроенію; отсюда объясняется ихъ огромный успѣхъ.

Настоящее изданіе представляетъ воспроизведеніе перваго изданія „Сенсацій“, которое своими типографскими совершенствами вызвало столько похвалъ у Бѣлинскаго. Первое изданіе съ рисунками и виньетками Тимма давно уже стало библіографическою рѣдкостью. Рѣдкій экземпляръ его былъ предоставленъ въ наше распоряженіе для воспроизведенія рисунковъ завѣдывающимъ русскимъ отдѣленіемъ Императорской Публичной библіотеки В. П. Ламбинымъ, которому мы приносимъ искреннюю благодарность.

Новое изданіе „Сенсацій“, предлагаемое теперь вниманію читателей, является точнымъ воспроизведеніемъ нашего изданія 1904 года.


В. Пасимъ Клотъ

ОТЪѢЗДЪ.

I.

ОТЪѢЗДЪ.

Мнѣ сказали доктора:
„Мадамъ Курдюковъ! пора
Вамъ бы на воды въ Германью.
Тамъ найдете вы компанью
Лордовъ, графовъ и князей,
Препорядочныхъ людей.
Вамъ понравится Европа.
Право, мѣшкать *иль не фо-па,*
А то будете *маладъ;*
Отправляйтесь-ка въ Кронштадтъ“.

Вотъ въ дорогу я пустилась:
Въ городъ Питеръ дотащилась

И промыслила билетъ
Для себя *э пуръ* Анетъ,
И *пуръ* Харитонъ *ле* мѣдникъ
Сюръ ле пироскафъ „Наслѣдникъ“.
Погрузила экипажъ,
Приготовилась въ вояжъ.

Но на Бердовой машинѣ
Вздумалось моей кузинѣ
Бѣдную меня, *маладъ*,
Проводить *жюска* Кронштадтъ.
Берегъ весь кипитъ народомъ
Передъ нашимъ пароходомъ:
Де мамзель, де кавалье,
Де попы, *дез офисье,*
Де коляски, *де* кареты,
Де старушки, *де* кадеты,—
Однимъ словомъ, всякій сбродъ.

Задымился пароходъ.
Въ колокольчикъ застучали,
Всѣ платками замахали:

Завозились *ле мушуаръ:*
Всѣ кричатъ: *„Адье, бонсуаръ,*
Ревене, не м'убліе па!“
Отвязалася зацѣпа;
Мы пустились по водамъ,
Какъ старинная мадамъ
При началѣ менуэта.
Не догонитъ насъ карета:
Мы летимъ, какъ соколы!
Разсѣкаются валы,
Домъ за домомъ пропадаетъ,
Меньше, меньше, убываетъ,
И *ле* Петербургъ исчезъ
Въ мрачной синевѣ небесъ.

Пригорюнясь объ отчизнѣ,
Я подумала о жизни.
Право, то-жъ бываетъ съ ней:
Много въ юности затѣй,
Передрягъ, любви, невзгоды;
Протекутъ, промчатся годы,

И вся эта кутерьма
Исчезаетъ, какъ дома.

Кстати, берегъ Петергофа
Намъ синѣется. Здорово,
Старый другъ минувшихъ лѣтъ!
Я была *энъ пе кокетъ;*
Помню, N. N. волочился
И чуть-чуть... но онъ женился,
Завладѣла имъ жена...
Я осталася вѣрна
Господину Курдюкову.

Но *адье* и Петергофу...
Вотъ является Кронштадтъ.
Сердцу русскому онъ кладъ;
Онъ Петра напоминаетъ;
Духъ Петра въ немъ обитаетъ,
И теперь его грантъ—
„Не ме тушъ па“—говоритъ.

Вотъ и *пироскафъ* „Наслѣдникъ“!
О, великій проповѣдникъ
Всѣхъ морскихъ тревогъ и мукъ,
Ты, *мусье* капитанъ Кукъ:
Дай твое мнѣ краснорѣчье,
Дай перо нечеловѣчье
Описать на твой манеръ
Наше странствіе *паръ меръ*.

Я взошла. Зовутъ обѣдать!
Хорошо бъ *дине* отвѣдать.
Но куды,—ужъ мѣста нѣтъ!
Пропадаетъ мой обѣдъ.
Я на палубу взбѣжала,
Капитана отыскала:
Говорю: *„Монъ капитенъ...!“*
Онъ въ отвѣтъ мнѣ: *„нихтъ ферштейнъ!“*
Нѣмецъ, на бѣду, копченый,
По-французски не ученый,
Я не знаю *лалеманъ;*
Ну, признаться, *се шарманъ!*

Ужъ мнѣ это компанейство:
Настоящее злодѣйство
Привилегію давать,
Чтобъ меня не понимать,
Чтобъ осталась я голодной!
Я, съ улыбкой благородной,
Отошла, но мой обѣдъ
Отомстила *сюръ Анетъ*,—
Съ ней за все, про все ругалась.
Тутъ съ кузиной я разсталась;
Бердова машина прочь.

Солнце скрылось, вотъ ужъ ночь.
Что-жъ не ѣдемъ? Тамъ съ паспортомъ
Что-то возится надъ портомъ
Аккуратный капитанъ:
Хочетъ знать, *пуркуа, команъ*
Отправляемся въ дорогу.
Было время, слава Богу,
Разсмотрѣть, но, ахъ, *гате,*
Все у насъ *формалите!*
Есть всегда крючокъ запасный.

Но вотъ полночь. Мѣсяцъ ясный
Расходился въ небесахъ
И на дремлющихъ волнахъ
Онъ излилъ свое сіянье,
Въ сердце томное мечтанье
О быломъ, о старинѣ;
Мнѣ явились, какъ во снѣ,
Тѣ боскеты, тѣ пріюты,
Роковыя тѣ минуты,
Гдѣ впервые Курдюковъ
Объявилъ мнѣ про любовь —
Я жеманилась сначала,
Но потомъ сама сказала,
Поразнѣжась: *„Пуркуа па?*
Адресуйтесь *а папа!“*

Но вотъ подъѣзжаетъ шлюпка.
Въ ней, раздутый, точно губка,
Офицеръ сидитъ рябой.
„Отправляйся, Богъ съ тобой!“
Онъ кричитъ, подавъ бумаги,
„Пассажиры не бродяги;

Капитейнъ, адье, фарцу!“
Дѣло, стало быть, къ концу.
Точно, пароходъ дымится;
Мы идемъ, волна клубится
Подъ колесами у насъ,
И Кронштадтъ пропалъ изъ глазъ.

Посмотрѣть бы, компаньоны
Каковы, что за *фасоны?*
Однимъ словомъ, кто они?
А то, — Боже сохрани! —
Не диковинка *пететоръ,*
Такъ сказать, *се компрометеръ.*
Ну, приступимъ: *вуаси*
Знатный баринъ *де Рюси.*
Онъ въ плащѣ, въ очкахъ, въ фуражкѣ,—
Не узнаешь по замашкѣ,
Кто такой. Но вотъ, — *малеръ!* —
Съ нимъ заговорилъ актеръ
Просто изъ французской труппы.
А вонъ тамъ какія группы!
Офицеры, шкипера,

Шамбеляны, повара,
Разночинство, развращенье,
Вавилонское смѣшенье!
Вотъ опять актеръ *франсе*
Разговоръ *рекомансе*
Съ графомъ, будто бъ съ своимъ братомъ.
Я бы съ этимъ супостатомъ
Поступила, но, гляжу,
Всюду то же нахожу;
Въ креслахъ Гамбсова издѣлья,
Что дарятъ для новоселья,
Дама знатная сидитъ.
Съ нею каждый говоритъ,
Всякъ подходитъ, кто желаетъ,
И съ сигаркой подсѣдаетъ.
Вонъ съ козлиной бородой,
Знать французикъ молодой,
Во всю мочь горланитъ пѣсни;
Не умолкнетъ онъ, хоть тресни.
А тутъ Н. Н. балагуръ,
Что *а муа фезе ла-куръ*,
Говоритъ стихи плохіе,

Иногда хоть и смѣшные,
Ме пуртанъ, са не ва па.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Тутъ толкуютъ о натурѣ,
Больше жъ о литературѣ,

Аматеры де воляжъ,
И какую ералашь!
То Вольтера, Ламартина,
То другого господина
Превозносятъ до небесъ;
То Бейрону перевѣсъ
Присуждаютъ офицьяльно,
То Гюго бранятъ формально,
А тамъ, далѣе отъ нихъ,
Цѣлый фронтъ старухъ больныхъ
Чулки вяжутъ, что есть мочи,
Съ утра ранняго до ночи:
Такъ успѣли надоѣсть,
Что не знаешь, гдѣ и сѣсть.
Тутъ гуляетъ горделиво —
Цампа что ли, Алмавива,
Въ синей епанчѣ одѣтъ?
Энъ курье де кабинетъ, —
Англичанинъ, съ рожей красной.
Вѣрно человѣкъ опасный!
Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ:
То сигарку закуритъ,

То присядетъ, то напьется,
То самъ про себя смѣется,
То глядитъ на *фирманъ*,
И всегда *анъ муванъ*.

Такъ мы плыли двое сутокъ;
Очень скучно, кромѣ шутокъ;
Какъ вдругъ появился мнѣ
Островъ Борнгольмъ въ сторонѣ.
Островъ Борнгольмъ кто не знаетъ?
Русскій всякій тутъ вздыхаетъ,
Потому что Карамзинъ
Сочинилъ романъ одинъ —
Пречувствительный, презнатный
И притомъ весьма пріятный.
Мнѣ же, — что таить грѣхи? —
Очень нравятся стихи:
„Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви“.
Они напоминаютъ
Волненіе въ крови,

Когда, будучи при мѣстѣ,
Кажется, рублей за двѣсти
Мой супругъ попалъ подъ судъ,
Какъ я ихъ пѣвала тутъ!
Какъ я въ горести мечтала,
Что въ Борнгольмѣ я вздыхала!
Въ мысляхъ слились Курдюковъ,
И законы, и любовь.
Онъ неправъ, конечно; что же,
Онъ мой мужъ, великій Боже!
Я, законная жена,
Сожалѣть о немъ должна.

Но еще одна секунда,
И ужъ берегъ Травемюнда,
Наяву ли то,—во снѣ?
Я въ нѣмецкой сторонѣ!
Для меня всѣ вещи новы:
И нѣмецкія коровы,
И нѣмецкая трава!
Закружилась голова;

Внѣ себя отъ восхищенья...
Все предметъ мнѣ удивленья!

Но морской мой конченъ путь,
И пора мнѣ отдохнуть.

ЛЮБЕКЪ.

II.

ЛЮБЕКЪ.

Городъ Любекъ — градъ ганзейскій;
Изъ Исторьи Европейской,
Кажется, *Лабе Милотъ*,
Помню я, что былъ комплотъ
Встарину межъ городами,
Чтобъ торговыми дѣлами
Имъ завѣдывать, и такъ,
Чтобы не входилъ никакъ
Въ городъ ни король, ни воинъ,
Кто въ Ганзу не удостоенъ!
Всѣмъ тогда была гроза
Знаменитая Ганза.

Даже Новгородъ Великій,
Подстрекаемъ политикой,
Въ тотъ вмѣшался заговоръ.
Русскій царь былъ *паз-анкоръ*
Обладатель полъ-вселенной.
На тотъ счетъ опять почтенный,
Помнится мнѣ, Карамзинъ
Написалъ романъ одинъ.
Я сама его читала,
Въ Маѳы ужасть какъ желала,
Но теперь не та *эпокъ:*
Женщина! вяжи чулокъ,
Не задумывай о рѣчи,
Какъ *алоръ* у нихъ при вѣчѣ.
Нѣтъ! — теперь болтливыхъ бабъ
Въ мигъ квартальный цапъ-царапъ.

Городъ Любекъ такъ построенъ,
Что вниманія достоинъ:
Въ немъ все кирки, не дома;
Много пищи для ума;
Всюду старина святая.

Плоховата мостовая,
Ме села, са мет-эгаль.

А какая *катедраль!*
Что за штуки въ ней встрѣчаютъ!
Тамъ куранты часъ играютъ,
Кажется, *ле Огюстинъ*.
Ангелъ выскочитъ одинъ,
Молоткомъ бьетъ объ колонну,
И къ нему идутъ къ поклону
Куклы въ царскихъ епанчахъ,
Въ гарнитуровыхъ штанахъ.
Хоть о томъ толкуютъ розно,
Но оно весьма курьезно.
Тамъ какого-то Голбейнъ
Кажутъ также *ле десейнъ:*
Во всю стѣну все скелеты,
И фигуры разодѣты:
Лампереръ, ле папъ, купецъ,
Рыцарь, воинъ изъ нѣмецъ,
Королева, столяриха,
Баронесса и портниха

Этотъ называютъ вздоръ
Ле проказы *де ла Моръ*.
Я все мелькомъ осмотрѣла.
Видѣть городъ захотѣла,
И пошла вездѣ въ чепцѣ.
Бижу даму на крыльцѣ,
Да и не одну — десятки,
Анъ маншъ куртъ, и всѣ порядки
Соблюдаютъ прежнихъ лѣтъ.
Есть и фартукъ, и корсетъ,
И платочекъ, и корзинка,
Будто бъ про запасъ для рынка.
А мужчины нѣмцы — типъ:
Есть у всякаго *ла типъ*,
И *ла каннъ*, и фракъ предлинный,
И *кюлотъ*, костюмъ старинный,
И *ле букль*, и *ле сулье*, —
Веритабль кавалье!
Кучера, ткачи, маркеры, —
Всѣхъ ихъ, право, въ гувернеры
Мы забрали бъ встарину!
Имъ была лафа *ше ну!*

Нынче времена иныя:
Наши русачки лихіе
Рады нѣмцамъ указать.
Хваты, нечего сказать!
У моихъ меньшихъ сестричекъ
Гувернантка изъ калмычекъ,
А у братцевъ гувернеръ
Бывшій Н. Н. *шасеръ*,
Сынъ приказчика простого,
Человѣка крѣпостного,
Но который, *же ле гажъ*,
Навострился *анъ воляжъ* —
Такъ и рѣжетъ по-французски.

Но мой *эстома* по-русски
Говоритъ: пора *дине*,
Полно, дескать, *промене*.
Вверхъ носить ко мнѣ — забота:
Я поѣмъ *у табельдота*.
Вотъ вхожу. Хозяинъ самъ
Молвилъ: „*Зецен зи, мадамъ*“.
Но потомъ и самъ садится!

Ну, куда жъ это годится,
Чтобъ трактирщикъ за столомъ
Самъ сидѣлъ, какъ *галантомъ?*
Вотъ *ла* супъ: одна водица
Съ лукомъ, съ тѣстомъ, и корица
Такъ и плаваетъ по немъ!
Незавидно; подождемъ,
Дальше будетъ что такое.
Вотъ *ле бефъ,* языкъ, жаркое,
Рыба, утка и *гемисъ,*—
Это *ле премье сервисъ.*
Ко всему даютъ варенье:
Что за странное смѣшенье!
А съѣдятъ, *нейе па перъ,*
И затѣмъ *фромажъ* и *беръ.*
Кушать мясо съ черносливомъ,
Запивать все это пивомъ,—
Тотчасъ будетъ *ла коликъ.*
Нѣмецъ къ этому привыкъ,
Но я русская, не нѣмка,
Все равно — давай поѣмъ-ка!
Что-то будетъ? Ничего!

Но готовы *ле шево.*
Городъ Любекъ оставляю,
Путь мой въ Гамбургъ направляю;
Постильонъ сидитъ верхомъ,
Важно хлопаетъ бичомъ,
Но потомъ въ рожочекъ мѣдный
Такъ онъ подуваетъ, бѣдный,
Что краснехонекъ, какъ ракъ.
Это музыкальный знакъ.
Да! рожокъ, по мнѣ, кокарда
Земли Глука и Моцарта,
И Бетговена, *временъ.*
Музыкантъ-то *селеманъ*
Неискусенъ, — такъ играетъ,
Что намъ уши раздираетъ:
То завякаетъ козой,
То какъ быкъ мычитъ порой,
То визгнетъ какъ поросенокъ,
То заплачетъ какъ ребенокъ,
То скрипитъ; *ме сэт-эгаль:*
Колыбель *де ла Весталь*
Въ этихъ звукахъ полудикихъ.

Такъ начало рѣкъ великихъ
Непримѣтный ручеекъ;
Такъ невидный червячокъ
Той матеріи начало,
Что роскошно украшала
Между нами не одну
Генеральскую жену!

Въ гору постильонъ слѣзаетъ,
Трубку вяло набиваетъ,
Лошади идутъ шажкомъ,
А онъ возлѣ нихъ пѣшкомъ.
Я кричу, онъ въ усъ не дуетъ;
По-нѣмецки мнѣ толкуетъ,
Что карета тяжела, —
Вишь, подъѣхалъ съ чѣмъ, *вола*!
Жалко, что не угодила.
Я въ Москвѣ ее купила
За три тысячи рублей:
Не мѣнять же, дуралей!

Вотъ шлагбаумъ — тутъ за дорогу
Марковъ пять платить, ей-Богу!
Хуже тракта нѣтъ у насъ.
По-нѣмецки: „*Васъ истъ дасъ?*“
Разсердясь, я закричала:
„*Махен зи шосей* сначала,
И тогда я заплачу,
А теперь *нихтсъ,* не хочу!“
Нѣмецъ въ хохотъ, и мнѣ кажетъ,
Что шлагбаумъ онъ не отвяжетъ,
Пока денегъ не отдамъ.
Что-жъ мнѣ спорить? Я мадамъ!
Не стоять же здѣсь съ каретой.
Посовѣтовшись съ Анетой,
Отдала, и вскорѣ, вотъ,
Мы на станціи: — новый счетъ?
За *шмиръ-гельдъ, тринкъ-гельдъ,* барьеры,
Здѣсь на разныя манеры
Отдувайся кошелекъ:
Мигомъ весь уйдетъ оброкъ.

*

Право, — экая досада!
Не доѣду до Бадъ-Бада:
И придется мнѣ стоять,
Или деньги занимать.

ГАМБУРГЪ.

III.

ГАМБУРГЪ.

Городъ Гамбургъ — городъ важный,
По комерціи вальяжный,
Богатѣйшіе *мезонъ!*
Право, *онъ оре резонъ*,
Если бъ назвали столицей
Городъ Гамбургъ и царицей
Всей торговли *де Эвропъ*.
Любекъ передъ нимъ холопъ,
Просто дрянь. Здѣсь есть кареты,
Шарабанъ, кабріолеты,
Кавалеры *а шеваль*,
Гардъ есть даже *насьональ* —
Въ длинныхъ чекменяхъ казацкихъ,

Въ киверахъ полусолдатскихъ,
Маршируютъ съ *ла мюзикъ*,
А напереди мужикъ —
Русскій, съ бородою длинной.
Табліе на немъ лосинный,
Ходитъ съ топоромъ въ рукѣ
И въ медвѣжьемъ колпакѣ.
Надобно сказать въ прибавокъ,
Что солдаты всѣ изъ лавокъ
Набраны, а комендантъ
Ихъ — сигарный фабрикантъ.

Я бъ у гамбургцевъ спросила:
Для чего имъ эта сила?
На кого *тире л'эпе?*
Нынѣ, *Дье мерси, ла пе,*
Не ко времени *пруэсы.*
Гдѣ ихъ были *фортересы*,
Бастіоны, палисадъ,
Тамъ теперь прекрасный садъ —
Все дорожки, все боскеты,
Клумбы, лавочки, генгеты,

Гдѣ, съ утра затѣя ширъ,
Нѣмцы прославляютъ миръ.
Нужны ль трубы, барабаны?
Не драбанты, а кауфманы
Славу здѣсь должны стяжать,
И не саблей обожать.

Недурна моя квартера:
Гдѣ же лучше Бельведера?
Онъ стоитъ *данъ ле милье*,
Передъ вашими *ле-зье*
Юнферштигъ и Эспланада.
Это Гамбурга фасада.
Гамбургъ точно какъ товаръ:
Много въ немъ *пуръ ле регаръ*,
И кварталъ весь этотъ новый,
Какъ въ кускѣ конецъ казовый,
Какъ на пачкѣ *экрито*:
Развернешь — уже не то.
Разъ пошла я для прогулки
Дальше. Что же? Закоулки,
Неопрятность, тѣснота.

Магазиновъ красота
Даже тамъ еще плѣняетъ,
Но оно лишь объясняетъ,
Каковы у нихъ *ресурсъ*.

Вотъ здѣсь Гамбурга *ла-бурсъ*.
Домъ большой, и въ немъ двѣ залы.
Наверху — одни журналы:
Тутъ съ утра купцы сидятъ
И молчаніе хранятъ;
Даже тутъ и чхнуть не смѣешь,
Поневолѣ оробѣешь.
А внизу вездѣ, глядишь,
Все развѣшены *афишъ;*
Но не тутъ дѣла сплетаютъ,
Курсъ монетъ опредѣляютъ:
Нѣтъ, на то есть *ан-дегорѣ*
Крышею покрытый дворъ,
Какъ загонъ скота въ Украйнѣ.
Я поудивилась крайне
Здѣсь такой *аномали*...
Какъ гамбургцевъ ни хвали,

А все люди — человѣки!...
Тутъ индѣйцы, турки, греки,
Англичане, *де франсе*, —
Словомъ, тутъ народы всѣ.
Ровно въ часъ *ла портъ* открыли,
Но меня не пропустили,
Потому что я мадамъ
И къ коммерческимъ дѣламъ
Не принадлежу по полу.
Виновата — по подолу!!
Я имъ „*се бьенъ пе галанъ!*“
Молвила *анъ ман-алланъ*
И наверхъ подняла палецъ.
Это принялъ за сигналецъ
Фьякръ, стоящій въ сторонѣ,
Мигомъ повернулъ ко мнѣ
Съ сивой тощею лошадкой
И съ колясочкой прегадкой.
Я должна была *гремпе;*
Ужасъ, *комъ сетъ-эскарпе!*
Дверку онъ за мной захлопнулъ,
„Ну, *вогинъ?*“ спросилъ и топнулъ.

*

Я, признаться, стала въ пень,
Говорю: „*Л'эглизъ, жарденъ,*
Иль *ле-портъ*, куда угодно".
Не могу еще свободно
По-нѣмецки объяснять.
Онъ сталъ лошадь погонять,
Но куда, ей-ей, не знаю.
Только вижу, — примѣчаю,
Что съ коляской *же марше*
Прямо такъ черезъ *марше.*
Люди впереди и сзади;
Не кричитъ онъ: „пади, пади!"
Лишь бичомъ на воздухъ бьетъ,
И расходится народъ.
Догадаешься — прекрасно,
А не то, такъ преопасно,
Вотъ, *ше ну кандъ иль-а-ди:*
„Баба чортова, поди!"
Оглянулась, осердилась,
Но зато посторонилась.
Э же трувъ, се трез-эзе,
Но *муэнъ сивилизе.*

По проулкамъ крючковатымъ
Часъ благимъ мы ѣдемъ шагомъ,
Вдругъ онъ мнѣ: „*Дасъ истъ ле портъ!*“
Поглядѣла я: кой чортъ?
Все трактирчики, *генгеты*.
Гдѣ жъ брандвахта? гдѣ пикеты?
Гдѣ пакгаузы? гдѣ *ле-ке?*
Только корабли въ рѣкѣ.
Вижу я, что для торговли,
Точно какъ для рыбной ловли,
Нужно только приманить,
А потомъ ужъ не мутить,
Не подчаливать въ мережѣ,
Не шумѣть, избави Боже!
Лишь сначала волю дай,
Тамъ гляди, и не мѣшай!

„Ну, *мусье*, вези *нахъ обенъ!*“
Я сказала. Безподобенъ
Фьякръ мой! Понялъ эту цѣль
И привезъ *а Сенъ-Мишель*.
Кирка важная, большая,

Точно церковь, и какая
Башня знатная при ней!
Вѣрно въ триста саженей.
Я наверхъ взойти рѣшилась;
Лѣзла, лѣзла, — дотащилась.
Что тутъ за прекрасный видъ!
Глазъ куда ни поглядитъ,
Города вездѣ, селенья,
Эльбы, Везера теченье...
Есть съ чего сойти съ ума!
Кель шарманъ панорама!

Гдѣ-то въ книгѣ я читала,
Будто бъ, не увидя бала,
Городъ *онъ не пе жюже.*
Какъ же быть? Мнѣ, госпожѣ,
Напроситься невозможно, —
Развѣ очень осторожно.
Но что вижу? Ба, ба, ба!
Вотъ счастливая судьба!
Объявляется о балѣ
Нынче жъ вечеромъ въ вокзалѣ.

Не хочу его *манке.*
Кликнула *энъ лонъ-лаке*
И отправилась. — При входѣ
Заплатила маркъ, по модѣ
Скинула *манто* въ сѣняхъ
И вошла. Что вижу? — Ахъ!
Какъ куръ во щи я попала:
Вся биткомъ набита зала
И какой ужасный сбродъ!
Все ремесленный народъ,
Все *де дамъ комъ иль не фо па!*
Чуть не сдѣлалось *сенкопа.*
Трубокъ дымъ, попойка, крикъ
И прескверная *мюзикъ!*
Я назадъ; меня хватаетъ
Энъ мусье и вдругъ сажаетъ
На колѣни какъ мамзель.
Курдюковъ бы на дуэль
Его вызвалъ за продерзость,
Но я вырвалась. О, мерзость!!
Какъ узнаютъ? Нѣтъ, *санъ брюи*
Я уѣду *данъ ла нюи.*

Но карета расхилилась
И еще не починилась.
Побранила я *ме жансъ,*
Записалась въ дилижансъ.
Дилижансъ узнать не худо;
Хоть до Бремена покуда,
А ужъ послѣ въ Оснабрюкъ.
Заказала я семь брюкъ
Въ Гамбургѣ для Харитона;
Для себя — два амазона,
И мантилью *пуръ Анетъ;*
Да купила я лорнетъ,
Парасоль, часы стѣнные,
Вещи разныя иныя.
Харитонъ ихъ соберетъ
И съ каретой привезетъ.

Деньги какъ подобралися.
Экій Гамбургъ! — провалися!
Ужъ замѣчено всегда —
Русскимъ въ Гамбургѣ бѣда.
Все такъ дешево, красиво,

И сидѣльцы такъ учтиво
Всѣ умѣютъ предложить,
Что нельзя и не купить.
Намъ всегда гостинцы нужны:
Мы и съ тѣмъ, и съ этимъ дружны,
И *ма тантъ*, и *ле докторъ*,
И Коко, Жано, *ма серъ*,—
Все на память тутъ приходитъ
И такъ далеко заводитъ,
Что на первую пору
Въ кошелькѣ ужасный *тру;*
А ужъ далѣе что будетъ,
Русскій думать позабудетъ.
Потранжирить, помотать,—
Вотъ что русскому подъ стать!
Что же дѣлать? — виновата;
Я по-русски таровата:
Всѣмъ знакомымъ *де кадо*
И себѣ *ту се киль фо*
Въ Гамбургѣ я накупила.
Такъ карету нагрузила,
Что *пуръ муа* и *пуръ Анетъ*

Даже сѣсть ужъ мѣста нѣтъ,
Русская хотя извѣстна
Ла рыдвань четверомѣстна:
Важи, погребъ, чемоданъ,
Сундуки *дерьеръ, деванъ,*—
Примутъ издали за гору,
И на почтахъ не безъ спору:
Все ея тяжелину
Поставляютъ намъ въ вину.

Но не кончены заботы.
Я потребовала счеты
Изъ *отель де Бельведеръ.*
Вѣрно *са сера тре шеръ;*
Не условилась сначала—
Спесь мнѣ какъ-то помѣшала:
Здѣсь зовутъ меня *контесъ,*
Торговаться—*са м'абесъ!*
Русскихъ много поддѣваютъ
Только тѣмъ, что величаютъ
Иль *монъ пренсъ,* или *монъ контъ,*
И тогда имъ будто *гонтъ*

Счеты видѣть, торговаться
И въ обманъ не отдаваться.
Какъ они, попалась я;
Но, признаться, мысль моя,
Что давно насъ раскусили
И давно ужъ сочинили
Басенку про русскихъ баръ:
„Ле корбо и ле ренаръ“.

ДИЛИЖАНСЪ.

IV.

ДИЛИЖАНСЪ.

Въ дилижансъ чтобъ сѣсть съ Анетой,
Мнѣ пришлось *даборъ* съ каретой
Ѣхать *жюске данъ ле портъ*,
А тамъ, показавъ паспортъ,
Плыть рѣкой на пароходѣ
При ужаснѣйшей погодѣ,
Вѣтрамъ и дождю *анъ бютъ*.
Я сошла *данъ ла каютъ:*
Духота, народъ толпится;
Всякій тутъ скорѣй садится,
Такъ что намъ ужъ мѣста нѣтъ.

Я стою *авекъ* Анетъ,
Про погоду разсуждаю;
Какъ доѣду я, не знаю...
И теперь болитъ спина:
Сгорбиться была должна
Я въ каретѣ и немножко
Ноги выставить въ окошко,
Чтобы вещи умѣстить,
А Анету посадить
Ужъ на козлы мнѣ пришлося,
Столько клади набралося,
А откудова, Богъ вѣсть!
Хоть по пальцамъ перечесть—
Сколько помню о багажѣ,
Я не захватила даже
Лишней вещи ни одной:
Я взяла мой *сакъ* ночной,
Чемоданъ, туалетъ и ларчикъ
Да дорожный самоварчикъ,
А съ Анетой сундучокъ,
Да съ провизьей погребокъ,
Съ шляпками моя картонка,

Да въ корзинищѣ болонка,
Пять, шесть книгъ, мой *сакуражъ* —
Вотъ и весь мой тутъ багажъ!
Мнѣ затѣи вовсе чужды;
Но вотъ для какой-то нужды
Вышла парочка старухъ.
Поскорѣй на мѣсто бухъ,
Побѣжали мы и сѣли,
И спасибо, что успѣли:
Глядь, онѣ ужъ снова въ дверь,
Но не пустимъ ихъ теперь.
За мѣста готовы драться;
Только стоило добраться!

Вотъ таможня, *ла дуань*.
Здѣсь мой бѣдный чемоданъ
Весь расшарятъ, раскидаютъ,
А о томъ не разсуждаютъ,
Что немудрено измять,
Перепортить, и опять
Мнѣ укладывать придется.
Если такъ, оно найдется,

Что все тутъ *пуръ-мон-юзажъ*.
Ну, не лучше ли, *плю сажъ*,
Если бъ *ла дуань* сначала
Вояжеровъ разобрала,
Посмотрѣла бы паспортъ,
И открыли бы *ла портъ*
Всѣмъ, кто ѣдетъ для *плезира*,
Какъ свободный житель міра,
Не за тѣмъ, чтобъ торговать,
А чтобъ деньги проживать.
Да что *ла дуань* добудетъ,
Если насъ тревожить будетъ?
Можетъ быть, одинъ платокъ,
Или полотна кусокъ.
Царство тѣмъ не разорится,
А, напротивъ, поживится
Тѣмъ, что въ немъ мы просоримъ.
Мы зато заговоримъ
Про его цивилизацью
И прославимъ эту нацью.
Дѣло разное—купецъ:
Ѣдетъ онъ на тотъ конецъ,

Чтобы сбыть свои товары.
Нужны зоркіе *регары*,
Чтобъ онъ соблюдалъ тарифъ
И не сдѣлалъ бы подрывъ
Черезъ разныя мытарства
Индустріи государства.
Но и тутъ опять скажу:
Я совсѣмъ не дорожу
Заведеньями такими,
Что запретами одними
Могутъ только процвѣтать.
Нечего на нихъ считать:
Время измѣнить законы.
Что за страшные уроны
Должно ожидать тогда?
Да и всѣмъ отъ нихъ бѣда!
Платишь вдвое то, что хуже
И непрочно, — почему же?
Потому что далъ король
Фабрикантамъ *монополь*.
Нѣтъ, по мнѣ бъ распорядиться,
Чтобы у себя добиться

Такъ издѣлья добывать,
Чтобы имъ соревновать
Не могли никакъ чужія,
Потому что выписныя
И дороже ихъ — *а козъ*
Де ле друа э дю провозъ.

Я какъ будто отгадала:
Мнѣ таможня приказала
Преучтиво, *анъ-франсе*,
Взять мои багажи всѣ,
Дескать, нѣтъ на нихъ сомнѣнья.
Лишь спросили объявленья,
Что со мной товаровъ нѣтъ,
Подходящихъ подъ запретъ.
„Женсепа“, я отвѣчала
И досмотра ожидала,
Но *мусье ле-капораль*
Закричалъ: *„О, сет-эгаль!“*

Я отправилась въ контору
Дилижансовъ. На ту пору

Тамъ мой вѣшали багажъ
Чтобъ укласть *данъ л'экипажъ*.
Фунтовъ триста сорокъ восемь.
„Экій вѣсъ!— покорно просимъ.
Да нельзя его намъ взять",
Ле конторщикъ сталъ ворчать:
„Сказано намъ по закону,
Фунтовъ двадцать на персону".
Фунтовъ двадцать! *комъ се бетъ!*
Тяжелѣй одинъ туалетъ.
Если взять его хотите,
За излишекъ заплатите.
Заплатила, такъ и быть!
Здѣсь платить все и платить —
Было бъ чѣмъ, вся въ этомъ сила!

Къ дилижансу приступила,
Думала, что *ла мельеръ*
Будетъ *пласъ данъ л'энтерьеръ*,
Но ошиблась: *гранъ-сеньёры*,
Знатоки и *аматеры*
Пласъ берутъ *данъ ле-купе*.

Но онъ весь былъ *окюпе;*
Такъ засѣла въ шестимѣстной
Я каретѣ, очень тѣсной.
Вся она была полна:
Тутъ конторщика жена
Дилижансовъ, а тутъ рядомъ
Пивоваръ съ ужаснымъ задомъ;
Тутъ толстякъ, а тутъ скелетъ,
А тамъ въ уголкѣ Анетъ.
Межъ собою балагурятъ
Наши нѣмцы, а не курятъ,
Слишкомъ уважая дамъ.
Но Анетинымъ ногамъ
Достается отъ скелета.
Видно, хочетъ штука эта
Съ ней интригу завести.
Тьфу ты, Господи прости!
Вдругъ дохнулъ пренеучтиво
Нашъ производитель пива,
А за нимъ вдругъ нашъ толстякъ
Подалъ усыпленья знакъ,
Захрапѣлъ, какъ будто боровъ.

Устрашась сердитыхъ взоровъ,
Успокоился скелетъ,
И спать залегла Анетъ.
Вскорѣ я сама заснула,
Но въ плечо меня толкнула
Пивовара голова.
Хоть поѣздка дешева,
Но ужасно безпокойна,
Даже дамамъ непристойна,
Близко такъ сидятъ,—какъ знать,
Ночью вдругъ, не ждешь, и хвать...
Рада буду, какъ доѣду
Въ Бременъ... Вдругъ со мной бесѣду
Заводитъ сталъ нашъ толстякъ;
Говоритъ онъ мнѣ: „Никакъ
Дама русская... по мнѣ?
Я на Невскомъ, въ магазинѣ,
Продаю *шапо де суа!*“
— „Мусье Ю...ръ!!...“—„*Вуй, се муа*“.
Точно, помню, Курдюкову
У него брала обнову:
Шляпу, галстухъ и жилетъ

Часто *пуръ сонъ журъ де фетъ.*
Мы съ нимъ долго толковали
И такъ оба пріустали,
Что заснула до утра.
Но вотъ Бременъ — и пора
Выходить намъ: городъ старый,
Съ Любекомъ онъ можетъ парой
Въ памяти моей стоять:
Постараюсь описать.

БРЕМЕНЪ.

Judas
Lucas
Petrus
Johannes

V.

БРЕМЕНЪ.

Бременъ, славясь старпною,
Былъ, какъ говорятъ, Ганзою
Признанъ *пуръ ла капиталь.*
Тутъ видна еще *ла саль,*
Гдѣ ганзейцы собирались,
Погреба, гдѣ упивались
Ихъ могущества виномъ
И въ раздолiи хмельномъ
Всѣ дѣла распоряжали
И торговлей управляли.

Въ погребахъ сохранено
Времени того вино

И за деньги продается
Въ пользу думы; подается
Въ кабинетахъ, на столахъ,
Въ тѣхъ же самыхъ погребахъ.
Я по погребамъ ходила
И отвѣдать попросила;
Когда жъ я его *гуте,*
Подивилась остротѣ,
Но не вкусу: у любого
Вкусу нѣту никакого.
Его разные сорта.
Замѣчательна черта,
Что двѣнадцать ихъ считаютъ,
И всѣ бочки называютъ
Именами *дезъ апотръ.*
Онѣ ровны, *ленъ комъ л'отръ.*
Вкусъ изъ-сладка кисловатый,
Цвѣтъ изъ-красна желтоватый;
Но тамъ, говорятъ, всегда
Всѣхъ хмельнѣе *ле Жюда.*
„Отъ того онъ и предатель",
Прибавляетъ продаватель,

Бургомистра временщикъ —
По титулу погребщикъ.

Тутъ, гдѣ погреба и зала,
Я съ вниманіемъ взирала
На чудесную *фасадъ:*
Вся узорчата; стоятъ
Тутъ статуи, *эскогрифы*
И другіе іероглифы,
Ле-Саксонъ и *ле-Готикъ*,
И *ле-Грекъ митолоэикъ* —
Чего хочешь, того спросишь,
И понятіе уносишь
Полное *о ренесансъ*,
Гдѣ проснулися *ле сьянсъ*,
Но такъ межъ собой смѣшались,
Что всѣмъ кашею казались.
Ла статю дю гранъ Роланъ?
Здѣсь она *пуркуа, команъ*,—
Мнѣ растолковать не знали.
Только нѣмцы разсказали,
Что есть въ Бременѣ патентъ,

Коимъ этотъ монументъ
Данъ ему на сохраненье,
И имперьи повелѣнье,
Чтобъ хранить его, какъ глазъ;
И приписано въ указъ:
Если монументъ свалится,
Городъ правъ своихъ лишится.
Ужъ зато онъ сохраненъ
И рѣшеткой обнесенъ.
Сверхъ того еще есть крышка,
И прибита тутъ афишка,
Чтобъ не гадили никакъ,
И въ ней препинанья знакъ.

Кто охотникъ до сигарокъ,
Вотъ ужъ тутъ ему подарокъ:
Ихъ найдешь во всѣхъ домахъ,
Да не въ ящикахъ—въ тюкахъ,
Какъ у насъ пенька и сало.
Толку въ нихъ я знаю мало,
Говорятъ: *„комси, комса“*,
Но для глазъ они краса;

Ими окна убираютъ,
И Европу наводняютъ.

Я пошла въ рабочій домъ.
Тамъ старикъ, — *э жель бравъ омъ!* —
Одинехонекъ, съ женою,
Управляетъ всей тюрьмою,
Но безъ стражи, безъ цѣпей.
Бременецъ одинъ попей,
Подерись или съ *аманомъ*
Встрѣться бременка ратманамъ —
Тотчасъ ихъ туда сведутъ
И работу зададутъ.
А старикъ ихъ критикуетъ
И про доблесть имъ толкуетъ,
Но безъ палокъ, безъ угрозъ.

Всѣ дома иль *веръ*, иль *розъ;*
Улицъ нѣтъ, — все переулки!
Но зато что за прогулки
На бульварахъ, — *же ремаркъ*,
Что вездѣ они какъ паркъ

Во всѣхъ городахъ ганзейскихъ.
Вѣрно славныхъ полицейскихъ
Подобрали: *сетъ-эгаль*,
Ле режимъ мюниципаль
Только въ городѣ годится,
Но когда распространится
Въ государствѣ, — *се фини!*
Ты оглобли поверни,
Уплетай во всѣ лопатки.

Странные еще порядки
Въ разсужденьи *де ла бурсъ*.
Надо видѣть, *а ла курсъ*
Какъ сбѣгаются по звону
Всѣ къ Меркурьеву амвону
Негоцьянты и *коми*
Ровно *а миди э дми!*
Опоздаетъ кто, тотъ платитъ!
Нѣмецъ гроша не истратитъ,
Если можетъ удержать:
Лучше милю пробѣжать.

Кирка здѣсь еще замѣтна,
Но не тѣмъ, чтобы кокетна,
Нѣтъ... кто въ ней похороненъ,
Тотъ не тлѣетъ... обращенъ
Просто въ кожу барабана,
Иль въ пергаментъ для фирмана,
И поэтому *суванъ*
На спинѣ *дюнь грандъ-маманъ*
Бременецъ стучитъ тревогу
Иль готовитъ домъ къ залогу,
При свидѣтельствѣ попа,
На брюшкѣ *денъ гранъ-папа.*

ОСНАБРЮКЪ И МЮНСТЕРЪ.

VI.

ОСНАБРЮКЪ И МЮНСТЕРЪ.

Вотъ мой Харитонъ явился—
Съ почтой долго провозился,
Все привезъ, окромѣ брюкъ.
Отправляюсь въ Оснабрюкъ.

Видѣть городъ интересно,
Гдѣ Европа, какъ извѣстно,
Сдѣлала *трете де пе.*
Были многіе *дюпе,*
Многіе земель лишились,
Многіе обогатились,
А иные короли

Тутъ загнули *пароли*.
Но трактатомъ симъ Германья
Положила основанья
Всѣхъ своихъ владѣній, правъ,
Политическій уставъ.
Онъ и нынѣ, можетъ статься,
Служитъ поводомъ придраться,
Пошумѣть, затѣять споръ
И нагородить *дю* вздоръ.
Знать, отъ сильнаго задора
Сдѣлано два договора:
Въ Оснабрюкѣ былъ одинъ,
А по поводу причинъ,
Что тогда же разсудили,
Въ Мюнстерѣ другой склеили;
Оба за одно пошли:
Ле трете де Вестфали.

Что политикъ съединяетъ,
Дама то не разлучаетъ:
Такъ я Мюнстеръ, Оснабрюкъ
Уложила въ тотъ же тюкъ.

Точно, есть въ обоихъ залы,
Гдѣ послы и генералы
Положили межъ собой
Раздѣлить весь шаръ земной
Такъ, чтобъ каждому досталось
То, что нужно, что желалось,
И чтобы уже засимъ
Всякъ доволенъ былъ своимъ
И покоенъ былъ навѣки.
О, бѣдняжки человѣки!
Будто вѣчность въ ихъ рукахъ
И созданье ихъ не прахъ?...
Гдѣ ихъ дѣлась политика?
При капризахъ Лудовика,
Что *Луи Каторзъ* зовутъ,
Просто-на-просто капутъ!
Онъ въ одну почти кампанью
Внука королемъ въ Испанью
Самовольно посадилъ,
Рейнъ потомъ переступилъ,
Притѣснилъ потомъ Голландью,
Захватилъ потомъ Фламандью,

А Вестфальскій договоръ—
Ни въ копѣйку. Тутъ *анкоръ*
Заключили миръ Утрехтскій,
Тамъ еще трактатъ Нимвегскій,
Наконецъ *Экъ ла Шапель,*
И всегда одна же цѣль:
Вѣчный миръ. Но мы забыли,
Что про залы говорили.

Въ Оснабрюкѣ лишь столы,
Лавки, потолки, полы
Тѣхъ временъ еще остались;
Стѣны только поубрались
Всѣ портретами персонъ,
Что тогда давали тонъ.
Въ Мюнстерѣ мнѣ показали,
Что послы употребляли,
Заключая славный миръ,
Экритуары, тирелиръ,
Деньги клалъ куда виновный,
По интригѣ кто любовной,
Иль за тѣмъ, что долго спалъ,

Къ засѣданью опоздалъ.
Есть еще тамъ бердышъ длинный
И шандалъ одинъ старинный,
Разобиженный отъ мухъ,
И серебряный пѣтухъ,
Что служилъ намѣсто кружки
Для пословъ, въ часы пирушки,
Если кто нибудь изъ нихъ
Ловко обманулъ другихъ.
Тутъ рука еще сухая
Адвоката негодяя,
Что фальшиво написалъ
Засѣданія журналъ:
Эту руку отпилили
Да и въ ящикъ положили,
Людямъ на позоръ и въ страхъ.
Какъ подумать о рукахъ
Разныхъ многихъ дипломатовъ —
Если бы за фальшь трактатовъ
Ихъ отпиливать всегда,
Не былъ бы *шекгенсъ* тогда
Общимъ столь обыкновеньемъ,

Но подчасъ, за неимѣньемъ,
При дворѣ посолъ иной
Просто шаркалъ бы ногой.
Въ Оснабрюкѣ у старушки
Въ киркѣ, подъ ключомъ, игрушки,
Чѣмъ *ле Шарлемань* игралъ.
Это рубленый кристаллъ,
Въ родѣ бабки иль жетона.
Шарлеманева корона,
Гребень, коимъ онъ всегда
Чесывалъ *ла* борода,
Да еще его дубина.
Знали волю господина
Царедворцы тѣхъ временъ:
Всякій дѣлался уменъ,
Кто подъ палку попадался,
Утихалъ и зарекался
Свято наблюдать законъ,
Чтобъ избѣгнуть *ле батонъ*.
Въ киркѣ Мюнстера есть тоже
Рѣдкости, но не похоже:
Тамъ желѣзныя висятъ

Клѣтки три и, говорятъ,
Что въ нихъ сжарены гуситы,
Тѣхъ временъ, знать, езуиты,
Аферисты, *энтриганъ*,
Сплетники, *де мове жанъ*.

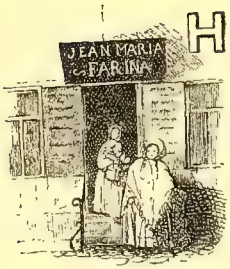
Въ Мюнстерѣ и въ Оснабрюкѣ
Упражняются ль въ наукѣ,
Не могу вамъ доложить.
Не хотѣла бы въ нихъ жить:
Не отели тамъ—харчевни,
И какъ будто двѣ деревни
Эти оба города.
Завираюсь иногда:
Въ Мюнстерѣ есть три казармы,
Есть студенты, есть жандармы,
Есть гулянье, эспланадъ,
Пять—шесть кирокъ, *дезъ аркадъ*,
Гдѣ съ сосисками есть лавки,
И тесемки и булавки.
Есть большой почтовый дворъ
И таможня есть *анкоръ*

Для въѣзжающихъ въ Германью.
Но, поклонъ образованью —
Лишь ее переступи
И тогда спокойно спи!
Ты нигдѣ не потревоженъ:
Нѣтъ ужъ болѣе таможенъ,
Хоть раздѣлъ Германьи *тель,*
Что въ ней тридевять земель.

КОЛОНЬ.

VII.

КОЛОНЬ.



Наконецъ, не безъ *эласа*
Я до Рейна добралася.
Вотъ ужъ съ башнями Колонь;
Пятна, *мо де неръ* и вонь
Намъ ужъ больше не причина:
Здѣсь вода *де Жанъ Фарина*
Совершенный *спесификъ*.
Жанъ Фарина—*л'омъ юникъ*,
Какъ повсюду утверждаютъ.
А и здѣсь ужъ ихъ считаютъ,
Какъ я слышу, сорокъ пять!
И никакъ нельзя узнать,

Кто изъ нихъ *ле веритабель;*
Все равно, *се тутъ-энъ дьябель,*
И по мнѣ, пускай, не тронь:
Тѣмъ дешевле *ло д'Колонь.*

Вотъ *ле-Домъ,* большое зданье,
И вокругъ него гулянье.
Это кирка древнихъ лѣтъ:
Стѣны всѣ какъ *петинетъ*
Или кружево въ узорахъ.
Первая она во взорахъ,
Какъ къ Колони подъѣзжать.
Только надобно сказать,
Что додѣлать не успѣли,
Или, лучше, не сумѣли,
И надстроили кой-какъ
На нее простой колпакъ.
Какъ разительно различье!
Здѣсь всей древности величье,—
Тутъ *ла поврете нувель.*
Но, какъ въ башнѣ *де Бабель,*
Было языковъ смѣшенье,

Разныхъ случаевъ стеченье,
Революцья, — Бонапартъ
Сдѣлалъ въ ней свой *кордегардъ*
И конюшню для лошадокъ.
Этимъ онъ мнѣ очень гадокъ,
Но великъ онъ *малгре са*,—
Натворилъ онъ чудеса
И въ Египтѣ, и въ Италіи!
И законы и баталіи
Ему сдѣлали *ренонъ*.
Вивъ ле фе Наполеонъ!
Но про кирку разговоры:
Въ ней большой органъ и хоры;
А ужъ окна — *манификъ!*
Точно *ла лантернъ мажикъ:*
Всѣ расписаны чудесно!
Какъ въ огнѣ горятъ, прелестно!
Весь изъ Библіи сюжетъ:
Тутъ *ла Сентъ-Элизабетъ*,
Тутъ вертепъ, тутъ убіенье
Дез анфанъ, тутъ Вознесенье;
Также есть *ла политикъ:*

Какъ *ле Шарлемань* великъ
На великолѣпномъ тронѣ,
Въ мантьѣ, въ латахъ и коронѣ.
Онъ и важенъ, и пригожъ;
А вокругъ гербы вельможъ,
Что его сопровождали,
И принцессы, дѣвы, крали,
Украшенья *де са куръ*;
Тутъ *дез анжъ* и *дез амуръ*.
Славно!—„Но еще здѣсь чудо:
Посмотрѣть бы вамъ не худо“,
Мнѣ сказалъ мой проводникъ,
Нѣмецъ, пономарь-старикъ:
„Тутъ за алтаремъ, въ чуланѣ,
Въ золотомъ большомъ экранѣ,
Головы царей-волхвовъ“.
Поняла изъ многихъ словъ,
Что сказалъ мой провожатый,
Что Лудовикъ *ле* Девятый
Ихъ Колони даровалъ.
Гдѣ и какъ онъ ихъ досталъ,
По исторіи не видно,

Но сомнѣніе обидно!
Я въ гостяхъ, и замолчу.
Только я взяла свѣчу
Разсмотрѣть жемчугъ, алмазы,
Изумруды и топазы,
Что въ экранѣ иль въ ракѣ
Сдѣланы, и аплике.
Тутъ еще мнѣ показали
Сакристи, гдѣ понабрали
Кучу рѣдкостей, коронъ,
Дез эпе и де батонъ.
Всѣ въ алмазахъ, въ филигранѣ,
И еще въ чудесной рамѣ
Маленькіе барельефъ.

Тутъ, кусочекъ хлѣбца съѣвъ,
Я пошла смотрѣть другую
Кирку, право, пресмѣшную:
Въ ней собраніе костей,
Онзъ миль вьержевъ. Ихъ злодѣй
Готъ, вандалъ или норманецъ,
Пьяница-народъ изъ пьяницъ.

Перерѣзалъ, перебилъ
Лишь за то, что не склонилъ
Ихъ на бракосочетанье,
Какъ гласитъ о томъ преданье.
Странный встрѣтили *скрюпюль*
Онзъ миль вьержъ и *Сентъ-Юрсюль!*
Мужъ пьянюжка — что жъ такое?
Съ нимъ вольнѣй и легче вдвое;
Забурлитъ онъ, отойдешь,
Послѣ все жъ свое возьмешь!!
Мужъ язычникъ и безъ вѣры?
Не бѣда и то: примѣры
Есть такіе, что женой
Такъ направленъ мужъ иной,
Что всему готовъ повѣрить—
Стоитъ только поманерить.
Вотъ мой Курдюковъ и самъ
Вѣритъ всѣмъ моимъ словамъ.
Готы такъ же бъ покорились,
Всѣ бъ навѣрно окрестились,
Новыхъ было бы *онзъ миль*
Православныхъ *данъ ла-виль.*

Еще кирку посѣтили
Мы, гдѣ Рубенса крестили.
Рубенсъ очень былъ уменъ:
Все писалъ онъ толстыхъ женъ.
Честь за то ему и слава!
Я сама не худощава,
А по части *де* красотъ
Всякъ стоитъ за свой приходъ.
И на толстыхъ всюду мода,
Но всегда, вездѣ природа
Водитъ Рубенса рукой.
Колоритъ его какой
И какое выраженье!
Здѣсь *табло* „Петра мученье“:
Онъ въ Парижъ былъ увезенъ,
Но при мирѣ возвращенъ.
Все — поэзія въ картинѣ;
Жизнь передана холстинѣ,
Точно вылиты въ словахъ
И уныніе, и страхъ,
Фанатизмъ, остервененье
И небесное терпѣнье.

Провидѣнія рука
Подкрѣпляетъ старика.
Въ немъ все дольное страдаетъ,
Но лицо его сіяетъ
Вѣрой свѣтлой и живой;
Онъ ужъ будто не земной:
Онъ пріялъ вѣнецъ мученья,
И завѣса ослѣпленья
Будто сдернулась съ очей
У толпы, у палачей.
Всѣ недвижны, всѣ робѣютъ,
Передъ нимъ благоговѣютъ.
Кажется, что вѣры лучъ
Къ нимъ проникнулъ изъ-за тучъ!
Но я, дура, заглядѣлась
На картину, будто въѣлась,
И забыла, что ужъ вотъ
Время *де ла табельдотъ*.
Поскорѣй бѣгомъ къ трактиру.

Но мнѣ Рубенса квартиру
Показалъ мой проводникъ,

Мусье Жанъ ле доместикъ.
На воротахъ по портрету
Узнаютъ квартиру эту.
Ла Мари де Медичисъ
Бѣдныхъ бюргеровъ *ле фисъ*
Невзначай здѣсь отыскала,
Ко двору *де Франсъ* призвала
И его открыла даръ!
Но каковъ же *ле газаръ?*
Завелась, пошла интрига,
Ганри Катръ убитъ, и лига
Усмирилась, но Мари
Выгнали *горъ де Пари!*
И блестѣвшая на тронѣ —
Какъ изгнанница въ Колонѣ;
Ту, кѣмъ славу получилъ,
Самъ же Рубенсъ пріютилъ:
У него она скончалась.

Но опять я заболталась:
Видно, не обѣдать мнѣ!
Хоть подумаю о снѣ.

И соснуть-то какъ, не знаю!
Смерть боюсь, что опоздаю.
Завтра ровно *а сизъ еръ*
Здѣсь уходитъ *ла ваперъ.*
Надо погрузить карету,
Надо разбудить Анету,
Выпить надобно *ле те;*
Ну, бѣда *де ту коте!*

РЕЙНЪ.

VIII.

РЕЙНЪ.

Слава Богу, мы успѣли,
И поспали, и поѣли.
Первый лишь услыша звонъ,
Завозился Харитонъ;
Колымага нагрузилась;
Я со всѣми расплатилась.
Задымился пароходъ,
Отправляемся въ походъ.
Вотъ стремится величавый
Рейнъ, давно гремящій славой!
Кто его не проходилъ?
Кто его вина не пилъ?

Рейнъ между рѣками знатный,
Онъ всѣхъ болѣе пріятный.
Назоветъ кто только Рейнъ,
Тотъ всегда прибавитъ *вейнъ:*
Такова уже привычка.

Слушайте: вотъ перекличка
Пассажировъ. Это лордъ,
Англичанинъ, старый чортъ,
Разъѣзжаетъ ради скуки;
У него въ карманахъ руки,
Планшевый сюртукъ, жилетъ
Полосатый и лорнетъ.
Это нѣмцы, знать изъ Бона
Два профессора закона.
Тутъ студентовъ пять иль шесть —
Мудрено ихъ перечесть:
Все впередъ и взадъ гуляютъ;
Волоса ихъ отличаютъ,
Какъ у нашихъ мужиковъ,
И покрой ихъ сюртуковъ
Въ родѣ куртокъ, а фуражки —

Полоскательныя чашки,
На одинъ у всѣхъ манеръ,
Крошечныя, *анъ-дра-веръ.*
Это англійская миса,
Прежеманная; актриса
Тутъ нѣмецкая сидитъ;
Съ ней французикъ говоритъ
Прямо изъ Пале-Рояля.
Пестрый, сдѣланный изъ шаля,
Щегольской на немъ жилетъ,
Узкій, точно какъ корсетъ;
Шаровары пребольшіе,
Полосатые, сшивные,
Бархатный сюртукъ, усы
И съ цѣпочкою часы.
Тутъ старикъ съ женой и съ дочкой;
Тутъ, одѣтые сорочкой
Или блузой, два *коми,*
Первые *де мез-ами,*
Преготовые къ услугѣ.
Говорятъ мнѣ, и въ Калугѣ
Ихъ товары получу,

Если только захочу;
А товаръ *гингамъ*, батисты.
Тутъ безъ галстуховъ артисты,
Этотъ — *энъ пейзажистъ*,
Этотъ — *энъ віолончелистъ*.
Тутъ двѣ дамы съ офицеромъ,
Тутъ фамилія съ курьеромъ
Задаетъ ужасный тонъ!

Въ сторонѣ здѣсь городъ Бонъ,
Городъ маленькій и тѣсный;
Университетъ извѣстный
Здѣсь устроенъ, и при немъ
Тутъ же сумасшедшихъ домъ.
Се тре бьенъ... По мнѣ, наука
Преопаснѣйшая штука!
Забредешь въ ея пути —
Мудрено ль съ ума сойти?
Согласить прошу системы,
Афоризмы, теоремы,
Весь наборъ кудрявыхъ словъ
Де месье де философъ.

„Солнце“, пишетъ тотъ, „вертится
Вкругъ земли и не ложится“,
А другой стоитъ на томъ,
Что „вкругъ солнца мы идемъ
И не примѣчаемъ сами,
Какъ стоимъ мы вверхъ ногами,
Каждый въ срокъ и череду
Мѣсяца два-три въ году,
По сигналамъ Зодіака“.
Коперникъ на то собака,
Но уменъ и Птоломей!
Ужъ какъ знаешь, разумѣй!
Если перейти къ исторьи, —
И въ ней разныя теорьи:
Римскій славный былъ народъ,
Говоритъ *Лабе Милотъ*.
Нибуръ говоритъ — нимало:
Римлянъ вовсе не бывало!
Даже въ томъ согласья нѣтъ,
Сотворенъ когда былъ свѣтъ:
Прежде ли сожженья Трои,
Или послѣ, и герои,

Что *мусье Гомеръ шанте,*
Екзисте, не экзисте,
Онъ не се па, и про Гомера
Говорятъ, что онъ химера —
Никогда и не бывалъ.
Иліаду кто жъ писалъ?
Въ философіи замѣтимъ,
Что за перекоры встрѣтимъ
О врожденности идей!
У малютокъ, у дѣтей,
У ребенка въ колыбели
Мысли, дескать, ужъ созрѣли,
Онъ ихъ въ свѣтъ съ собой несетъ.
Онъ кормилицу сосетъ,
А ужъ вѣдаетъ, бѣдняжка,
Что песочница — не чашка,
Что подсвѣчникъ — не фонарь,
И что попъ — не пономарь.
Для чего же воспитанье, —
Для чего? Ну, для узнанья,
Ошибается ли онъ.

Вотъ проѣхали мы Бонъ.
Городъ Кобленцъ недалеко.
Здѣсь поставленъ превысоко
Ле фортъ Эренбрейтенштейнъ.
Къ чему служитъ... *нихтъ ферштейнъ!*
Говорятъ: онъ *энпренабель.*
Но не нуженъ онъ, *же дьябель!*
Непріятель не возьметъ,
Что жъ такое? Обойдетъ,
И остался благодѣтель
Какъ сова въ гнѣздѣ, свидѣтель
Всей отваги боевой:
Матушку хоть рѣпку пой.

Въ Кобленцѣ большія зданья.
Но достойна замѣчанья
Ла фонтенъ, что сорудилъ
Здѣсь префектъ и посвятилъ
Въ честь французскаго похода
И двѣнадцатаго года.
Комендантъ *рюсъ экриве:*
Вю паръ нузъ э апруве!

Тутъ все горы близъ Нейвида.
Въ восхищеніи отъ вида,
Пассажиры, какъ въ хмели,
Всѣ кричатъ: *„Комъ се жоли!*
Комъ се бо!“ А что такое?
Горы лишь — не что иное.
Посмотрѣли бы у насъ
Ле Уралъ и *ле Кавказъ*.
Свѣтъ мнѣ, право, непонятенъ!
Отчего всѣмъ такъ пріятенъ
Видъ крутыхъ, скалистыхъ горъ
И руиновъ? — Это вздоръ:
Лучше всякой мнѣ руины
Просто риги и овины:
Въ нихъ по крайней мѣрѣ прокъ;
А де рюинъ муа же манъ мокъ.
Домъ безъ крыши, безъ окошекъ
Годенъ только что для кошекъ
Иль для крысъ,—не для людей.
И какой же дуралей
Ихъ хозяинъ — такъ высоко,
Что едва завидитъ око,

Ихъ построилъ, и къ чему?
Чтобъ не ѣздили къ нему,
Чтобъ его не навѣщали.
Какъ медвѣди, знать, живали
Рыцари *де танз-антикъ;*
А для ихъ для *доместикъ*
Каково было спускаться
Къ Рейну за водой?.. Признаться,
Какъ ни говори, *ла фуль,*
Тре жоли и *бьюти-фуль,* —
Не согласна я... Конечно,
Я сама люблю сердечно
Ле лежанды, ле балладъ,
Пѣтыя на старый ладъ,
Встарину какъ здѣсь любили,
Какъ амурились, какъ жили
Рыцари и *ле-контесъ,*
И волшебникъ лысый бѣсъ,
И красавицы младыя,
И разбойники лихіе.

Здѣсь два брата встарину
Полюбили разъ одну
Прекрасивую принцессу;
Но, не внемля интересу,
Положили межъ собой
Дѣло то рѣшить войной
И поѣхать въ Палестину
Испытать свою судьбину:
Первый турку кто убьетъ,
Тотъ принцессу и возьметъ.
Такъ и сдѣлали. Возились
Года два и воротились.
Но, увы, мамзель принцессъ
Что-то между тѣмъ увезъ —
Не догнали супостата.
Два воюющіе брата
Возвратились и въ слезахъ
Замка два на двухъ горахъ
Тутъ построили и жили;
Замки же соорудили
На готическій манеръ,
И зовутъ ихъ *ле дё фреръ*.

Дальше, красная дѣвица,
Черноброва, круглолица,
Снѣга бѣлаго бѣлѣй
И красивѣе, милѣй
Всѣхъ дѣвицъ Бахчисарая,
Словомъ, будто дѣва рая,
Цѣлый край одна спасла
Отъ ужаснѣйшаго зла.
Былъ драконъ лихой, свирѣпый,
Сходный яростью съ Мазепой,
Всюду страхъ распространялъ,
Рвалъ, и рѣзалъ, и терзалъ!
Люди плакали, тужили
И совѣтомъ положили,
Чтобъ дракона утолить,
Въ жертву дѣву посвятить,—
Дѣву съ чистою душою
И красивую собою.
Жребій палъ, какъ будто въ цѣль,
На крещеную мамзель;
А народъ былъ некрещеный,
Грубый, пьяный, неученый,

Готъ проклятый иль вандалъ —
Чести вовсе онъ не зналъ.
Дѣву бѣдненькую взяли
И къ осинѣ привязали
На томъ мѣстѣ, гдѣ драконъ
Выбралъ для себя притонъ.
Мясо свѣжее услышалъ
Ле драгонъ и тотчасъ вышелъ
И свою разинулъ пасть.
Чуя грозную напасть,
Дѣва Богу помолилась
И крестомъ пріосѣнилась.
Сталъ, какъ вкопанный, драконъ
И, отвѣся ей поклонъ,
Съ трескомъ такъ, какъ змѣй гремучій,
Побѣжалъ онъ въ лѣсъ дремучій
И исчезъ въ пучинѣ водъ.
Изумился весь народъ,
Дѣвѣ въ поясъ поклонился,
Въ ту жъ минуту окрестился
И построилъ замокъ тутъ:
Драхенфельсъ его зовутъ.

Дальше, рейнская русалка,
Преплутовка, пренахалка,
По прозванію Лурлей,
На погибель кораблей
Пѣсни дивныя пѣвала,
Взгляды страстные кидала
Исподлобья на пловцовъ,
На лоцмановъ, на гребцовъ.
Всѣ заглядывались, млѣли,
Править больше не умѣли,
И корабль ихъ погибалъ
Межъ пучинъ и дикихъ скалъ;
Тутъ къ нимъ Лурлей приплывала,
Тормошила, щекотала
Ихъ до смерти, и тогда
Поглощала ихъ вода.
Шелъ кто даже и горою,
Ранней, поздней ли порою,
Если Лурлей запоетъ —
Уже далѣе нейдетъ:
Остановится смущенный,
Заколдованный, влюбленный,

Внизъ бѣжитъ и *тутъ-а-ку*
Прямо бухнется въ рѣку.
Лурлей тутъ его щекочетъ,
Рѣзвится, поетъ, хохочетъ,
Пока жизни не лишитъ.
Вотъ что повѣсть говоритъ:
Даже войска посылались
Взять ее, но всѣ влюблялись:
Ле солда, ле капитенъ —
Всѣ къ ней отдавались въ плѣнъ
И навѣки пропадали.
Но секретъ ея узнали:
Колдуномъ-отцомъ ей данъ
Былъ какой-то талисманъ —
Просто бусы изъ коралла.
Ими всѣхъ она плѣняла,
Но какой-то, наконецъ,
Рыцарь, воинъ-молодецъ,
Побѣдитель мусульмана,
Самъ привезъ два талисмана
Противъ козней злыхъ: съ однимъ
Становился невидимъ,

А съ другимъ онъ не влюблялся
Никогда и дознавался
Всѣхъ секретовъ отъ красотъ.
Видитъ Лурлею, и вотъ
Въ ту жъ минуту догадался:
Къ ней тихонько подобрался,
Ожерелье онъ сорвалъ,
Бусы въ волны раскидалъ.
Лурлей въ тотъ же мигъ пропала,
Но остался у коралла
Отзывъ здѣсь на каждый звукъ.
Въ академію наукъ
Сообщить такое чудо,
Право, было бы не худо.
Здѣсь рѣка, какъ точно *лакъ:*
Подаютъ съ *вапера* знакъ
Иль трубой, иль пистолетомъ,
И кораллъ сейчасъ отвѣтомъ
Изъ воды встрѣчаетъ насъ
Пять иль шесть, иль восемь разъ.

Тутъ плывемъ между горами.
Вдругъ мы видимъ межъ волнами
Башню. Это *Мейзе-турмъ.*
Мыши взяли здѣсь на штурмъ
Монсиньора прескупого,
Пребогатаго, презлого.
Деньги онъ и хлѣбъ копилъ,
Голодомъ народъ морилъ.
Люди жаловаться стали:
Онъ ихъ сжегъ, чтобъ замолчали.
А Богъ допустилъ мышей
Съѣсть *эвека* до ушей.
Подѣломъ конецъ таковскій!
Монъ ами, мусье Жуковскій,
Написалъ про то *балладъ;*
Слышу я, *к'иль э маладъ.*
Для здоровья бъ не мѣшало
Погулять ему хоть мало.
Здѣсь, межъ горъ и межъ руинъ,
Онъ набрался бъ, *ж'имажинъ,*
Много новыхъ *энспирацій.*
Слава онъ для нашей нацьи!

Нужно и побаловать,
Но лѣниться не давать:
Пусть гуляетъ онъ и пишетъ,—
Всякій съ радостью услышитъ!
Ужъ не то, что мой разсказъ:
Я—лоханка, а онъ—тазъ.

Берега здѣсь измѣнились:
Виноградники явились,
Гдѣ *ле бонъ* рейнъ-вейнъ растетъ,
И чѣмъ далѣе впередъ,
Тѣмъ красивѣй положенья.
Всюду города, селенья,
Пристаетъ къ нимъ *ла ваперъ*.
Входитъ новый вояжеръ
Иль выходитъ изъ машины.
Рейнъ тутъ горы и руины
И суровость всю отвергъ.
Вола ле Іоганисбергъ!
Этимъ замкомъ политика
Надѣлила Метерниха.

Русскій князь и генералъ
Этотъ замокъ отказалъ:
Русскимъ дорога лишь слава,
Но нѣмецкая держава
Отръ шозъ: ей *дю солидъ*
Подавай; кто посулитъ —
Все охотно принимаетъ...
Далѣе, нашъ глазъ встрѣчаетъ
Маркебрунъ и Рюдесгеймъ.
Эта башня Гильдесгеймъ,
Гдѣ *ле Шарлемань* родился,
Умеръ, жилъ или женился —
Жен'сепа — здѣсь въ *Гидѣ* штрихъ.
Этотъ замокъ Биберихъ.
Герцогъ тутъ живетъ Нассаускій.
Точно какъ въ Москвѣ Петровскій,
Свѣтлорозовый дворецъ...
Принцъ Нассаускій молодецъ:
Вина у него и воды—
Все текучіе доходы.
По причинѣ винъ и бань,
Каждый принцу платитъ дань,

Или до пьяна пируя,
Иль лечась отъ почечуя.
Вотъ является Маянсъ,
Колыбель *де ла сіянсъ:*
Титулъ тѣмъ ему пристойный,
Что здѣсь Гутенбергъ покойный
Изобрѣлъ *эмпримери.*
Посудите, *же ву при,*
Каково его открытье!
Что за страшное развитье
И познаній, и идей!
Ужъ теперь среди людей
Нѣтъ секретовъ; невозможно
Слова молвить осторожно,
Пошутить хоть глазъ на глазъ
Сюръ ле контъ людскихъ проказъ.
Полетитъ, какъ окрыленный,
Твой *бонъ мо* по всей вселенной.
И теперь никто *не бетъ:*
Прочитаетъ *ла газетъ,*
И толкуетъ, судитъ, рядитъ —
Въ короли того посадитъ,

У того отниметъ тронъ;
Оконель и Веллингтонъ,
Оппозиціи и власти
Имъ разобраны на части
То ли дѣло въ старину!
Всякій зналъ свою струну:
Сапоги тачалъ сапожникъ,
Пироги пекалъ пирожникъ,
Не заботясь о другихъ.
Между тѣмъ, Виргильевъ стихъ,
Оды славныя Горацья,
Сенъ-Бернарда медитацья
Сохранялись *паръ экри —*
Регарде ле манюскри.
Дорого ихъ продавали:
Знатные зато читали,
А не всякій ротозѣй
Въ Маинцѣ есть *энъ мюзей:*
Рѣдкости въ немъ невелики —
Только римскіе антики,
Потому что искони
Здѣсь была ихъ *колони.*

Маинцъ — городъ неопрятный;
Только видъ весьма пріятный
Съ колокольни. *Онъ фе ка*
Также *дезъ* окорока,
Что здѣсь въ Маинцѣ коптятся.
По обычью, здѣсь садятся
Вояжеры въ пароходъ,
Рейнскій дѣлая походъ.
Я, напротивъ, здѣсь слѣзаю,
Рейнъ роскошный оставляю,
Къ Франкфурту направлю путь.
Любопытно мнѣ взглянуть
На германскую діету,
Поучиться этикету
И въ чужбинѣ, *же л'аву,*
Видѣть русскихъ *рандеву.*

ФРАНКФУРТЪ.

IX.

ФРАНКФУРТЪ.

Первой станціей считаютъ
Наши Франкфуртъ, какъ бы-
ваютъ
За границей, и всегда
Всѣ сбираются туда
Посмотрѣть, попріодѣться,
Межъ людьми понатереться,
А оттудова, глядишь,
Отправляются въ Парижъ,
Или въ Римъ, или въ Висбаденъ.

Русскій, право, мнѣ досаденъ:
Онъ ловчѣй, виднѣе всѣхъ,

А стремится, какъ на смѣхъ,
Походить на иностранца —
На француза, итальянца,
Англичанина — *сюрту*
Въ томъ находитъ красоту.
Очень часто я видала:
Тихій, скромненькій сначала,
Какъ побудетъ *а Франкфортъ*,
Ужъ не братъ ему и чортъ.
Точно будто нездорово
Вымолвить по-русски слово:
Же ве, дескать, *волтиже*
Годикъ *сюръ лезъ-этранже*.
Же не ве па, же нире па,
Же не манжъ па де ла рѣпа,
Этсетра... Здѣсь аристархъ
Для всѣхъ русскихъ *мусье Зархъ*.
Всѣ къ нему, какъ бы къ пастору,
Насчетъ дѣлъ, покупокъ, спору.
Онъ все ладитъ, все миритъ,
Преучтиво говоритъ;
Но зато ужъ какъ онъ лупитъ

Нашихъ, ежели что купитъ
Иль достанетъ *а креди!*
Это русскихъ *малади:*
На мѣлокъ все покупаютъ,
А расплату отлагаютъ
До послѣдняго *каръ деръ.*
Ле трактирщикъ живодеръ
Радъ-радёхонекъ: онъ знаетъ,
При отъѣздѣ какъ считаетъ
Русскій, вѣчно второпяхъ;
Раскричится такъ, что страхъ!
Бьетъ и стулья и скамейки,
Но заплатитъ до копѣйки,
Какъ бы ни былъ писанъ счетъ.
Постильонъ готовъ и ждетъ;
Важи, ящики таскаютъ,
Шумъ, возня, собаки лаютъ
И притомъ же *лез-ами*
Провожаютъ. Чортъ возьми!
Какъ башкѣ не закружиться?
Гдѣ тутъ съ счетами возиться?

Поскорѣе въ экипажъ,
Заплатилъ, — и *бонъ вояжъ:*

Городъ Франкфуртъ акуратный,
Какъ съ иголочки, пріятный;
Изъ всѣхъ улицъ *ла плю бель,*
Безъ сомнѣнья, *се ла Цейль.*
Все отели щегольскіе,
Точно какъ дворцы большіе,
Всѣ въ колоннахъ *анъ гранитъ.*
У воротъ швейцаръ стоитъ,
Лонъ-лакеевъ батальоны,
Экипажи и *гарсоны,*
Какъ амуры въ завиткахъ,
Суетятся впопыхахъ—
Для тебя готовы рваться...
Какъ тутъ дури не набраться
И не замечтать порой,
Что ты, чортъ знать, кто такой?

Съ этой мыслью въ магазины
Ты идешь: вездѣ витрины,

Бронзы, золото, хрусталь,
Де холстинки *э де шаль.*
Какъ же тутъ не разориться?
Русскій любитъ заводиться
И безъ нужды — про запасъ:
Слабость такова у насъ.
Особливо, какъ повѣрятъ
Санзъ-аржанъ, сейчасъ отмѣрятъ
Всѣ товары и въ отель
Отошлютъ *се багатель.*
Всякій разъ спрямится шея,
Какъ ты кликнешь лонъ-лакея,
Скажешь: *фетъ пейе лотесъ,*
А онъ скажетъ: *вуй, пренсессъ!*

Но, чтобы узнать діету,
Я взяла *даборъ* карету
И поѣхала *бьенъ витъ*
Всѣмъ тузамъ отдать визитъ.
Прекрасивые *салоны!*
Задаютъ такіе тоны
Ле банкиры, *ле маршанъ,*

Что, ей-Богу, *се шарманъ!*
Ты подумаешь, что графы!!..
Деньгами полны ихъ шкафы,
А въ Франкфуртѣ *ла ноблесъ*
Состоитъ *данъ лезъ-эспесъ.*

Позвали меня обѣдать
Де банкье, чтобы отвѣдать,
Дескать, *гюръ де сангліе.*
Мнѣ достался въ *кавалье*
Саксенъ-Веймарскій посланникъ.
Туръ де Таксиса племянникъ
Подалъ прежде руку мнѣ,
Но къ почтмейстерской женѣ,
По хозяйской резолюцьи,
Перешелъ; здѣсь — эволюцьи
Важныя, чтобы свести,
Съ кѣмъ кому за столъ идти.
Преужасныя заботы!
Политическія ноты,
Если сдѣлаешь *эреръ*
Въ этомъ, *ма пароль д'онеръ!*

Ла хозяйка съ президентомъ,
А тутъ съ каждымъ резидентомъ
Гости всѣ по старшинству.
Я боялась, *же л'аву:*
Я седьмого только класса,
Но здѣсь чести дождалася,
Мнѣ хозяйка *полиманъ*
Молвила: *пасе деванъ!*
Насчетъ мѣстъ опять разборы:
Часто сводятъ разговоры
Межъ собой такіе два,
Что другъ другу бы едва
Поклониться захотѣли,
Если бъ рядомъ не сидѣли.
Сет'эгаль, аранже ву,
А сиди по старшинству.

Блюдъ такая безконечность,
Что *дине* похожъ на вѣчность;
Хочешь ты, не хочешь — ѣшь,
Тѣмъ хозяина потѣшь.
Онъ о томъ лишь и толкуетъ,

Черезъ силу въ горло суетъ
И еще должно *гуте*
Всѣхъ рейнвейновъ *калите.*
Ужъ отъ перваго сервиса
Ты раздуешься, какъ крыса,
А ихъ два еще грозятъ
И десертъ. — Сидятъ, сидятъ
До упада и не знаютъ,
Говорить ужъ что, — зѣваютъ!
Разъ съ десятокъ, *Дье мерси:*
„Вы давно ли изъ *Рюси?*
Чай, тамъ холодно зимою?“
Говорящіе со мною
Повторили мнѣ. — „*О, нонъ*“,
Отвѣчала я, „*пардонъ!*“
„Чай, у васъ есть *де* медвѣди?
Де бобры?“ — мои сосѣди
Еще сдѣлали вопросъ;
Я сказала: „*Вуй, тре бо-съ*“.

Вотъ изъ-за стола выходимъ,
Группами въ гостиной бродимъ;

Подаютъ намъ *дю кафе.*
Я была такъ *эшофе,*
Въ головѣ такъ расшумѣлось,
Что домой мнѣ захотѣлось.
Выхожу *анъ тапинуа,*
Но хозяйка *дерьеръ муа*
Двухъ посланницъ провожаетъ —
Вдругъ меня имъ представляетъ.
Я раскниксилася тутъ;
Обѣ на вечеръ зовутъ.
Поклонясь, я согласилась:
Здѣсь все видѣть я рѣшилась;
Хоть устала, мочи нѣтъ,
А хочу узнать дiетъ!

Ночь я плохо почивала,
А поутру услыхала
Шумъ, тревогу, барабанъ.
Прiодѣлась, *пронтеманъ*
Вышла, вижу: по всей Цейли
Группами стоятъ артели
Де сольда, де милитеръ

*

Въ длинныхъ фракахъ, *ан дра веръ*
Съ красными воротниками,
Въ киверахъ и съ тесаками.
Ближе къ нимъ я подхожу
И кого же нахожу?
Мосье Брюля, *мосье* Креде,
И банкира, въ чьей бесѣдѣ
Я обѣдала вчера.
Что такое?.. Иль пора
Вновь настала, гдѣ Беллона
Шпорила Наполеона?
Иль народъ бурлитъ, черту
Перейдя? Нѣтъ, *па дю ту:*
Просто Лейпцига сраженья,
Франкфурта освобожденья
Славятъ здѣсь *аниверсеръ.*
Подъѣзжаетъ офицеръ,
Что-то крикнулъ по-нѣмецки,
И въ минуту молодецки
Стали *ле месье маршанъ*
Строиться *анъ режиманъ,*
И пошли по-дивизьонно

Чинно, браво, церемонно.
Я за ними поплелась
Жюска Ремеръ: это *пласъ*
Здѣсь важнѣйшій и старинный,
Не квадратный онъ, не длинный,
Строенъ весь *анъ стиль готикъ*,
И тутъ *ле пале антикъ*,
Герцоги куда съѣзжались,
Въ *амперы* выбирались.
Теперь нѣтъ ихъ; безъ вѣнца
Командиры—три купца
Просто въ шляпѣ треугольной
И съ фигурой предовольной.
Ихъ доспѣхи: *энъ* фракъ *нуаръ*,
Энъ жабо и энъ мушуаръ,
И манжеты, и манишки,
И атласныя штанишки,
Э де букль, э де сулье,
И шпаженка *анъ-асье*,
Коей, сколько можно видѣть,
Даже мухи не обидѣть.
Ужъ совсѣмъ не *милитеръ!*

Ме се не па леръ аферъ.
Передъ ними маршируютъ
Ле сольда и салютуютъ,
Артиллерья *а сонъ постъ*
Авекъ де шево де постъ.
Они войско провожаютъ,
Всѣмъ знаменамъ присѣдаютъ,
Улыбаясь *о драпо*,
Вкругъ себя водя *шапо*,
Какъ вожу, сказать примѣрно,
И кокетно и манерно
Опахаломъ я моимъ
Передъ щеголемъ инымъ, —
И конецъ всего парада.

Я, признаться, очень рада.
Мнѣ пора *ме препаре*
На посольскій *суаре*
И поговорить съ Анетой.
Хочется мнѣ быть одѣтой
Какъ возможно *манификъ:*
Суаре дипломатикъ.

Отличилася Анета:
Я прекрасно разодѣта,
Жемчуги и *де каро,*
Э ма робъ а гранъ каро,
Черной блондою обшита,
Дез-аграфъ изъ малахита,
Башмаки *кулеръ сафранъ.*
Э де букльз'а ланфанъ,
А надъ ними діадима
Съ мозаикою изъ Рима
И вуаль *анъ петинетъ,*
А въ рукѣ большой букетъ.

Я вошла; уже въ передней
Мнѣ *афронтъ* былъ не послѣдній —
Закричалъ лакей *кошонъ:*
„Ла контесъ де Корнишонъ!..“
— „Курдюковъ“, я подхватила
Въ тотъ же мигъ, но разсмѣшила
Только тѣмъ гостей сама.
Въ изступленьи, безъ ума,
Въ залу первую вбѣжала,

Старичишку генерала
Чуть я не столкнула съ ногъ;
Но, переступя порогъ,
Я назадъ ужъ не глядѣла,
Какъ шальная долетѣла
До салона: тамъ сидятъ
Дамы всѣ въ кружокъ, молчатъ
И въ платокъ подчасъ зѣваютъ.
Кавалеры въ вистъ играютъ;
Если жъ кто-нибудь изъ нихъ
Къ дамѣ подойдетъ, то вмигъ
Слово молвитъ и отскочитъ:
Дать онъ повода не хочетъ
Злымъ намекамъ и рѣчамъ.
Есть *сюрту* одна мадамъ,—
Цѣлый Франкфуртъ это знаетъ,
Критикуетъ все, ругаетъ,—
Устремилась мнѣ вослѣдъ,
Мой смотрѣла туалетъ,
Блонды, букли осудила,
Просто же совсѣмъ забыла,
Что сама такъ хороша,

Что не стоитъ ни гроша.
Подаютъ намъ лимонаду,
О сюкре, гато, оршаду
И холодный слабый чай.
Будетъ *энъ супе,* я чай?...
Нѣтъ, о немъ и не мечтаютъ.
Гости всѣ вдругъ уѣзжаютъ
Ровно *а дизъ еръ э дми;*
А каретѣ, прахъ возьми,
Я въ двѣнадцать быть велѣла.
Хорошо же я засѣла!
Ужъ хозяйка чуть не спитъ,
Сквозь зѣвоту говоритъ,
А сама все смотритъ въ двери,
Не пора ли де-тетерѣ
На гнѣздо,— какъ вдругъ одинъ
Преучтивый господинъ
Изъ бѣды меня избавилъ
И отъѣхать предоставилъ
Мнѣ свой *ле кабріолетъ.*
Ну, узнала я діетъ!
Въ гости не поѣду больше.

Какъ же быть? Другой посольшѣ
Слово я еще дала:
Не могу *манке села,*
А то скажутъ, что *контесы*
Русскія безъ *политесы.*
Для нихъ *же ме сакрифи,*
А ужъ послѣ — *са сюфи.*

Поутру взяла я ванну
И пошла смотрѣть Арьянну,
Что у Бетмана въ саду.
Комъ се бо, э комъ се ду!
Этотъ мраморъ, эти плечи,
Эта грудь; нѣтъ только рѣчи
У статуи, чтобъ иной
Не почелъ ее живой!
Что за станъ за горделивый,
Гибкій, ловкій и красивый!
Что за ножка, за спина!
Что за... ну, вотъ тебѣ на,
Я совсѣмъ почти забылась
И какъ кавалеръ влюбилась.

Я мадамъ, и *ла десансъ*
Быть должна моя *эссансъ*.

Чтобъ не тратить время даромъ,
Я назадъ пошла бульваромъ.
Прежніе *ле бастіонъ*
Срылъ *мусье* Наполеонъ.
Франкфуртцы, народъ учтивый,
Садъ тутъ сдѣлали красивый:
Де пруды, *де банъ занъ планшъ*
Для гулянья *ле диманшъ*.
Цѣлый городъ окружаетъ
Этотъ садъ, и въ немъ гуляетъ
Нѣмецъ въ табельные дни,
Въ будни жъ — Боже сохрани!

Какъ съ бульвара повернула,
Я въ ту лавку заглянула,
О фактисъ гдѣ продаютъ.
Зейдлицкой хлебнула тутъ
Столько, что сама не знала,
Какъ до дому добѣжала.

Осрамилась бы совсѣмъ
На бульварѣ! И зачѣмъ?
Пуръ конъ дизъ, что я въ вояжѣ
Малость замѣчаю даже.

Про музей, про казино,
Про *Майнлустъ* не мудрено
Что я слова не сказала:
Я тамъ даже не бывала.
Се бонъ пуръ ле кавалье,
Дамѣ было бъ *сенгюлье.*
Но пора мнѣ, ужъ Анета
Ждетъ меня у туалета.
Этотъ вечеръ проглочу,
Быть учтивою хочу;
Но *юзажей* наглядѣлась
И попроще я одѣлась:
Корольки *де тюркуазъ,*
Волоса *а ла шинуазъ,*
Съ парой золотыхъ цѣпочекъ
И *сюръ ле сомме* цвѣточекъ;
Платье просто *бле муранъ,*

Съ блондами *а катръ ранъ*
И съ весьма большимъ воланомъ;
Лезъ-аграфы съ талисманомъ
Д'аметистъ, кушакъ *муаре,*
Башмачки же *мордоре;*
Рукава изъ петинета,
Золотые два браслета,
Энъ букетецъ *а ла таль,*
А въ рукѣ *энъ эванталь.*
Вотъ отправилась; сначала
Уже про запасъ зѣвала,
Суаре помнила ту,
Но ошиблась — *па дю ту:*
Что за славные салоны!
И въ гостяхъ какіе тоны!
И хозяйка какъ мила! —
Описать нельзя *села;*
Такъ любезна, такъ учтива,
И собою такъ красива,
Какъ картинка: мудрено
Быть милѣй. Она къ пьяно
Подошла, тихонько сѣла,

Заиграла и запѣла.
Какъ поетъ! *э комъ эль жу,*
Сетъ-а-диръ, я вамъ скажу!!
Быль, а точно небылица!
Соловей она, жаръ-птица —
Околдуетъ, заберетъ
Сердце все, какъ запоетъ
Эръ де грасъ иль *Каста дива*
Де ла Норма; особливо
Нашу пѣсню — „Соловья“
Лучше не слыхала я.
Слезы градомъ полилися.
„*О, мадамъ амбасадриса!*
Дай себя поцѣловать!“
Я хотѣла ей сказать.
Сердце все во мнѣ пылало,
Но куражу недостало.
Тутъ намъ подали *дю те,*
Удивительный *гуте.*
Гости много толковали
Межъ собою, танцовали.
Я надѣялась опять

Голосъ дивный услыхать,
И сидѣла, и сидѣла;
Наконецъ, я посмотрѣла
На часы: второй ужъ часъ!
И съ хозяйкой, глазъ на глазъ,
Я одна почти осталась.
Поскорѣй домой помчалась,
Но хозяйка говоритъ:
„*У куре ву донъ си витъ?*“
Знатной дамы вотъ поступки!
А не то, чтобы сквозь губки
Говорить: „*бонжуръ, мерси!*
Вы давно ли изъ *Рюси?*
Чай, у васъ есть *де* медвѣди?“
А какъ спросишь, такъ сосѣди
Скажутъ: „Эта рождена
Въ неизвѣстности, бѣдна,
А вотъ эта — дочь барона,
Богатѣйшаго *мезона*“.
Въ сердцѣ, вижу я, *ноблесъ*,
Знатность *э ла политесъ*.

Это бывшая сначала
Мамзель*** доказала.

Но часочка черезъ два
Де Франкфортъ муа же манъва.
Насмотрѣлась на діету
И на Франкфуртъ; штуку эту
Разобрала по частямъ.
Гроша за нее не дамъ!!
Только слушать вѣчно рада,
Коль угодно, до упада
Эръ де грасъ и „Соловья“,—
Ихъ не позабуду я.

Но сказать я позабыла:
Лотръ журъ я посѣтила
Знаменитаго *Мартенъ*.
Всѣхъ звѣрей его *дестенъ*
Быть учителемъ, владыкой:
Волей твердой и великой
Власть онъ эту получилъ,
Разнымъ штукамъ научилъ;

Тигра, барса изъ Бенгала,
Льва, гіену и шакала
Онъ трактуетъ какъ скотовъ!
Гдѣ ты, дѣдушка Крыловъ?
Посмотрѣлъ бы, какъ послушенъ
Царь твой левъ, какъ добродушенъ
Тигръ и барсъ, и хищный волкъ!
Вѣрно далъ бы новый толкъ
Многимъ баснямъ, и для нацьи,
На предметъ *цивилизацьи,*
Ты сказалъ бы: „*Атанде!*
На Мартена *регарде.*
Какъ своихъ онъ дрессируетъ
И когда хоть побалуетъ,
Выпуститъ изъ клѣтки вонъ,
Но въ рукѣ всегда *батонъ.*
Шарле Дизъ бы не свалился,
Если бъ такъ распорядился!!
Но не только *политикъ,*
Много *характеристикъ*
Мысли бъ здѣсь твои сыскали,
Напримѣръ, хоть тѣ морали,

Что нужда *бьенъ плюсъ,* чѣмъ честь,
Калачи научитъ ѣсть".

Но толкую я, болтаю,
А того не замѣчаю,
Что ужъ *постильонъ* сидитъ
На конѣ. „*Алонъ плю витъ!*
Харитонъ! зови Анету,
Посади меня въ карету
И пошелъ же, не зѣвай,
Путь держи и направляй
Въ Мангеймъ, *гранъ-дюше де Баденъ*".
Мусье Зархъ какъ мнѣ досаденъ!
Обобралъ меня кругомъ...
Ме пуртанъ сет-энъ бравъ омъ.

МАНГЕЙМЪ.

X.

МАНГЕЙМЪ.

Городъ Мангеймъ не огромный,
Тихій, чистенькій и скромный,
Но въ немъ преспесивый тонъ:
Что ни житель, — то баронъ,
Что ни дама, — то *контеса;*
Впрочемъ, онъ безъ интереса,
Комъ онъ дитъ, анъ политикъ.

Въ немъ живетъ одинъ *антикъ:*
Баронъ Дрейсъ, изобрѣтатель
Дрезіены, мнѣ пріятель;
Вѣчно пьянъ, но бѣглый умъ

Полонъ презатѣйныхъ думъ.
Нынѣ онъ не бездѣлушкой
Занятъ, хочетъ просто пушкой
Всюду почту замѣнить!
Стоитъ только посадить
Человѣка въ пушку эту,
И сейчасъ по бѣлу свѣту
Понесетъ *каноненъ-постъ*
Черезъ ровъ, разбитый мостъ,
Куда хочешь, *нахъ белибенъ,*
А на станцьяхъ *фюръ* ушибенъ
Положенъ вездѣ матрацъ.
Стоитъ взять фитиль — и бацъ!
Я бъ, признаться, не рѣшилась
Испытать бы — устрашилась.

Въ Мангеймѣ могла я счесть
Улицъ, кажется, пять-шесть,
Да два плаца, да аркады,
Только что для променады.
Хоть онѣ гостиный дворъ,
Но коммерція тутъ вздоръ:

Все бисквиты и конфеты,
Ленты, чепчики, корсеты.
Знаменитый лишь одинъ
Артаріевъ магазинъ:
Книги, виды и ландкарты,
Веллингтоны, Бонапарты
Во весь ростъ *сюръ де шево;*
Де десенсъ оријжино
Рокепланъ, Гюденъ, Вернета,—
Словомъ, всѣхъ артистовъ свѣта.
Нужно дорого платить,
Но заплатишь, такъ и быть!

Здѣсь дворецъ еще великій,
Но онъ сходенъ съ политикой
Этихъ мѣстъ — ея *анблемъ.*
Бонапартовъ былъ *системъ,*
Разоривъ сперва Германью,
Взять потомъ ее въ кампанью
По воинственнымъ дѣламъ,
Но разрушить здѣсь и тамъ
И слѣдинки *сувенира.*

Палатинская квартира,
Этотъ мангеймскій дворецъ,
Разоренъ почти въ конецъ
И заброшенъ, и оставленъ,
Но потомъ онъ переправленъ,
Чтобъ исполнить новый планъ
Де Наполеонъ ле Гранъ.

Изо всѣхъ *ди камараденъ*
Выбранъ имъ *гранъ дюкъ де Баденъ*
Быть швейцаромъ *де ла Франсъ.*
Заключивъ съ нимъ *аліянсъ,*
Чтобъ исполнить цѣль такую,
Онъ племянницу родную
Выдалъ замужъ за него,
Но не разсчиталъ того,
Что курносая съ косою
Смерть у всѣхъ надъ головою
Можетъ измѣнить *ле соръ.*
Дюкъ де Баденъ иль э моръ!
Самого Наполеона
Также свергнули со трона,

И дворецъ *не па фини.*
Въ немъ принцесса Стефани
Вѣкъ свой скромно доживаетъ,
Но и въ тишинѣ сіяетъ,
Точно въ облакѣ луна,
Какъ ни скрыта, все ясна.

Вкругъ всего дворца обсаженъ
Славный паркъ, красивъ и важенъ,
Де деревья *манификъ;*
Лугъ, дорожки и *ла дигъ*
Видъ прекрасный представляетъ.
Тутъ роскошно протекаетъ
Намъ уже знакомый Рейнъ.
Словомъ, право, *дасъ истъ шенъ,*
Но гуляющихъ тутъ нѣту:
Знать, противно этикету
Въ Мангеймѣ *де промене.*
Не встрѣчались люди мнѣ
Ни на улицахъ, ни въ садѣ —
Я въ большой была досадѣ

И рѣшилась въ *табель д'отъ*,
Чтобъ хоть тамъ набрать *де нотъ*.

На скамейкахъ, на диванѣ,
За столомъ все англичане.
Дамы всѣ — въ рукѣ *маншонъ*,
Волоса *анъ тирбушонъ*,
И хвосты и пелерины, —
Ну, не то, чтобъ соболины,
Нѣтъ, но кошачьи *плюто*.
Кадрилье на всѣхъ манто
И соломенная шляпа,
Де данъ, комъ онъ н'анъ а па.
Кавалеры въ сюртукахъ,
Въ сѣрыхъ шляпахъ, въ башмакахъ,
Всѣ сидятъ, облокотившись
На ладонь и не напившись,
На лицахъ у всѣхъ *ружеръ*,
А ле гидъ де вояжеръ
Тутъ при нихъ ужъ непремѣнно
Они знаютъ совершенно
Эту книгу наизусть,

И обманетъ-ка ихъ пусть
Иль трактирщикъ, иль хозяйка,
На дыбы они, ступай-ка —
Въ книгу къ нимъ глаза уставь,
Пфьюплисъ, сейчасъ поправь.
Я присѣла къ ихъ обѣду,
Съ ними завела бесѣду
О вояжахъ, о *Рюси*.
Ну, ужъ Боже упаси!
Такъ имъ это полюбилось,
Что и солнце закатилось
И давно всѣмъ спать пора,
А они: „*гипъ, гипъ*, ура!“ —
Такъ и пьютъ мое здоровье,
А такое тамъ условье,
Чтобъ за то благодарить, —
Надо *спичъ* проговорить.
Я по-англійски училась
Очень плохо, но рѣшилась,
Молвила, поднявъ *ле веръ:*
„*Эй виль кисъ ю форъ эверъ!*“
Тутъ захлопали всѣ вилкой

О тарелку и съ бутылкой
Новой подошли ко мнѣ.
Дамы бѣдныя однѣ
И тянулись, и зѣвали,
Наконецъ и всѣ мы встали,
Разошлися по домамъ.
Но я, бѣдная мадамъ,
Не привыкшая къ пирушкѣ,
Провозилась на подушкѣ,
Не могла заснуть никакъ:
Заболѣлъ мой *естомакъ!*
И ознобъ, и потягота,
И ужасная икота.
Къ счастью, тутъ случился чанъ...
Буду помнить англичанъ!

Поутру, какъ пробудилась,
Я не мало удивилась:
Мнѣ записку подаютъ,
Дежене меня зовутъ
Къ дамѣ русской; за саксонцемъ
Замужемъ она; червонцемъ

Точно я подарена
И весьма одолжена
За такую деликатность.
Нахожу всегда пріятность
Я въ компаніи *де Рюсъ,*
А въ чужбинѣ *д'останъ плюсъ!*
Вотъ искать ее пустилась
По адресу и добилась —
Ле каре де М. Д. С.
Улицы здѣсь, *комъ онъ се,*
Алгеброй лишь означаютъ,
А именъ имъ и не знаютъ.
Хочешь ты куда *алле,*
Лагариѳмы *де Кале*
Ужъ всегда бери подъ мышку.
Вотъ читаю я афишку:
Нынче будетъ Оберонъ.
Съ дамой русской *нуз-ironъ!*
Вотъ къ ней въ дверь я постучалась,
Позвонила, дожидалась
Съ нетерпѣньемъ, впопыхахъ.
Въ шлафрокѣ *мусье,* въ усахъ,

Вышелъ въ дверь и отвернулся
Въ ту жъ минуту, — запахнулся,
И сказалъ мнѣ: *„Пардоне“*,
А самъ побѣжалъ къ женѣ.
Вотъ жена его явилась.
Кто же? Н***! Училась
Съ ней, я помню, танцовать.
Бросилась, чтобъ обнимать,
Но она взяла лорнету:
Знаю ль, дескать, гостью эту?
А потомъ: *„Бонжуръ, бонжуръ!*
Команъ ва“ — и *туръ а туръ!*
То вопросъ, то восклицанье,
То отвѣтъ, то вспоминанье,
Съ ней весь день я провела,
И какъ *ла журнѣ* прошла,
Я совсѣмъ и не видала:
Толковала, угощала,
На убой. Потомъ пошли
Мы въ театръ. *Се тре жоли!*
Хоть пискуньи *лезъ*-актрисы,
Но зато что за кулисы!

Мѣсяцъ, звѣзды, облака,
Замки, корабли, рѣка,
Право, страхъ какъ натурально!
Но актеры ужъ формально
Просто куклы; *пуръ ла саль*
Ну, туда, сюда, *па маль.*
Не дождались мы финала,
Н*** меня умчала
На балъ, *шез-энъ сертенъ контъ.*
Говорила я: *же гонтъ,*
По-дорожному одѣта.
Ничего, и *маль де тета*
Даже не взяла въ *резонъ*
Ла метрессъ де ла мезонъ.
Повезла съ собой, и баста!
Точно будто для контраста,
Потому что *са туалетъ,*
Ну, нельзя сказать, *парфетъ!*
Къ намъ навстрѣчу три *контесы*
Вышли, ради *политесы,*
А *ле контъ* далъ руку мнѣ
И подвелъ къ своей женѣ.

Я ей кучу словъ сказала,
А она все присѣдала.
Дочерей мнѣ *анъ репонсъ*
Представляя, *дизъ* иль *онзъ*.
Ужъ такой здѣсь городочекъ:
Страшный урожай на дочекъ.
Куча здѣсь невѣстъ всегда.
Жениховъ-то нѣтъ, бѣда!
Ужъ зато какъ разодѣты:
Розы, ленты, петинеты,
Что въ Парижѣ не найдешь.
Кавалеры жъ, молодежь,
Гейдельбергскіе студенты,
Адвокаты, президенты
И *месье лезъ-офисье*
Де Бадъ-Баденъ *ле лансье*,
Въ свѣтло-голубыхъ рейтузахъ,
Въ курточкахъ, весьма кургузыхъ,
Въ длинныхъ шпорахъ и въ усахъ,
Всѣ стоятъ, какъ на часахъ,
Шевельнуться не дерзаютъ;
Но какъ только заиграютъ,

Особливо *ле гало,*
Всѣ они: *„Ало, ало“,* —
Такъ распрыгаются черти,
Что смѣшно на нихъ до смерти.
А потомъ опять стоятъ
И на потолокъ глядятъ,
Пока снова заиграютъ.

Тутъ на ужинъ приглашаютъ;
Но садятся за *супе*
Только что *ле плю гюпе,*
А другіе аматеры,
Точно наши мародеры,
Что захватятъ, то съѣдятъ,
А на это не глядятъ,
Что толкнутъ, или зацѣпятъ,
Иль тебѣ на платье влѣпятъ
Рыбу, масло, *майонезъ.*
И сама мадамъ *контесъ*
Съ ними вольно практикуетъ.
Какъ о томъ кто ни толкуетъ —
А по мнѣ не хорошо:

Серве бьенъ и *серве шо!*
И сидѣли бы не тѣсно,
Ужинать тогда прелестно!
А гдѣ шумъ и бѣготня,
И задоръ, и толкотня,
Только и глядишь *герауєъ*,
Чтобы не попасть подъ соусъ
Иль подъ чашку *де бульонъ*.

Начали *ле* котильонъ.
Парами вездѣ посѣли
Кавалеры и мамзели,
Точно въ пѣсенкѣ, кружкомъ,
Каждая съ своимъ дружкомъ.
То вполголоса толкуютъ,
То, обнявшись, вальсируютъ
Часа три, четыре, пять;
Въ уголку тамъ дремлетъ мать,
Мужъ за вистомъ, за бостономъ,
И амуры котильономъ
Управляютъ *а леръ эзъ*.
Я бъ скорѣй пустила въ лѣсъ

Дочку, женку молодую,
Чѣмъ въ *ла* западню такую.

Но пора мнѣ знать и честь;
Завтра рано нужно сѣсть
На *ваперъ* и отправляться
До Бадъ-Бадена. Признаться,
Надоѣлъ мнѣ *ле воляжъ;*
Но не конченъ,— *се домажъ!*

БАДЪ-БАДЕНЪ.

XI.

БАДЪ-БАДЕНЪ.

Мнѣ осталась отъ Бадъ-Бада
Въ памяти одна досада:
Вовсе не было квартиръ;
Тутъ собрался цѣлый міръ
Изо всѣхъ концовъ Европы:
Адонисы и Езопы,
Богачи и *пролетеръ*,
Омъ д'эта и *милитеръ*,
Адвокаты, депутаты,
Отставные дипломаты,
Отставные *мажесте*,
Наши русскіе *боте*,

Весь *гранъ жанръ* нашъ петербургскій,
Даже и помѣщикъ курскій
Притащился *сюръ ле лонъ*.
Сетъ энъ раутъ, сетъ энъ салонъ:
Де франсе лежитимисты,
Де франсе бонапартисты,
Де франсе жюсте милье;
Юнь толпа *де рефюжье*,
Особливо итальянцевъ
И вотъ этихъ *дезъ* испанцевъ,
И карлистъ, и кристиносъ,
Кучей, право, набралось!
А ужъ англійскихъ фамилій,
У которыхъ столько *филій*,
И *гарсоновъ*, и *парти*, —
Пропасть, Господи прости!
Гонорабель мистрисъ Голи,
Котинкотъ, сиръ Францисъ Ноли,
Коксъ и Джонсъ, и Бирлингтонъ
Задаютъ ужасный тонъ,
Носъ высоко поднимаютъ;
Всѣхъ ихъ лордами считаютъ,

А быть можетъ, что иной
Просто въ Лондонѣ портной
Иль сапожникъ; одна дама
Это все отродье хама
Назвала *анъ бадинанъ*
Де милордъ дю континанъ.
Не узнать ихъ здѣсь по справкамъ;
Тамъ опять они по лавкамъ,
За иголкой, съ утюгомъ
И какъ будто бы ни въ чемъ.
По ихъ милости постели
Не нашла нигдѣ въ *отели*
И рѣшилась въ ту же ночь
Изъ Бадъ-Бадена я прочь.
Но взглянуть бы на Бадъ-Баденъ!
Неужель *нуръ ди маладенъ*
Наполняютъ такъ его?
Нѣтъ!.. У многихъ ничего
Никогда и не болѣло,
Но имъ дома надоѣло,
Захотѣли погулять,
Межъ людьми пощеголять,

Покормить *мадамъ* рулетку
Или модную кокетку
Проводить сюда къ водамъ,
Какъ законную *мадамъ*,
Дальше отъ супружьихъ взоровъ.
А у многихъ *матадоровъ*
И иное въ головѣ:
Потранжирить *же м'анве;*
Дескать, будто бъ не отставленъ,
Будто мной *комплотъ* составленъ
Вновь войти *данъ лез-аферъ*,
Портефейль и министеръ.
Точно, сколько ни гуляла,
Я больного не встрѣчала;
Всякій въ струночку одѣтъ,
Шпоры, хлыстикъ и лорнетъ
Кавалеровъ украшаютъ;
Дамы съ перьями гуляютъ
Въ блондахъ, въ локонахъ, *де* шаль.
И вотъ этого мораль:
Что не доктора, не воды,
Но одно влеченье моды

Всѣмъ въ Бадъ-Баденъ кажетъ путь —
Хоть бы лопнуть, да блеснуть!

Садъ чудесный, и музыка,
И рулетъ, и политика,
И кокетство: всѣмъ сестрамъ
Здѣсь найдется по серьгамъ.
Но больному тутъ нѣтъ мѣста:
Часть заквашеннаго тѣста
Невозможно отдѣлить;
Вмѣстѣ все должно бродить,
А какъ если не подъ-силу,
Просимъ милости въ могилу.

Я взяла *энъ воатюрье.*
Это родъ *авантюрье*
Изъ Итальи, изъ Лозанна,
Въ родѣ рижскаго фурмана.
Пять имѣетъ лошадей
И берется въ столько дней
Въ тѣ и тѣ мѣста доставить,
Но ужъ всѣмъ онъ долженъ править.

Ты съ нимъ больше не толкуй;
Гдѣ захочетъ онъ, ночуй,
Завтракай, хоть не голодный,
Отложи весь духъ свободный,
Повинуйся и сиди,
Въ обѣ стороны гляди,
Если хочешь; но хоть лисью
Корчь ты рожицу, онъ рысью
Не поѣдетъ тамъ и тамъ,
Если не захочетъ самъ.
Я контрактъ весьма дешевый
Заключила до Женевы.
Мы подъ вечеръ уплелись,
А Бадъ-Баденъ провались!

Познакомилась покуда
Съ дамой русскою, — о чудо! —
Эта дама *юнь пренсессъ*,
Такъ мила, *же ле конфесъ*,
Что сама влюбилась страстно
Я въ нее, но безопасно:
Моя дамская любовь

Тщетно мнѣ волнуетъ кровь,
Тщетно ею я плѣняюсь,
И чего я добиваюсь? —
Дамской страсти отвѣчать
Ей, скажите, что за стать?
Но неловкой я бываю,
Полъ мой вѣчно забываю,
Когда вижу красоту
Нашу русскую... мечту
Карамзинскую, съ косою
Темнорусою, съ ногою,
Какъ ихъ Пушкинъ воспѣвалъ,
Ногъ китайскихъ идеалъ,
Нѣги полную небрежность
И такую свѣжесть, нѣжность,
Какъ у прочихъ не найдешь.
Полно, Курдюкова, врешь,
Поуйми задоръ мечтаній,
А то скажутъ, что въ компаньи
Д'энъ мусье твой *мемуаръ*
Пишешь ты, *онъ пе ле круаръ*
И испортится все дѣло.

Уже многимъ надоѣло
Слушать длинный твой разсказъ,
Дамѣ только *лонъ фе грасъ,*
А мужчину какъ завидятъ,
Тотчасъ свистомъ разобидятъ
И не станутъ *экуте,*
Хоть *маманъ аве шанте.*

ШВАРЦВАЛЬДЪ.

XII.

ШВАРЦВАЛЬДЪ.

Чуть совсѣмъ я не рехнулась;
По Шварцвальдену тянулась
Ночь и день, и день и ночь;
Становилось мнѣ не въ мочь:
Бѣдность, неопрятность, стужа.
То корова проситъ мужа;
То кричатъ: „куда, куда“
Курицъ цѣлыя стада;
„Ме“ баранъ кричитъ и бродитъ;
Споръ съ собакой котъ заводитъ,
Воръ идетъ, или монахъ;
Надоѣли такъ, что страхъ,

Эти сцены жизни сельской,
Высшій идеалъ мамзельскій.
Европейская *мадамъ*,
Я привыкла къ городамъ;
Мнѣ несносны деревушки,
Пастухи, стада, пастушки.
Се тре бонъ пуръ лез идиль,
А *пуръ монъ юзажъ, ихъ виль*
На ночлегахъ, чтобъ *отели*
Англійскій комфортъ имѣли
И въ прислугѣ, и въ бѣльѣ;
Чтобъ *гарсонъ бьенъ абилье*
По звонку всегда бъ являлся,
По-французски бъ изъяснялся,
Говорилъ бы: „*са сюфи*“;
А здѣсь что находимъ, — *фи!* —
Служатъ дѣвки или бабы,
Да и то еще, когда бы
Одѣвались *анъ субретъ*,
Какъ въ театрахъ, слова нѣтъ;
Но одѣты, какъ крестьянки,
Безъ *турнюра*, безъ осанки,

Иногда и босикомъ;
Незнакомы съ языкомъ,
Нынѣ общимъ по трактатамъ,
Вояжерамъ, дипломатамъ,
Комъ мы лепечемъ всѣ,
Словомъ — *ле лангажъ франсе.*
Здѣсь нельзя другимъ манеромъ
Говорить, какъ съ *диксьонеромъ.*
Хорошо, какъ попадешь,
А какъ на-бѣду наврешь!
Есть слова, гдѣ два значенья,
А иныя, изъ почтенья,
Въ *диксьонеръ* не помѣстятъ,
А пхъ нужно: радъ не радъ,
А сойдешь на пантомимы.
Мебель, зеркала, камины
Неопрятны, а кровать
Мудрено и описать:
Пребольшущая, какъ фура,
Влѣзть въ нее, уже фигура,
А когда вошла, такъ тутъ
На тебя еще кладутъ

Ситцемъ крытую перину.
Ты подъ эту пуховину
Такъ войдешь, *комъ данъ дю беръ.*
Странно, *ма пароль д'онеръ!*
Кушай ложкой оловянной
Изъ посуды деревянной.
Кромѣ молока, яицъ,
Масла и домашнихъ птицъ,
Не проси, а то исторья.
Даже кофе изъ цикорья
Здѣсь на рѣдкость, а вино
Уксусомъ не названо
Изъ учтивости, а право —
Полное имѣетъ право!
Виды здѣсь туда-сюда,
А ужъ *кантъ о* города,
То не стоятъ и названья:
Старыя, плохія зданья,
Строены всѣ кое-какъ,
Не по плану, — это знакъ,
Что *фламбо* цивилизацьи
Не сіялъ для этой нацьи.

Магазиновъ вовсе нѣтъ;
Кирка только древнихъ лѣтъ
Въ Фрейбергѣ весьма замѣтна,
Но стоитъ ужъ такъ секретно,
Что проѣдешь *санъ савуаръ*,
Что есть что-нибудь *а вуаръ*.
Въ гидѣ я объ ней читала,
И насилу отыскала
Въ уголку, — но *манификъ*,
Преклассическій *готикъ*.
Стѣны, башни, какъ сквозныя,
Разграненныя, рѣзныя,
Острыхъ множество шпилей,
Какъ собранье королей
Въ ратномъ станѣ Палестины.
Окна, точно какъ картины,
Яркій и блестящій цвѣтъ!
Все прекрасно; но Анетъ
Въ переулкахъ заблудилась —
Не нашла и не рѣшилась
И теперь повѣрить мнѣ,
Что есть кирка въ сторонѣ.

Но мы Рейнъ опять встрѣчаемъ;
Здѣсь Германью покидаемъ,
Чтобы въѣхать *данъ ла Свисъ:*
Иль э танъ, ке са финисъ!

СЕНСАЦІИ И ЗАМѢЧАНІЯ

ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ

ЗА ГРАНИЦЕЮ

ДАН Л'ЭТРАНЖЕ

МЯТЛЕВА

ШВЕЙЦАРІЯ

Не ву пле па,
Не лизе па.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Дюпъ тотъ вояжеръ бываетъ,
Кто на время отлагаетъ
Свой журналъ:... *танъ д'отръ шозъ*
Набѣжитъ, что какъ хаосъ

Въ головѣ и въ *сувенирѣ*,—
Ничего нѣтъ хуже въ мірѣ!
Куй покуда горячо,
Чтобъ не вывихнуть плечо.
Се ла мемъ шозъ, что амуры:
Кавалеръ намъ строитъ куры —
И, покудова влюбленъ,
Онъ намъ кажется уменъ
И прекрасенъ. Тотъ же самый
Занялся другою дамой, —
Поглядишь: *са не плю са.*
Гдѣ любезность, гдѣ краса?
Все исчезло, миновалось;
На повѣрку что осталось?
Кавалеръ какъ кавалеръ!
Спросятъ: „Гдѣ была, *ма шеръ?*
Кого встрѣтила?“ — Забыла
Даже, съ кѣмъ и говорила.
У меня была хандра,
Или сплинъ, *комъ онъ вудра;*
Зубы что-то заболѣли!
И за днями дни летѣли —

Не писала ничего;
Протащили *ле шево*
По Итальи и Швейцарьи;
А тамъ *мольте козе варіе,*
Если только замѣчать,
Можно истинно сказать:
Есть озера, пейзажи,
Фермы, яблони, *виляжи,*
Де прери, де города,
Де пастушки, *де* стада,
Горы — въ родѣ монументовъ,
Сотворенія моментовъ!
Юнгфрау льдяный и сѣдой,
Межъ природы молодой,
Точно дѣдушка угрюмый!
Монтъ Пилатъ, какъ будто думой,
Облаками окружась;
Шамуни, *ла меръ де гласъ,*
Ла Писъ-вашъ: но это стыдно,
Что такъ назвали обидно
Безподобный водопадъ!
Но гдѣ люди не шалятъ!

Въ Фрибургѣ есть мостъ висящій
И органъ одинъ гремящій
Такъ прекрасно, что слеза
Навернется на глаза,
И морозъ пойдетъ по кожѣ,
Какъ послушаешь. Ну, что же?
Ла патри де Гильомъ Тель,
Точно вытертый *пастель,*
Въ памяти моей осталась;
Тинта съ *тинтою* смѣшалась,
И все вмѣстѣ *эфасе,*
Что тутъ ни было *трасе.*
Онъ дире: рѣка забвенья
Хлынула на впечатлѣнья;
Плохо помню. *С'этъ эгаль!*
Опишу, *танъ біенъ ке маль,*
Все, что въ памяти осталось;
Но не сряду, какъ случалось,
Не по плану — *санъ методъ,*
А какъ въ голову придетъ.
Какъ наскучитъ мнѣ въ Швейцаріи,
Санъ префасъ, безъ *комментарій,*

Въ *л'Италіи* перескачу.
Однимъ словомъ, я хочу
Такъ, какъ птичка на свободѣ,
По капризу, по погодѣ
Пѣть, что будетъ пѣться мнѣ!
При сіяющей лунѣ
Въ поднебесье подыматься,
Гдѣ смѣшно, тутъ посмѣяться,
Гдѣ печально, тутъ вздохнуть,
А гдѣ скучно, — отдохнуть.
Передать своимъ желаю,
Какъ сама я понимаю,
Все, что видѣла, и цѣль
Не моя — быть *иммортель!*
Нравится — пускай читаютъ;
Пусть цыганятъ, осуждаютъ,
Пусть грызутся *ле журно,*—
Мнѣ, ей-Богу, все равно!
„Москвитянинъ“ особливо
Разбираетъ несчастливо
И долгонько: какъ прочтутъ,
Чего добраго — заснутъ

И обоихъ насъ забудутъ:
Вотъ *ле свитъ* какія будутъ!
Такъ что жъ? — Это не бѣда;
Съ гуся, *са с'апель,* вода!...

БАЗЕЛЬ.

HOLBEIN'S TODTEN TANZ

II.

БАЗЕЛЬ.

Сколько я ни разсуждаю,
А никакъ не понимаю,
Отчего, *паръ кель газаръ*,
Называется швейцаръ
Доместикъ тотъ осторожный,

К'онъ пуре назвать таможней
У дверей большихъ господъ,
Чтобъ сортировать народъ:
Кто оборванъ, кто пьянюжка,
Воръ, буянъ, шалунъ, вертушка,
Вагабонъ, мове сюжетъ —
У него тѣмъ хода нѣтъ!
Очень бѣднымъ неповадно,

Гонитъ палкой безпощадно!
А напротивъ: *данъ ла Свисъ*
Всѣмъ мошенникамъ *госписъ!*
Ихъ тѣснитъ домашній *кади,*
А швейцарцы гостю рады,
И назадъ ужъ не просп!
Э с'ете тужуръ энси!
Но вотъ, кажется, причина:
Деревянный есть мужчина
Въ Базелѣ на воротахъ;
Рожа, точно на часахъ,
Все языкъ прохожимъ кажетъ,
Даже дамы не уважитъ:

С'э ла мемъ шозъ что *ле свисъ!*
Передъ нимъ какъ ни вертись,
Подличай, давай монету,
Затвердилъ онъ: „Дома нѣту!"
Приказанье получа,
Такъ и рѣжетъ все сплеча.
Только въ книгу васъ заноситъ,
А объ этомъ и не спроситъ,
Что бываетъ иногда
Даже кровная нужда:
Думаешь должокъ доправить,
Надо карточку оставить,
Завернувъ *юнъ отръ фуа.*
Оттого *визажъ де буа*
Поговоркой сохранилось.
Еслибъ въ Базель не случилось
Завернуть, я бъ не могла
Никогда узнать *селя.*

Городъ Базель возлѣ Рейна,
И тутъ родина Гольбейна.
Множество его картинъ

Есть, *сюрту десейнъ* одинъ
Томасъ Морюса семейства.
Царствовалъ, примѣръ злодѣйства,
Въ Англіи король Ганри,
Славный мужъ, *мове мари;*
Женъ мѣнялъ онъ, какъ рубаху:
Не понравится — на плаху
Отправлялъ ихъ: *туръ а туръ*
Анна Буленъ, Жанъ Сеймуръ,
Катерина Аррагона —
Всѣ погибли безъ пардона!
Томасъ Морюсъ попыталъ
Отстоять, — не отстоялъ,
Но и самъ на смерть отправленъ
И въ примѣръ другимъ поставленъ!
Удержать Ганри *ле папъ*
Даже оказался слабъ!
Онъ отъ власти ватиканской
Съ цѣлой киркой англиканской
Отложился навсегда.
Но не въ томъ теперь бѣда.
А объ чемъ, бишь, говорили?

Да! другъ друга такъ любили
Гольбейнъ и Томасъ Морюсъ,
(Комъ онъ ди ше ну ан рюсъ),
Какъ крестовые два брата;
Но не то опять:
Богата
Здѣсь коллекцья *де* Гольбейнъ.
Смерть уводитъ *паръ ля менъ*
То того, а то другого;
Смерть-проказница, ни слова,
И охотница шутить;
Но зачѣмъ ее дразнить?
Этимъ дѣлу не поможешь:
Ты живи, покуда можешь,
А все въ руки къ ней попасть!

Но ея разрушилъ власть,
Смерть земную принимая,
Нашъ Спаситель, отворяя
Двери вѣчности для насъ!
Этой мыслью озарясь,
Гольбейнъ, точно въ заключенье

Прежнихъ сценъ, изображенье
Сдѣлалъ Господа, какъ Онъ
Въ гробъ трехдневный положенъ.
И картина тутъ недаромъ!

Точно съ той поры швейцаромъ
Только Смерть передъ дверьми
Вѣчности, *с'иль э перми*
Такъ сказать, и не по волѣ
Истребляетъ, какъ дотолѣ:
Ея дѣло принимать,
Двери въ вѣчность отворять
Всякому, кто безъ роптанья,
Всѣ извѣдавъ испытанья
Нашей жизни, въ смертный часъ,
Отъ земныхъ освободясь
Рубищъ и хламиды мрачной,
Явится въ одеждѣ брачной
Въ тотъ украшенный чертогъ,
Гдѣ сіяетъ въ славѣ Богъ!
Есть локальность въ аллегоріи.

Тѣ же самыя исторьи
Часто намъ лицетворитъ
Нашъ гвардейскій инвалидъ!
Молодцомъ бывалъ въ походѣ,
Въ перестрѣлкахъ, на разводѣ
Точно солнышко сіялъ,
Какъ въ рядахъ маршировалъ;
Но пришла его минута —
Онъ швейцаромъ Института,
Департамента: бѣднякъ,
Не узнать его никакъ!
Да какое и начальство
Замѣняетъ генеральство!
Экзекуторъ, казначей,
Человѣчекъ, отъ свѣчей
Домъ нажившій въ Нарвской части;
И, его покорный власти,
Инвалидъ согнутъ дугой
Надъ дубиной съ булавой.

Но пора взглянуть на Базель.
Буду ль *меконтантъ*, въ *экстазъ* ль

*

Отъ него, *же не се па.*
Отправляюсь *де се па.*
Непріятное начало:
Фьякровъ даже не бывало,
Надобно идти пѣшкомъ.
Городъ собранъ весь комкомъ!
Незавидныя прогулки,
Все кривые переулки,
Грязные, *дез иммондисъ;*
Ты куда ни обернись,
Все торгуютъ овощами;
И народъ-то, между нами,
Неопрятенъ, нехорошъ,
Совершенно непохожъ
На швейцарцевъ изъ кипсековъ:
Можетъ быть и древнихъ грековъ
Былъ костюмъ совсѣмъ не тотъ,
Какъ представилъ Эродотъ.
Я отъ сердца пріуныла
И, повѣся носъ, ходила,
Убѣдясь, что все обманъ
И фантазья и романъ!

Я смотрѣла безъ вниманья
На три сѣренькія зданья
И на палевый соборъ,
Что на площади: *анкоръ*
Еслибъ были монументы
Древности иль *орнаменты,*
А то просто *де* пустырь,
Гдѣ сова и нетопырь
Гнѣзда кое-гдѣ повили!

Здѣсь *ле рюсъ* переходили
Рейнъ въ тринадцатомъ году;
Я земной поклонъ кладу
На томъ мѣстѣ *эбенъ, эбенъ,*
Отслуженъ гдѣ былъ молебенъ,
Какъ свершался переходъ.
Конной гвардіи первый взводъ
Съ презнакомымъ мнѣ корнетомъ,
Какъ онъ сказывалъ, предметомъ
Былъ всеобщихъ здѣсь похвалъ!
Какъ на память онъ попалъ,
Ну, сама не понимаю!

Я прогулку продолжаю:
Переулковъ до шести,
Право, Господи прости,
Я прошла и заблудилась
И насилу очутилась
Передъ ратушей. *Ле стиль*
Страненъ *де л'отель де виль:*
По стѣнамъ и на фасадѣ,
Сверху, спереди и сзади
И по лѣстницѣ *де фрескъ,*
И довольно *романескъ:*
Вся исторія Швейцарьи —
Это будутъ *комментарьи.*
Меморандумъ дю вояжъ,
Ке же фе; и мнѣ нельзя жъ
Все припомнить до иголки!
Разные бывали толки,
Какъ училась, и съ тѣхъ поръ
Не одинъ былъ разговоръ;
И въ поэмахъ и въ романахъ
Слышу я объ гельвецьянахъ;
Даже ужъ теперь *ле свисъ*

И на сцену взобрались!
Мусье Шиллеръ и Россини
Ихъ вручили Мнемозинѣ.

Знаютъ всѣ, что *Гильомъ Тель*
Подстрѣлилъ *мусье энъ тель;*
Но кого? — тутъ разнорѣчье!
Малодушье человѣчье:
Кто швейцарцевъ партизанъ!
Кто австрійцамъ куртизанъ!
Такъ почти въ Германьи цѣлой
Гаслеръ сдѣлался Карлъ Смѣлый,
Гильомъ Тель — мусье Артюръ,
Какова гдѣ *ля сансюръ*.
Но прекрасно разодѣты
Тутъ швейцарцы; туалеты
Особливо *де леръ* дамъ
Могутъ быть примѣромъ намъ!
Я здѣсь выкройку срисую
И съ Анетой потолкую:
Хочется *юнъ робъ увертъ*,
Какъ у королевы Бертъ.

Сдѣлаю въ такой обновѣ
Я большой эфектъ въ Тамбовѣ,
Какъ явлюся въ ней *о баль*
Дю губернскій *марешаль.*

Базель былъ родъ маркизата.
Сколько видно, здѣсь когда-то
Былъ и дворъ, и соколы,
И чудесно удалы
Лез охоты противъ *вольфа.*
Замокъ виденъ здѣсь Рудольфа
Габсбургскаго, небольшой;
И Рудольфъ самъ молодой,
Незначительный владѣлецъ,
Только что не земледѣлецъ,
На охоту разъѣзжалъ,
Веселился, пировалъ,
Сколько могъ; но былъ въ упадкѣ
Замокъ, въ сильномъ непорядкѣ.
Дядя, базельскій *эвекъ,*
Пожилой ужъ человѣкъ
И съ хорошимъ капиталомъ,

Надъ племянникомъ удалымъ
Сжалился и денегъ далъ,
Чтобъ онъ замокъ поубралъ
И по-прежнему исправилъ,
И племянника оставилъ
Съ деньгами. — Какъ годъ истекъ,
Снова базельскій *эвекъ*
Пріѣзжаетъ; но оставленъ
Замокъ, вовсе неисправленъ.
Разсердился старичокъ:
„Эхъ, племянничекъ-дружокъ!
Ты по-прежнему боярилъ,
Деньги ты поразмытарилъ,
Сколько видѣть я могу!“
Онъ на это ни гу-гу,
Дядѣ далъ попроповѣдать
И позвалъ его обѣдать,
Да и вывелъ на балконъ.
Тутъ стоитъ со всѣхъ сторонъ
Войско чудное, на-диво;
Развѣваются красиво
Знамена, и на броняхъ

Солнце, въ пламенныхъ лучахъ,
Разгорается, играетъ...
Дядюшка не понимаетъ!
Тутъ Рудольфъ заговорилъ:
„Деньги ваши получилъ
Точно я, и ихъ удвоилъ;
Замка, правда, я не строилъ —
Войско я зато набралъ!
Это вѣрный капиталъ.
Только насъ благословите,
И такихъ ужъ замковъ ждите,
Что въ Гиспаньи не видать“.
Что *эвеку* тутъ сказать?
Денегъ онъ ему прибавилъ
И племянника оставилъ
Еще разъ. — Какъ стукнулъ годъ,
Собрался Рудольфъ въ походъ:
Парень былъ весьма не промахъ —
Множество имѣлъ знакомыхъ
И другихъ навербовалъ
И какъ разъ завоевалъ
Всю Гельвецію, Швейцарью

И Франконью, и Баварью,
И на Австрію пошелъ!
Тутъ онъ получилъ престолъ:
Избранъ герцогомъ австрійскимъ;
Тамъ, по одолженьямъ близкимъ
Электерамъ тѣхъ временъ,
Онъ въ порфиру облеченъ
Всей Имперіи Германьи
И попалъ ужъ въ Шарлеманьи!
Дядя умеръ между тѣмъ,
А австрійскій *діадемъ*,
Какъ на каменной твердынѣ,
Въ домѣ Габсбургскомъ донынѣ!
А кто дѣло основалъ?
Все *эвека* капиталъ!

Ну, не такъ ли Рейнъ глубокій,
Столь разливисто широкій,
Точно царь нѣмецкихъ рѣкъ,
Здѣсь въ Швейцаріи истекъ
Изъ горы ручьемъ невиднымъ,
Даже курамъ необиднымъ,

*

Потому что перейдутъ
И онѣ; а дальше тутъ,
Вдругъ, въ потокъ онъ превращенный,
Бурный, шумный, изступленный,
До Шафгаузена бѣжитъ
По каменьямъ, какъ Алкидъ,
Все коверкая, ломая
И деревья вырывая!

Тутъ средь каменныхъ громадъ
Необъятный водопадъ;
Онъ порывисто стремится,
И отъ солнца золотится
Пыль, поднятая столбомъ
Отъ воды, и все кругомъ
Какъ брильянтами сверкаетъ;
Тутъ онъ ярость укрощаетъ,
И, бѣжавъ издалека,
Какъ роскошная рѣка
Точно отдохнуть ложится:
Не бурлитъ онъ, не стремится,
Но течетъ какъ властелинъ
Посреди своихъ долинъ!

Францью кое-гдѣ задѣнетъ,
Но не сердится, не пѣнитъ,
Только хочетъ подразнить:
„Вамъ меня не получить“,
Дескать; и Германья вторитъ
Тѣ жъ слова. Да кто жъ и споритъ?
Тутъ пышнѣй и все пышнѣй
По Германіи своей
Встрѣченъ онъ вездѣ горами,
Виноградомъ, городами,
А по немъ вездѣ народъ!
Величаво пароходъ
Пышетъ дымъ и на просторѣ
Машетъ крыльями и въ море
Устремляется по немъ!
Оттого мы и зовемъ
Рейнъ швейцарскимъ уроженцемъ.
Чуднымъ онъ какимъ колѣнцемъ
Здѣсь проходитъ. *Кель таблё!*
Нашъ трактиръ стоитъ *сюръ ле:*
Такъ я имъ налюбовалась
Въ волюшку...

Но заболталась, —
Еще нужно досказать:
По мосту пошла гулять...
На воротахъ родъ *орложа*
Деревянная есть рожа,
Кажетъ всякому языкъ;
Признаюсь, *села ме пикъ!*
Лонъ лакей хотѣлъ обидѣть,
Далъ мнѣ все здѣсь поувидѣть;
Какъ насытилась сполна:
„Такъ вотъ, дескать, тебѣ — на!“
Что досталась я за дура!

Въ воротахъ камеръ-обскура
Есть еще; *с'етъ амюзанъ*
Видѣть, какъ *ле пеизанъ*
Черезъ мостъ переѣзжаютъ,
Какъ молочницы гуляютъ,
Какъ пройдетъ иной солдатъ.

Пресмѣшной былъ результатъ
Здѣсь послѣдняго раздора,

Ну, не революцыи — вздора!
Въ Базелѣ всѣ мужики
Большей частью простаки.
Но охота подражанья!
Разъярилась *баль* компанья
Противъ Базеля *ля виль,*
И народъ кричитъ: „*Ихъ виль*
Становыхъ, а не квартальныхъ!
Вмѣсто будочниковъ сальныхъ
Нужно намъ *де гардъ шампетръ!*"
Что жъ такое? Климъ будь Петръ,
Петръ, пожалуй, будь Егоромъ,
И все кончилось тутъ вздоромъ.
Сталъ квартальный — становымъ,
Бургомистръ — городовымъ,
А другой какимъ-то *меромъ;*
А велось все *секретеромъ,*
Комъ аванъ; са во ла пень
Такъ шумѣть! *Де ла Фонтень*
Я припомнила *ла фабль:*
Какъ *ле ра де виль а табль*

Звалъ къ себѣ *ле ра де шанъ;*
Только *с'етъ энъ пе мешанъ.*

По пора мнѣ расквитаться
И въ дорогу отправляться.
Ужъ глядитъ *д'енъ эль суръ нуа*
Воатюрье мусье Бонуа:
Вѣрно не захочетъ *вартенъ.*
Въ Базелѣ еще есть *гартенъ,*
Гдѣ камельи *э де* розъ,
Дез арбузы *е отръ шозъ,*
И чудесно разукрашенъ!
Грота три и пара башенъ,
Де вольеръ э энъ этанъ;
Только *же н'э па ле танъ!*

Любопытство поумаля,
Доѣзжаю до Бальсталя.
Славный видъ тугъ по горамъ!
Хорошо, что я мадамъ;
Еслибъ *омъ,* была бы въ петлѣ;
Настоящая здѣсь Кетли

Юнъ сервантъ де кабаре;
Про нее, *а с'к'иль паре,*
Написалъ свой водевилецъ
Мусье Скрибъ! О, мой кормилецъ!
Какъ ты часто насъ смѣшилъ
И растрагивалъ! Какъ милъ
Твой талантъ и для театра!
Ты король — родъ *Генри Катра!*

Здѣсь я вижу въ первый разъ
Этотъ *діадемъ де гласъ,*
Эти горы снѣговыя,
Командиры вѣковые
Всей Швейцаріи! *Кель вояжъ!*
Ну, сказать, ужъ *пеизажъ!*

БЕРНЪ.

III.

БЕРНЪ.

Я доѣхала до Берна.
На дворѣ ужасно скверно!
Дождикъ, вѣтеръ, *де ля нежъ*,
Такъ что даже невтерпежъ!
Харитону любо стало:

Русь ему напоминало!
Снѣгъ и слякоть! фанатизмъ!
Этакой патріотизмъ
Есть патріотизмъ холопа!
Не завидуетъ Европа
Нашимъ вьюгамъ и снѣгамъ,
Ни курнымъ у насъ избамъ,
Ни метелямъ, ни ухабамъ,
Ни крестьянскимъ нашимъ бабамъ,
Что одѣты *а пе пре*
Комъ де сакъ, и ни икрѣ,
Ни сосулькамъ, ни баранкамъ,
Ни ботвиньѣ, ни цыганкамъ,
А завидуетъ она,
Что Россія такъ сильна,
Что народъ такой чудесный,
Духомъ, твердостью извѣстный,
Молодецъ все къ молодцу,
Преданъ такъ царю-отцу,
Что скажи онъ только слово, —
Все стремится, все готово,
Все кипитъ; и захоти —

Рады всѣ на смерть идти;
Мановеньемъ только брови
До послѣдней капли крови
Онъ потребуй, — отдадутъ!
Вотъ и говорятъ: „*Нихтъ гутъ*“
Иностранцы. Имъ досадно,
Что у насъ въ Россіи ладно,
Точно какъ семья одна,
И, какъ моськи на слона,
Издали на насъ ярятся!
Пусть ихъ лаютъ: утомятся,
Какъ увидятъ, что ихъ крикъ
Нипочемъ. Нашъ Богъ великъ,
Велика у насъ и вѣра!
Вотъ успѣховъ наша мѣра:
Осѣнясь пока крестомъ
Смѣло мы на все идемъ
И царя священно слово,
Будетъ все у насъ здорово!
Пусть „*готъ, химмель, сакрементъ*“
Говорятъ: какъ монументъ
У Исакья — Петръ Великій,

Надъ всемірной политикой
Мы стоимъ гора горой!
Осѣнивъ ее рукой,
Никого не задѣваемъ,
Всѣмъ имъ здравствовать желаемъ!
Но не тронь они и насъ,
Иль не сыщется *ля плясъ*,
Гдѣ когда-то ихъ видали.
Просто: поминай какъ звали!
Вотъ чѣмъ русскій патріотъ
Долженъ дорожить и вотъ
Что такъ бѣситъ иностранцевъ:
Нѣмцевъ, англичанъ, испанцевъ
И французовъ *э ле свисъ!*
Какъ ни силься, ни ярись,
Какъ волна она морская
Съ ревомъ, съ пѣной прибѣгая,
Объ Кронштадтскій нашъ гранитъ
Рухнется и отбѣжитъ,
А гранитъ не замѣчаетъ
Этихъ брызговъ и сіяетъ
Еще болѣе отъ нихъ,

Когда солнце, какъ женихъ,
Изъ морскихъ зыбей воспрянетъ,
На Кронштадтъ любовно взглянетъ,
Какъ привѣтствіе утра
Славной памяти Петра!

Но про нашихъ патріотовъ
Множество есть анекдотовъ.
Патріотъ иной у насъ
Закричитъ: „*Дю* квасъ, *дю* квасъ,
Дю разсольникъ огуречный!“
Пьетъ и морщится сердечный:
Кисло, солоно, *мове,*
Ме се рюсъ, э ву саве:
Надобно любить родное,
Дескать, даже и такое,
Что не стоитъ ни гроша!
Же не ди па: ла каша
Манная, *авекъ де* пѣнки,
Ла морошка, *лезъ* опёнки,
Поросенокъ *су ле* хрѣнъ,
Ле кисель *э ле* студень

Очень вкусны; но не въ этомъ
Ле патріотизмъ! Замѣтимъ,
Что онъ долженъ быть въ душѣ!
Въ кушаньѣ *с'етъ енъ пеше!*
Са с'апель служитъ мамону!
Вотъ я про свою персону
Растолкую просто такъ:
Постою за свой буракъ,
И за свой горшокъ со щами,
Какъ другая;... но межъ нами:
Если поваръ мнѣ подастъ
Иногда, *пуръ ле контрастъ,*
Де фуа гра-пате Страсбурга,
Или *бефъ сале* Гамбурга,
Иль французскій *дендъ трюфе,*
Что-жъ такое? *ке-с'-ке са фе?*
Оттого не измѣнюся,
Что наѣмся иль напьюся
Коместиблей чуждыхъ странъ;
Же не сви па басурманъ,
Но по мнѣ лафитъ, нѣтъ слова,
Лучше пѣннаго простого,

И шампанское подчасъ
Я вливаю *данъ монъ* квасъ:
Квасъ отъ этого вкуснѣе.
Чтобъ растолковать яснѣе
Мысль мою, *же ву дире*,
Что по мнѣ — *о фигюре* —
Эта смѣсь родъ аллегоріи
Нашей собственной исторіи.
Ужъ кто какъ ни говори,
Наши славные цари
Русскій бытъ всегда любили,
Какъ святыню сохранили
Всѣ обычьи старины;
Но все ими жъ введены
Къ намъ науки и искусства
Чуждыхъ странъ, и наши чувства
Деликатнѣе, нѣжнѣй,
Еще сдѣлались сильнѣй
Къ нашей родинѣ, и ею
Мы гордимся всей душою!
До нашествія татаръ
Къ намъ втирались *ле боз аръ*

Черезъ выходцевъ изъ Грецьи;
Архитекторы Венецьи
Строили въ Москвѣ соборъ;
Англичанинъ Шанселоръ
Ввелъ торговыя сношенья;
Петръ не разъ для обученья
Многихъ русскихъ посылалъ
Въ тѣ мѣста, гдѣ самъ набралъ
Государственное знанье.
Ну, не то ли, что вливанье
Дю шампань данъ нотре квасъ?
Русскій и теперь у насъ
За моремъ иной гуляетъ,
Смотритъ, видитъ, примѣчаетъ
То *сеси,* а то *села;*
Но, какъ добрая пчела,
Дю полезнаго набравшись,
По цвѣтамъ понагулявшись,
Весь свой сборъ домой несетъ,
Чтобъ составить русскій медъ.
Оттого чертогъ пчелиный
Былъ эмблемъ Екатерины!

Но иной, — сказать и то, —
Погулялъ, привезъ пальто
И прическу кучерскую.
Я его не критикую, —
Только бѣднаго мнѣ жаль.
Впрочемъ *иль н'и а па гранъ маль* —
И у русскаго народа,
Какъ въ семьѣ, не безъ урода.

Съѣвъ кусочекъ колбасы,
Я пошла смотрѣть часы,
Что здѣсь въ Бернѣ на воротахъ.
Вѣрно былъ въ большихъ заботахъ,
Кто часы тѣ сворожилъ:
Ужъ чего не приложилъ!
С'етъ энъ хаосъ веритабль!—
И пѣтухъ тутъ, и *ле дьябль,*
И старикъ, король Немвродъ,
И медвѣдей хороводъ.
Только стрѣлка часовая
Обойдетъ, вдругъ, подымая
Крылья, прокричитъ пѣтухъ;

А за нимъ *ле дьябль* бухъ —
Палкой бьетъ объ колокольчикъ,
А старикъ *сюръ сонъ* престольчикъ
Ротъ разинетъ и кивнетъ
Головой и повернетъ
Ле клепсидеръ; тутъ медвѣди,
Вылитые всѣ изъ мѣди,
Подъ командою *д'енъ шефъ*,
Какъ двѣнадцать спящихъ дѣвъ,
Въ часъ урочный выступаютъ
И вокругъ *орложъ* гуляютъ.
Съ временъ сантиманталь!

Тутъ пошла я въ *катедраль.*
Хоть готики наглядѣлась!
Черезчуръ и мнѣ пріѣлось
Ужъ *енъ пе сетъ модъ юникъ!*
Гдѣ ни сунься, все готикъ:
И бесѣдки и *боскеты,*
Спальныя и кабинеты,
И салонъ и *будуаръ,*
И конюшни и амбаръ,

И кондитерскія лавки,
И браслетки и булавки, —
Ты куда ни повернись,
Все какъ будто *дез эглизъ!*
И кровати и диваны,
Этажерки и экраны,
Даже стулъ *(ву саве кель)* —
И тотъ примутъ за *шапель.*
Про барановъ намъ толкуютъ,
Что другъ друга *имитуютъ:*
Гдѣ прыгнетъ изъ нихъ одинъ,
Тутъ и всѣ; *ме ж'имажинъ,*
Что мы то же, что бараны —
Пребольшія обезьяны!
Вотъ и въ Питерѣ у насъ
Я видала сколько разъ:
Что затѣется, бывало, —
Заводи, во что бъ ни стало!
Засухи, неурожай, —
Нужды нѣтъ, — ты подражай!
Ле бонъ тонъ къ тому принудитъ
Иль житья тебѣ не будетъ

Отъ жены и отъ родныхъ,
Да и даже отъ чужихъ!
Назовутъ *ретардатеромъ*,
Гартагономъ и *сербероМъ!*
Рококо и *ренесансъ*
Сколько стоили *депансъ*.
Да, я помню, разъ зимою
Что случилось здѣсь со мною:
Чтобы соблюсти *бонъ тонъ*,
Ж'е пудре монъ Харитонъ:
Въ шелковыхъ чулкахъ, у козелъ,
Обѣ икры отморозилъ —
Мнѣ жъ пришлось его лечить,
А другихъ не научить!
Пусть забота будетъ эта
Опекунскаго Совѣта.
Этотъ общій *коферъ форъ*, —
Табакерка *де Пандоръ*, —
Всѣмъ затѣямъ помогаетъ,
Но *сале* подчасъ бываетъ:
Только позабудешь срокъ,
И глядишь — подъ молотокъ!

Но здѣсь разныя потѣхи:
Не одинъ готикъ, — доспѣхи
И трофеи *де ла геръ*
Противъ *Шарль ле Темереръ*,
Славная его палатка
Анъ готъ-лисъ и три десятка
Разныхъ шпагъ, *манто, боне*,
Что̀ носилъ онъ на войнѣ:
Это все мнѣ показали,
А готъ-лисы представляли
Сюръ энъ фонъ, довольно *саль*,
Ла баталью *де Фарсаль*.

Тутъ я вышла на террасу
Посмотрѣть всю эту массу —
Этотъ рядъ швейцарскихъ горъ.
Что у нихъ, *комъ энъ* заборъ,
Отъ всѣхъ прочихъ отдѣляетъ,
Какъ въ Китаѣ, сохраняетъ
Прежній ихъ *эндепандансъ!*
„С'этъ энъ пуа данъ ля балансъ“,
Говоритъ Симонъ Сисмонди,

„Энъ рефюжъ де вагабонди“.
Только имъ и *профите*
Здѣшняя *нейтралите.*
Но прекрасныя картины —
Эти снѣжныя вершины
Въ часъ полудня, солнца лучъ
Какъ проглянетъ изъ-за тучъ,
Живописно ихъ рисуетъ.
Всю Швейцарью коронуетъ
Этотъ славный Оберландъ,
Какъ Бореева гирландъ,
Кинутая въ поднебесной
Среди зелени прелестной!

Мнѣ осталось посмотрѣть
Мѣсто, гдѣ мусье медвѣдь
Дни спокойные проводитъ
И анахоретомъ бродитъ
Съ косолапою женой.
Берна гербъ они живой!
Долго съ ними я возилась
И ужасно простудилась,

Вся я сдѣлалась *малядъ*.
Монъ визажъ этъ экарлатъ,
Голова болитъ и тошно.
Но спасибо — какъ нарочно,
Я все видѣла уже.
Лонъ лакею дамъ *конже*
И за докторомъ скорѣе!
Нѣтъ ли съ крестикомъ на шеѣ,
Какъ у насъ, *энъ алеманъ?*
Са сере плю расюранъ!
Но молоденькій явился,
Щеголь въ пухъ принарядился:
Колье грекъ, бадинъ, лорнетъ,
Стянутъ такъ, что мочи нѣтъ.
Я подумала: танцмейстеръ!
Вышло: докторъ, мусье Шлейстеръ,
Философіи кандидатъ,
А теперь гомеопатъ.
Пульсъ пощупалъ мнѣ съ брегетомъ
И, вооружась лорнетомъ,
Высунуть велѣлъ языкъ —
Комъ всегда *са се пратикъ!*

Хоть и новая метода,
Но одна, какъ видно, мода.
Первая его пароль:
— *„Юнъ эспесъ де рубіоль*
Въ васъ гнѣздится, сколько вижу;
Мы обязаны Парижу
Этимъ терминомъ *де л'аръ.*“
— У меня ужасный жаръ,
Пить хочу!—„Ну, воду пейте!
Ме сюрту, вы не имѣйте
Ни *парфеновъ,* ни духовъ,
А особенно цвѣтовъ“.
— Какъ же быть? Я, между нами,
Убираюсь все цвѣтами
Съ той поры, какъ мадамъ Споль
Мнѣ достала *ореоль,* —
Ужъ вошло въ привычку даже;
А *флеристокъ* нѣтъ въ вояжѣ,
Я беру для красоты
Натуральные цвѣты,
Тотъ же *ореоль* сплетаю
И какъ въ осень разъѣзжаю.

Розановъ со мной горшокъ...
— „Но я дамъ вамъ порошокъ:
Дѣйствіе онъ потеряетъ,
Если что гдѣ завоняетъ“,
Докторъ мнѣ сказалъ: — „Законъ
Нашъ такой *сине ква нонъ*,
Основанье, и смотрите—
Пахитосокъ не курите“.
— Мнѣ курить? Что за манеръ?
Да я развѣ кавалеръ?
— „Да теперь всѣ дамы курятъ
И отъ дыма глазки щурятъ.
Это модный *жантильесъ!*“
— Не дошла я, *же конфесъ*,
До такой *цивилизаціи!*
— „А! у васъ есть *пальпитаціи?*“
— Есть; что жъ, пустите мнѣ кровь?
Онъ въ отвѣтъ, нахмуря бровь:
— „Нѣтъ мы крови не пускаемъ;
Экилибръ не нарушаемъ
Мы натуры: такъ *же санъ*“.
— Вѣрно, *кельк*ъ *афеблисанъ?* —

— „Нѣтъ, и этого не нужно;
Мы живемъ съ натурой дружно —
Ей мы дѣйствовать даемъ.
На одну мы точку бьемъ,
Виноватую въ разстройствѣ,
И въ одномъ мы безпокойствѣ:
Какъ ее бы отъискать.
Чтобъ примѣръ вамъ показать:
Всѣ народныя крамолы,
Шалости большія школы
Можно тотчасъ прекратить,
Какъ зачинщиковъ схватить:
Лишь бы ихъ узнать успѣли!
Порошокъ для этой цѣли
Мы даемъ: онъ микроскопъ
Разысканій; какъ въ галопъ,
Отъ него болѣзнь поскачетъ!
Насъ она не озадачитъ, —
Легче узнаемъ недугъ
И его захватимъ вдругъ“.
— Ну, теперь я разумѣю.
Но вотъ эту мнѣ идею

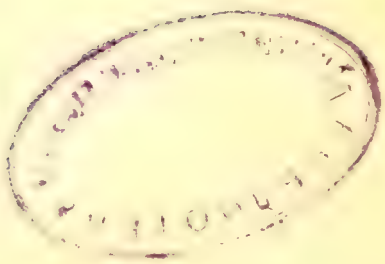
Растолкуйте: отчего
Отказаться отъ всего
Вы велите, — отъ *одеровъ*,
Отъ цвѣтовъ? — Для аматеровъ
Пренакладно! — Вотъ отвѣтъ:
— „Создалъ Богъ, сомнѣнья нѣтъ,
Міръ на службу человѣку,
Какъ большущую аптеку.
Доли медицинскихъ силъ
Всѣмъ растеньямъ надѣлилъ;
Ихъ распознавать печемся
И отъ дѣйствій бережемся
Нашимъ порошкамъ *контреръ*.
Вотъ вамъ ясно *тутъ л'аферъ!*“
— Но мнѣ мудрено повѣрить—
Какъ вашъ порошокъ измѣрить,
Канареечный глотокъ,
Чтобъ онъ одолѣть возмогъ
Жаръ преспльный, колоссальный
И эффектъ имѣлъ формальный?
— *„Белла донна.“—Біенъ де грасъ,*
Ужъ оно не въ бровь, а въ глазъ!

Комплиментовъ мнѣ не надо;
А узнать была бъ я рада
Вашъ *системъ!* — „Ну, *аконитъ*,
Арника...“ — *Ке-с'-ке ву дитъ?*
— И *нуксъ вомика*“. — Не знаю.
— „Я теперь вамъ исчисляю
Наши средства, а затѣмъ
Растолкую и *системъ*.
Неужель вы не видали,
Какъ и оспу прививали?
Да, и даже встарину,
Капельку возьмутъ одну
Отъ больной, плохой коровы,—
Въ полчаса всѣ нездоровы!
А амуръ, злодѣй амуръ,
Сколько жертвъ онъ *туръ а туръ*
То убьетъ, то воскрешаетъ
Взглядомъ только! Это знаетъ
Даже каждый, да и вы
Вѣрно знаете?“ — Увы!
Помню, тамъ, близъ Петергофа,
Какъ была я нездорова,

И чуть-чуть... — Ну, такъ и быть,
Дамъ ему себя лечить!
Что-то будетъ?

Въ самомъ дѣлѣ
Пролежала я въ постелѣ
Только день. Оставлю Бернъ
И отправлюся въ Паіернъ,
А оттудова въ Лозанну,
Если только не устану.

БЕРНСКІЙ ОБЕРЛАНДЪ.



IV.

БЕРНСКІЙ ОБЕРЛАНДЪ.

Утро ясно, *иль фе бо.*
Дня свѣтило, *ле фламбо,*
Солнце по небу гуляетъ

И роскошно освѣщаетъ
Энъ швейцарскій пейзажъ,
То есть: фермы, *де вилажъ*,
Горы вѣчно снѣговыя
И озера голубыя,
На которыхъ, *ж'имажинъ*,
Пироскафъ, и не одинъ,
И пастушечки, *бержеры*.
Кель туалетъ! что за манеры!
Что за складки *а ля таль!*
Маленькій *шапо де пайль*,
По колѣна только юбки —
Театральныя голубки;
Однимъ словомъ, *с'э шарманъ!*
Но не знаю я, *команъ*
Путь умнѣе бы направить,
Чтобы *де ля Свисъ* составить
Юнъ иде почти *комплетъ*.
Всю объѣхать, слова нѣтъ,
Не достанетъ и терпѣнья,
А напишешь, такъ для чтенья
Тяжело — и надоѣстъ:

Вѣроятно, много мѣстъ
Есть похожихъ межъ собою!

Вотъ я дѣло какъ устрою:
Я поѣду въ городъ Тунъ,
Въ Интерлакенъ, въ Лаутербрунъ, —
Эту изберу дорожку.
Тутъ всего есть понемножку —
Иль я ту се к'онъ деманъ:
Се ле Бернскій Оберландъ.
И вояжъ мой будетъ скромный:
Я въ колясочкѣ наемной,
Туте сель авекъ Анетъ
Помѣщусь; мнѣ нужды нѣтъ
Брать съ собою Харитона.
Здѣсь, въ Швейцаріи, родъ *бонъ тона*
Дамамъ ѣздить *анъ гарсонъ*,
Обращаться *санъ фасонъ*,
Пить и ѣсть за *табель д'отомъ*,
Не смущаться анекдотомъ,
Иногда *энъ пе сале.*
Надобно, *комъ ву вуле,*

Благородной русской дамѣ
Здѣсь по-волчьи выть съ волками.

Я отправилась *даборъ*
Цѣпью непрерывныхъ горъ,
Все увѣнчанныхъ снѣгами;
Любовалась и лугами
И обширностью полей,
Ѣхавъ все среди аллей.
Безподобнѣйшіе виды!
Все скирды, какъ пирамиды,
Хлѣба разнаго; *де ваше*,
Де козлы, *де* пейзажъ
Вувермана и Полпотра
Здѣсь разставлены для смотра.
И прекрасно, хорошо,
Се виванъ, се бо, се шо!
И такъ ясно, свѣтло было!

Вдругъ все небо обложило
Облаками,—дождь и громъ!
Молнія сверкнетъ, кругомъ

Все какъ бы въ огнѣ пылаетъ;
И вдругъ темно, — завываетъ
Вѣтръ и свищетъ, и ревetъ,
И съ коляски фартухъ рветъ!
Молнія за молньей блещетъ,
Дождикъ такъ въ глаза и хлещетъ,
Ливмя льетъ, какъ изъ ведра;
Фурмана манто *де дра*
Сдѣлался какъ родъ клеенки,
Тащатъ вяло лошаденки, —
Скучно, страшно, мочи нѣтъ!

Но зато ужъ что за *фетъ*,
Въ Тунъ когда я дотащилась!
Передъ дачей очутилась,
Гдѣ весь англійскій *комфортъ!*
Самъ хозяинъ *а ля портъ!*
Насъ встрѣчаетъ, разодѣтый
Щегольски, и вдругъ съ Анетой —
Съ первой — началъ разговоръ
По-французски; тутъ *анкоръ*
Прибѣжало три *гарсона*

Удивительнаго тона
И съ шандалами въ рукахъ.
Всѣ въ смятеньи, впопыхахъ:
Точно будто королева
Появилась! Справа, слѣва
Подхватили и ведутъ;
Сзади мой *багажъ* несутъ
Люди средняго разряда.
Я пріему очень рада.
Но куда попала я?
Можетъ быть, судьба моя
Къ лорду въ замокъ затащила!
Я бъ охотно погостила
У него, *ме же пари*,
Ночью — *ту ле ша сонъ гри!*
Лордъ навѣрно далъ *энъ* промахъ
И насъ принялъ за знакомыхъ, —
Оттого такая честь!
Но какъ хорошо расчесть —
Англичанъ крутеньки нравы:
Какъ дойдетъ тутъ до расправы,
Такъ, пожалуй, по шеямъ!

— „*Вуле ву дю те,* мадамъ?“
Онъ спросилъ, и по сигналу
Двери растворились къ залу.

Тутъ предсталъ *а ме регаръ*
Столъ накрытый, самоваръ,
Ветчина, кофейникъ, чашки,
Блюда, сахарница, фляжки,
Сыръ и яица и медъ.
Ужъ чего недостаетъ?
Совершенно пиръ горою.
И сначала, я не скрою,
Несмотря на *апети,*
Было совѣстно войти.
Я однако же рѣшилась
И вошла, но удивилась:
Вкругъ всего стола народъ
Пьетъ и ѣстъ, и что за сбродъ,
Что за люди, что за рожи!
Ну, ужъ гости для вельможи!
Толстый съ бородой французъ,
Тутъ сидитъ *энъ омъ анъ блузъ,*

Весь обросшій волосами;
Тутъ *энъ калико* съ усами,
Тутъ въ пальто и въ шляпѣ лордъ;
Онъ собакѣ „*пиль апортъ*“
Говоритъ, и ей булетки
Все кидаетъ; а сосѣдки,
Вѣрно тоже *дезъ англезъ*,
Такъ ужъ прямы *сюръ леръ шезъ*,
Въ пестрыхъ полосатыхъ шаляхъ,
Въ шляпкахъ *гри де ленъ*, въ вуаляхъ,
На рукѣ торчитъ *каба;*
А тамъ далѣе, *ла ба*,
Въ длинномъ сюртукѣ, съ очками,
Вѣрно нѣмецъ. Между нами,
Нѣмца трудно не узнать!
И у нѣмцевъ, такъ сказать,
Отпечатокъ есть особый.
Не съ надменностью, не съ злобой
Нѣмецъ звѣрски такъ глядитъ,—
Нѣтъ, свой собственный *меритъ*
Этимъ взглядомъ охраняетъ
И никакъ не позволяетъ,

Чтобы въ немъ ошибся кто;
Говоритъ про сё, про то
Все съ расчетомъ, съ разстановкой,
И знакомиться неловкій;
Скажетъ слово — *тутъ о плюсъ*.
То ли дѣло — наши *рюсъ:*
Тѣ знакомятся со всѣми,
И оно у нихъ въ системѣ!
Имъ ужъ всякій *камарадъ*
И пріятель; радъ не радъ,
Отвѣчай на ихъ разспросы:
— „Бабы отчего курносы?
Отчего звонятъ, когда
Отправляются суда?“
Право, иногда досадно!

Но я здѣсь въ трактирѣ. Ладно!
Я ужъ больше не боюсь;
Чаю я теперь напьюсь
Да и спать себѣ залягу.
Ну, какую же отвагу
Наша мысль подчасъ беретъ!

Такъ далеко занесетъ,
Что и не поспѣть за нею!
Вотъ какую ахинею
Я взвела — нашла же дурь;
Право, хоть и глазъ не жмурь,
На-яву приходятъ грезы.
Вотъ еще бѣда: всѣ *шезы*
Заняты, намъ негдѣ сѣсть!
Но, какъ видно, знаютъ честь
Се месіе: они стѣснились,
И мы обѣ помѣстились!

Тотчасъ, приподнявъ картузъ,
Съ нами рѣчь завелъ французъ:
— „Вояжерки вы, конечно,
Издалека; я сердечно
Вамъ служить готовъ, *медамъ*.
Вояжеръ я здѣсь и самъ,
Но, однако же, бывалый!“
Я подумала: „Пожалуй,
Мы съ Анетой здѣсь однѣ:
Завтра руку дастъ онъ мнѣ,

Доведетъ до парохода;
А какъ будетъ непогода,
Такъ и зонтикъ мнѣ ссудитъ".
— Точно такъ, *комъ ву ле дитъ*
Жюстеманъ, и справедливо",
Отвѣчаю я учтиво:
„Мы туристки, держимъ путь
Анъ пасанъ, чтобы взглянуть
На всѣ прелести природы:
На цѣлительныя воды,
На другія *рарете*
Э сюръ лез антиките.
Предложенью очень рады!"
Онъ насъ спереди и сзади
Оглядѣвъ — „*Вуз этъ де рюсъ?*"
Закричалъ онъ: „*Д'отанъ плюсъ*
Ме рекоманде я смѣю:
Я давно проектъ имѣю
Получить *энъ привилежъ*
Анъ Рюси, чтобъ *де ла нежъ*
Съ сажей *э де ла* солома
Тамъ составить родъ позема,

Къ разведенью свекловицъ.
А у васъ, чай, безъ теплицъ
Не растутъ онѣ? — Напрасно, —
И въ лѣсу взойдутъ прекрасно
По методѣ по моей.
Нужно нѣсколько печей;
Но вѣдь не за этимъ дѣло.
И правительство хотѣло
Мой проектъ купить у насъ;
Но я берегу для васъ
Эту важную идею;
И я васъ увѣрить смѣю:
Былъ бы только капиталъ,
За успѣхъ я бъ отвѣчалъ!
Много у меня секретовъ
Для распашки, для *пудретовъ*
И для фабрикъ; *де л'анфансъ*
Агрономья, *сетъ сіянсъ*,
Мнѣ подругой неизмѣнной.
Я искусникъ совершенный
И могу, не больше въ годъ,
Удесятерить доходъ!

Напримѣръ: у васъ коровы
Тощи, хилы, нездоровы;
Ленту привяжу къ хвосту
Узелкомъ, *э воля ту!*
Напримѣръ: у васъ на горкѣ
Дубъ растетъ; — сейчасъ изъ корки
Я натру такой табакъ,
Что узнать нельзя никакъ —
Точно нашъ *ла фермъ* французскій!
Вашъ зѣваетъ только русскій,
А у васъ есть *де трезоръ!*“
Я въ него вперила взоръ
И подумала: вотъ мастеръ!
— „Изъ капусты сдѣлать *кнастеръ*
Такъ же мнѣ не мудрено“,
Продолжалъ онъ. — Рѣшено!
Я француза завербую,
Съ нимъ объ этомъ потолкую,
Отъ него мнѣ будетъ прокъ:
Вотъ ужъ пятый годъ оброкъ
Дурно платитъ Курдюковка;
Что тутъ надобно? — Сноровка!

Онъ хозяйство заведетъ
По-французски, и пойдетъ
Дѣло такъ, какъ я желаю!
Разговоръ съ нимъ начинаю:
— „Вотъ, *мусье, моа же юнъ теръ;*
Много снѣгу тамъ *л'иверъ*,
А весной такъ хлѣба мало!
Иногда недоставало
Даже просто *пуръ ме жанъ!*
И тогда *де монъ аржанъ*
Покупала и кормила".
— *Ме, мадамъ!* не въ этомъ сила!
Какъ раздѣлены поля?
Вотъ вся штука въ чемъ, — *воля!*"
Я на это отвѣчаю:
— „Нашъ порядокъ соблюдаю:
Же три поля, *са сюфи!*"
Онъ взмахнулъ руками: — *Фи!*
Заведемъ полей мы восемь:
Первое мы поле скосимъ,
На второмъ посѣемъ макъ,
Тамъ картофель, тамъ табакъ,

Тамъ горохъ, тамъ свекловицу,
А потомъ уже пшеницу,
Рожь, овесъ, *ту се к'онъ вё!*
Пашете *авекъ де бё*,
Лошадьми, я въ томъ увѣренъ?
— „Да!“ — Ну, нѣтъ! а я намѣренъ
Тутъ коровъ приспособить;
Какъ съ начала подоить,
То покуда бы пахали,
Бабы масло бы сбивали;
Вмѣстѣ шелъ бы весь *уражъ!*
Тѣмъ грѣшитъ порядокъ вашъ,
Что работаютъ разлучно
Мужъ съ женою: имъ и скучно!
А какъ скучно, такъ бѣда!
Дѣло не пойдетъ тогда.
Дѣти крынки бъ полоскали,
Мужики бъ у васъ гуляли
Анъ фамиль сюръ ту во шанъ;
И смотрѣть — такъ *се тушанъ!* —
Какъ умно, какъ справедливо! —
Я подумала, — вотъ диво!

*

Мнѣ и въ умъ бы не пришлось.
Ну, достать мнѣ довелось
Управителя!
Но время
Спать идти; большое бремя:
Завтра рано мнѣ вставать!
А не будетъ ожидать
Пароходъ — уходитъ въ восемь.
Такъ *адье* жъ, прощенья просимъ!

Тутъ съ шандалами въ рукахъ
Два *гарсона* впопыхахъ
Прибѣжали, подхватили
Подъ-руки, и потащили
Прямо *данъ ле бель этажъ*.
Что за спальня! *Се домажъ*,
Увезти нельзя съ собою!
Надъ богатою софою
Что за зеркало! комодъ,
Занавѣски *а ля модъ*,
Стулья, кресты! А постели
Каковы! И багатели,

Что назвать нельзя, и тѣ
Безподобной *пропрете!*
Долго ими любовалась
И тихонько раздѣвалась.
Наконецъ, я спать легла.

Но заснуть я не могла —
Все въ умѣ перебирала,
Что съ французомъ толковала.
Ужъ не вздоръ ли онъ мололъ?
Тутъ еще на мысль пришелъ
Анекдотъ мнѣ про сосѣда,
Презатѣйщика: отъ дѣда
Онъ досталъ *юнъ жоли теръ*
И доходную; но *Тейръ*
И *Домбаль* его смутили,
Голову ему вскружили;
Какъ вдолбилъ себѣ въ башку
Эти книги, *тутъ а ку*
У себя все переправилъ,
Такъ сказать, вверхъ дномъ поставилъ!
Сталъ озимое весной

Засѣвать, а яровой
Хлѣбъ онъ осенью посѣялъ;
Не навозилъ, и не вѣялъ,
Какъ у насъ; къ себѣ въ овинъ
Кучу натащилъ машинъ
Иностранныхъ. Что жъ случилось?
Ничего не уродилось!..
Онъ туда, сюда, — никакъ
Ужъ не ладится. Итакъ,
Нашъ сосѣдикъ безъ дохода!
Новая явилась мода
По журналу: онъ, злодѣй,
Окургузилъ лошадей!
У крестьянъ и были слухи,
Что коней заѣли мухи:
Нечѣмъ было отгонять.
И не мудрено понять:
Ле клима, температуру,
Нашу русскую натуру
Онъ не принималъ въ резонъ!
Ну, во Франціи *се бонъ!*
А у насъ совсѣмъ другое!

Мнѣніе мое такое:
Прежде бы, чѣмъ заводить,
Надо въ полѣ походить,
Изучить свою природу
И обычаи и моду,
Разсмотрѣть, *анъ ква фотифъ*
Нашъ порядокъ *примитифъ*,
И тогда уже исправить,
А что хорошо, оставить,
Потому что польза есть.
А какъ на-обумъ завесть
Иностранное, то, броду
Не спросясь, полѣзешь въ воду —
И не выбрести ужъ вонъ.

Наконецъ явился сонъ.
Я до утра прохрапѣла;
Но одѣться я успѣла,
Къ завтраку въ салонъ пришла,
Тутъ француза я нашла
Ужъ готоваго къ отправкѣ,
И держалъ онъ двѣ булавки,

Чтобъ мой запахнуть бурнусъ!
Ужъ на что мастакъ французъ —
Это съ дамами возиться!
Точно, мастеръ прислужиться;
А оно не безъ заботъ!
Знаетъ онъ наперечетъ
Наши прихоти и нужды;
Даже для него не чужды
Ле деталь де но туалетъ!
И всегда онъ на предметъ
Попадетъ, для насъ пріятный
Въ разговорѣ и понятный:
Развѣ это не *таланъ*,
Чтобы быть всегда *галанъ?*

На машинѣ зазвонили.
Мы всѣ гуртомъ повалили
Изъ трактира, *веръ ле лакъ*.
Захватилъ французъ мой сакъ,
Мой манто и далъ мнѣ руку.
Но Анета, что за штуку
Выкинула! — *Де ла сортъ*

Разжеманилась, что лордъ,
Позабывъ свою собаку,
На нее повелъ атаку,
Отъ нея не отставалъ:
То ей руку подавалъ,
То поддерживать старался, —
Такъ за ней и увивался!

Запыхтѣлъ нашъ пароходъ
И пустился быстро въ ходъ.
Музыка вдругъ загремѣла —
Энъ оркестръ! Какъ ни глядѣла,
Музыкантовъ не видать...
Мы пустились ихъ искать.
Что же вышло? Передъ нами
Сундучокъ одинъ съ трубами
Тутъ стоитъ, *сюръ ле бато:*
Дунулъ вѣтръ, и *осито* —
Трубы шумно загремѣли!
Ухитрились же, сумѣли
Обратить и вѣтеръ впрокъ!

Лакъ здѣсь долженъ быть глубокъ:
Волны синія какія,
Точно будто бы морскія,
И какъ живописенъ онъ!
Какъ прелестно окружонъ
Съ этой стороны горами,
А тутъ дачами, домами!
Городъ Тунъ *де се табло*
Составляетъ *фонъ*, *данъ л'о*
Отражаяся чудесно.
Онъ построенъ, какъ извѣстно,
На покатѣ, на горѣ;
Славный видъ, *а-ск'иль паре,*
Долженъ быть съ большой *турели,*
Что торчитъ на цитадели.
Тутъ *ля* дача *де Ружмонъ*,
А напротивъ *се ле монъ*
Де ла Юнгфрау по фамильи;
По-нѣмецки имя: *фильи.*
Почему онъ названъ такъ,
Я не добралась никакъ,
Сколько мы ни толковали.

Насъ иные увѣряли:
Потому что онъ такъ твердъ,
Такъ угрюмъ, немилосердъ,
Какъ дѣвица пожилая,
Молодыхъ пересуждая!
А другіе,-- что за то,
Будто бы досель никто...
Но вѣдь это вздоръ, пустое,—
Толкованіе такое
Неприлично, *комъ онъ ди.*
Дальше, *се ле монъ моди,*
Монъ Пилатъ; какъ облаками
Иль се куафъ, тогда волнами
Такъ бурлитъ, *с'етъ энъ оражъ,*
Хоть спасайся *а ля нажъ!*
По всѣмъ берегамъ картины
Безподобныя, *руины*
И потоки *э де гротъ.*

Переплыли безъ хлопотъ
Озеро; когда жъ пристали,
Вчетверомъ коляску взяли:

Я, французъ *авекъ ле* лордъ
И Анета; *э дю портъ*
Въ Интерлакенъ пріѣзжаемъ.
Тутъ опять *табло* встрѣчаемъ
Мы другой: сады, дома,
И природа здѣсь сама
Улыбается какъ будто.
Я подумала: вотъ тутъ-то
Счастье сельское, *репо*
И безпечность! — *А пропо:*
Въ Интерлакенѣ живала
Бательерка — восхищала
Всѣхъ чудесной красотой.
Даже бательерки той
Я видала и портреты,
Помню всѣ ея примѣты.
Какъ ее бы увидать?
Мои мысли, такъ сказать,
Точно будто угадали
И мнѣ домикъ указали,
Гдѣ живетъ она теперь,
И я постучалась въ дверь.

Искажаютъ, видно, лѣта
Или сходства у портрета
Вовсе нѣтъ: явилась намъ
Бѣлокурая *вьель фамъ*,
Всѣхъ насъ попросила въ гости
И намъ предложила трости.
Лордъ, большой оригиналъ,
Всетаки поцѣловалъ
Ее, въ память прежней славы!
Тутъ нашли мы, для забавы,
Вещи разныя *анъ буа*,
Очень милыя: *же круа*,
Оберланда рукодѣлья.
И купили, отъ бездѣлья,
Ларчикъ, книжку, *энъ куто*,
Рюмку, *бильбоке, плато*
Съ видомъ Штауббаха и Туна,
И Юнгфрау, и Лаутербруна.
Тутъ мы въ англійскій пансьонъ
Заглянули; *ну пассьонъ*,
Такъ сказать, изъ дачи къ дачѣ.
Англичанки наипаче

Тутъ живутъ, — и все сидятъ
У дверей и все ѣдятъ:
Это главное занятье.
Тотъ же вкусъ и то же платье,
Полосатый вѣчно шаль,
Шляпка крошечная, вуаль,
Брошъ каре, гдѣ родъ картинки,
И сафьяныя ботинки;
Съ умиленіемъ глядятъ
На полдюжину ребятъ.
Вѣдь народъ преплодовитый,
Даже тѣмъ и знаменитый!

Но еще намъ въ Лаутербрунъ
Надо ѣхать. Говорунъ
Нашъ французъ — не умолкаетъ!
Вотъ коляска подъѣзжаетъ.
Мы садимся — и пора.
Тутъ деревня, тутъ гора.
Какъ достигли до долины,
Новыя опять картины:
Здѣсь нашъ поражаетъ взоръ

Клодъ Лорень и Сальваторъ!
Все угрюмо здѣсь и дико,
Живописно и велико.
Тутъ потокъ шумитъ; бревно
Поперегъ положено,
И коза по немъ проходитъ;
Тутъ скалы, — и стадо бродитъ
По скаламъ и пастушокъ;
Тутъ опять бурлитъ потокъ;
Тутъ съ горы бѣжитъ каскада;
Грота, какъ отверстье ада,
Тутъ проникнута лучомъ
Солнечнымъ, а тутъ ключомъ
Бьетъ вода изъ-подъ утеса;
Тутъ стоитъ въ серединѣ лѣса
Юнъ кабанъ, крестьянскій домъ,
И распахано кругомъ;
Тутъ опять гора крутая,
И дорожка небольшая
До вершины какъ змѣя
Увивается; семья
Тутъ швейцарцевъ; тутъ телѣга;

Отражается отъ снѣга,
Всѣ пригорки золотитъ
Солнца лучъ, — чудесный видъ
Эти разные оттѣнки!
Мы доѣхали до стѣнки:
На дворѣ опять *отель*,
Комъ а Тунъ. — Де Гильомъ Тель
Ла патри полна *контрастовъ!*
Я браню *иконокластовъ:*
Какъ бы были *манификъ*
Крестъ, часовня здѣсь и ликъ
Благодатной чистой Дѣвы!
Сколько кажется, посѣвы
Небогаты. — По горамъ
Распахали здѣсь и тамъ.
И работать даже трудно, —
По-неволѣ будетъ скудно!

Анъ кюлотъ и въ башмакахъ
Л'обержистъ веръ ле Штауббахъ
Намъ совѣтовалъ добраться,
Чтобы имъ полюбоваться

Прежде, нежели зайдетъ
Солнышко. — Ужъ водометъ!
Точно будто пыль какая,
Вся брильянтами сверкая,
Съ несказанной высоты
Падаетъ, — и красоты
Нѣтъ подобной въ цѣломъ мірѣ!
Точно радуга въ эѳирѣ,
Сновидѣніе, мечта
И всѣ радуги цвѣта.
Долго имъ мы любовались
И до вечера остались,
Чтобы видѣть *сонъ ефе,*
Когда солнце *тутъ а фе*
Ляжетъ. Я вообразила,
Будто Нимфа тутъ сложила
Свой серебряный *эшарпъ*
Или струны *де ла гарпъ*
Псалмопѣвца тутъ бряцаютъ
Вдохновенно и бросаютъ
Точно искры отъ себя!
Все суровое любя,

На каскаду я глядѣла,
Какъ, клубясь, она кипѣла,
Разбиваясь о скалу.

Но пора намъ и къ столу,
Чтобъ не дожидались втуне
Насъ обѣдать въ Лаутербрунѣ.
Какъ пришли мы — на столѣ
Супъ стоялъ. *Комъ ву вуле,*
Есть минуты, есть и *журы,*
Гдѣ всѣ прелести натуры
Промѣняешь на кусокъ
Буженины, на задокъ
Жареной простой пулярки!
Инспирацьи какъ ни жарки,
А желудокъ не свой братъ!
Мы поѣли и назадъ
Къ пароходу поспѣшили.
И спасибо, — ужъ звонили!
Какъ достигли мы *ле портъ,*
Высадилъ Анету лордъ,
Мнѣ французъ помогъ взобраться

На *бато.* Чтобъ отправляться,
Только дожидались насъ,
И отправились какъ разъ.

По небу луна гуляла,
Вдохновенная, сіяла,
И серебряный отливъ
Обдавалъ *ту ле массифъ* —
Горы всѣ, и надъ волною
Длинной, свѣтлой полосою
Онъ задумчиво лежалъ
И къ мечтанью призывалъ!
Кое-гдѣ огни сверкали,
И такъ радостно сіяли
Звѣзды въ небѣ голубомъ,
Такъ дышало все кругомъ
Нѣгой, тихимъ упоеньемъ,
Что неслась воображеньемъ,
Умиленной я мечтой
Въ безконечный тотъ покой,
Что Создатель предоставилъ
Тѣмъ, которыхъ Онъ избавилъ

Отъ паденья въ жизни сей
И отъ козней, отъ сѣтей
Свѣта шумнаго; молилась
Отъ души и прослезилась!
Но опять французъ болтунъ
Помѣшалъ.

Вотъ городъ Тунъ
Я сейчасъ опять въ дорогу,
Хоть и подыму тревогу
Данъ л'отель; но мнѣ пора.
Завтра я хочу съ утра
Ужъ за Берномъ очутиться;
Мнѣ осталось расплатиться.
Только здѣсь, *с'етъ энъ пе шеръ.*
Дѣлать нечего! *Ке феръ!*

ЛОЗАННА.

V.

ЛОЗАННА.

Я изъ Берна на разсвѣтѣ
Въ собственной моей каретѣ,
Что мнѣ сдѣлали въ Москвѣ,
Выбралась; *ме комъ же ве!*
Я ползу какъ черепаха!

Хоть бичомъ и бьетъ съ размаха
Лошадей *ле вуатюрье,*
Но идетъ всегда *а пье*
Самъ, гдѣ только есть пригорки:
Знать невмоготу четверкѣ,
Хоть припрягъ онъ къ ней *анкоръ*
Лошадей трехъ *де ранфоръ.*

Доползли мы до Мората,
Гдѣ француза супостата,
Темерера де ля Свисъ,
Расщелкала *ля милисъ,*—
Какъ за родину святую,
Мы, въ годину роковую,
У французскаго орла
Перья всѣ, *паръ си, паръ ля,*
Общипавъ, поразметали
По степямъ. И къ намъ едва ли
Кто въ другой заглянетъ разъ!
Не расчетъ тревожить насъ!
Духа нашего и вѣры
Побоятся *темереры!*

Липа тутъ еще стоитъ,
Гдѣ сражался Винкельридъ.
Свисы тутъ соорудили
Юнъ колонъ и помѣстили
Годъ и мѣсяцъ *дю комба.*
Но что вижу? Ба, ба, ба!
Тутъ шлагбаумъ и караульня!
Говорили: такъ разгульна
Жизнь въ Швейцарьи, — ты ступай
Куда хочешь и гуляй
Безъ бумаги, безъ паспорта:
Тамъ полиціи — ни чорта
Не найдешь — нѣтъ никого!
Ме данъ ле пеи де Во
Насъ таки остановили
И паспорты попросили;
Но взглянули, — *с'етъ асе,*
Дескать: *ву пуве пасе!*
Осторожность непомѣрна!

Вотъ достигли мы Паіерна.
Въ киркѣ, *пре дю метръ-отель,*

Показали намъ *ла сель*
Славной королевы Берты.
Всѣ бока сѣдла истерты:
Много ѣздила она.
Мѣсто для веретена
Сдѣлано; она въ вояжѣ
Пряжей занималась даже,
Объѣзжая *сез эта.*
Благородная черта!
Карлусъ Пятый такъ въ Испаньи,
Хоть и дѣлалъ *де* кампаньи
И держалъ судебъ вѣсы,
Всетаки чинилъ часы!
Здѣсь мы лошадей кормили
И немножко закусили.
Но другихъ тутъ *рарете*
Вовсе нѣтъ, и *аншанте.*
Нужно дальше отправляться:
Если всюду восхищаться,
Не доѣдешь никогда.
Да и рѣдкости — бѣда
Вояжерамъ и туристамъ:

Попадешься журналистамъ,
Какъ наврешь!

Но вотъ *Лозаннъ!*
Передъ нами *сюръ дез анъ*
Англичанки три гуляютъ.
Видно, ихъ вездѣ встрѣчаютъ!
Надоѣли ужъ онѣ!
Ночевать здѣсь нужно мнѣ.
Все увидѣть я успѣю.
Но скажу я лонъ лакею,
Чтобъ водилъ онъ лишь туда,
Гдѣ бы стоило труда.
И повелъ меня гористой
Онъ дорогою, нечистой,
И по лѣстницѣ крутой
Къ *катедрали;* по у той
Катедрали дожидалась
Два часа и любовалась
Я подробно между тѣмъ
Видомъ озера! *Системъ*

*

У меня такой въ вояжѣ:
Не терять минутки даже!

Предо мной, *а вю д'уазо,*
Вся Лозанна, *э сез о*
Свѣтло-сѣро-синеваты,
Какъ рейтузы, что солдаты
Носятъ на Руси у насъ!
Вотъ мой поражаетъ глазъ
Ле Монбланъ, гигантъ суровый;
Какъ орелъ нашъ двухголовый,
Онъ могучъ, неизмѣримъ
И отваженъ; передъ нимъ
Всѣ смиряются, робѣютъ!
Дальше предо мной синѣютъ
Ле роше де Миллери!
Посудите, *же ву при,*
Какъ я нѣжно замечтала:
Элоизу я читала
Разъ по крайней мѣрѣ шесть
И готова бы прочесть
Восемь разъ еще, пожалуй,

И *симпатью* бывалой
Снова сердце загоритъ!
Ме воля се ки меритъ
Здѣсь вниманья и поклона:
Это замокъ Шиліона!
О Жуковскій, *монъ ами!*
Еслибъ было мнѣ *перми,*
Я бъ тебя поцѣловала!
Какъ душа твоя пылала,
Какъ ты славно описалъ,
Комъ энъ узникъ здѣсь страдалъ!
Кто твоихъ стиховъ не знаетъ!
Кто тебя не уважаетъ!

Воротился лонъ лакей
Съ бабой старою, и съ ней
Мы вошли и съ часъ гуляли
По обширной *катедрали.*
Мнѣ понравился *фронтонъ*
Весь изъ маленькихъ колоннъ,
Метръ-отель большой, три *нефы*
По стѣнамъ все барельефы.

Монументы: *а ля портъ*
Памятникъ *леди* Страфортъ.
Точно, образецъ искусства
И поэзіи и чувства.
Бертолини *ле скюлтёръ*,
Говорятъ, *анъ э л'отёръ*.
Памятникъ увѣнчанъ урной.
Нѣтъ тутъ роскоши мишурной,
Орнаментовъ вовсе нѣтъ:
Медальонъ и въ немъ портретъ;
Геній жизни отлетаетъ
И цвѣтами посыпаетъ
Слѣдъ усопшей въ жизни сей
Въ памяти ея друзей!
Тутъ еще два монумента,
Но совсѣмъ безъ *агремента*.
А тутъ мавзолей *д'энъ папъ:*
Онъ бы былъ хорошъ, когда бъ
Не отшибли ему носа.
А тутъ дальше изъ разспроса
Лонъ лакея узнаю,
Что при гробѣ я стою

Нашей русской здѣсь княгини,
Нѣкогда,— увы!— богини
Грацьи дивной красоты!
Но изглажены черты
Даже на доскѣ могильной!
Пресурьезный и пресильный
Этотъ памятникъ урокъ,
Что одно намъ только впрокъ,
Что мы можемъ взять съ собою,
Къ вѣчному когда покою
Отойдемъ мы навсегда,
Неумытнаго суда
Съ сокрушеньемъ ожидая!
Славная рѣзьба какая
На вратахъ *де се коте:*
Кажется, *анъ верите*
Родъ узора кружевного
Полотенца дарового
Ярославскихъ нашихъ бабъ!

Но, мнѣ кажется, пора бъ...
Какъ пора?... Здѣсь рядомъ зданье,

Гдѣ коллекція, собранье,
Натуральный кабинетъ!
Противъ питерскаго, нѣтъ,
Я нигдѣ ужъ не увижу!
Не уступитъ и Парижу!
Нузъ авонъ танъ де паукъ
Въ Академіи Наукъ,
Де козявки, *де* букашки,
Де молюскъ, *де* таракашки,
Э энъ остовъ де мамутъ!
Здѣсь въ Лозаннѣ какъ ни *гутъ*,
Этого мнѣ не покажутъ!
Но, однако же, что скажутъ,
Если здѣсь мнѣ не зайти;
Какъ бы это отвести?
Я скажу, что время нѣту!
Жаль, что не взяла Анету
Я съ собой; она бъ могла
Мнѣ уладить *ту селя.*
Но я и сама рѣшилась
И по городу пустилась.
Городъ такъ бугристъ, что страхъ;

Весь построенъ на горахъ;
А дома, сказать — палаты!
Да и лавки здѣсь богаты:
Карты, виды *де ля Свисъ,*
Де кристо э де сосисъ!

Два отвѣсила поклона
Дому, бывшему Гиббона.
Онъ чудесно написалъ,
Комъ л'ампиръ Ромень упалъ
Послѣ древняго величья.
Не могу я изъ приличья
Разсказать *юнъ анекдотъ,*
Съ нимъ случившійся; но вотъ
Объясню обиняками:
Онъ къ одной явился дамѣ,
Очень умной, но слѣпой,
Литераторовъ толпой
Окруженной. Ее звали
Дюдефанъ. Когда сказали
Про Гиббона,—„Чтобъ узнать,
Я привыкла осязать“,

Говоритъ она: „позвольте
Ваше мнѣ лицо“.—„Извольте“.
—„*Ме с'етъ энъ жиго д'анфанъ!*“
Крикнула *ля* Дюдефанъ:
„Я никакъ не ожидала
Въ васъ найти, сударь, нахала,
Пфъ ю плисъ, але вузъ анъ!“
И отправился пузанъ
При насмѣшкахъ всѣхъ холопей!

По предмету филантропьи
Славится Лозанна. Тутъ
Болѣе всего живутъ
Отставные гувернеры,
Гувернантки и актеры.
Имъ нужна *активите!*
Такъ они *де комите,*
Общества здѣсь составляютъ
И усердно пособляютъ:
Размѣщать *ле доместикъ,*
Обучать *л'аритметикъ,*
Разводиться разнымъ школамъ,

Разбирать больныхъ по поламъ,
По натурѣ, по сортамъ.
Ихъ тюрьма — примѣръ тюрьмамъ.
Есть и домъ умалишенныхъ,
На *пренсипахъ* препочтенныхъ;
Есть кормилицъ комитетъ,
И зато ужъ *комъ иль тетъ!*
Всѣ лозаннскіе ребята —
Точно русскіе телята!

Но бываетъ иногда, —
Впрочемъ, общая бѣда
И въ другихъ частяхъ Европы! —
Согласятся филантропы,
Наберутъ *энъ капиталь*
И сейчасъ наймутъ *локаль,*
Дѣлъ правителя, швейцара,
Трехъ писцовъ и комиссара;
Станутъ залы украшать,
Чтобы видъ приличный дать;
Надпись крупными словами
На стѣнѣ и надъ дверями;

*

Люстры, сторы и часы;
А какъ взвѣсятъ на вѣсы —
Весь расходъ со всѣмъ итогомъ,
Деньги всѣ ушли, и съ Богомъ...
Запираютъ *ле локаль*
И составятъ *энъ журналь:*
Что ужъ комитетъ не можетъ
Продолжать, а Богъ поможетъ
Тѣмъ несчастнымъ, что хотѣлъ
Онъ пригрѣть, но не пригрѣлъ.
Иногда предоставляетъ
Ле локаль и нанимаетъ
Городъ самъ; — но бель-этажъ
Президентъ займетъ... нельзя жъ
И ему быть безъ квартеры!
Въ тѣ этажи *секретеры*
Э ле члены *сонъ плясе*
Непремѣнно;... въ *редшосе*
Комитетъ и канцелярья
Э юнъ картъ де ля Швейцарья, —
А больныхъ уже въ подвалъ:
Некуда — и конченъ балъ!

Иногда и такъ случится:
Городъ самъ распорядится
И назначитъ комитетъ
На какой-нибудь предметъ;
Но тутъ членъ одинъ сварливый,
Тотъ упрямъ, тотъ щекотливый,
Споръ, побранка — и впередъ
Дѣло на волосъ нейдетъ!
Между тѣмъ *ле* дѣлъ правитель,
Аферистъ, распорядитель,
Всѣмъ поставитъ имъ очки,
Прибираетъ *де* крючки —
И идетъ тутъ *шахеръ-махеръ!*

Иногда такой ужъ сахаръ
Въ самомъ комитетѣ членъ
Попадется — Демосѳенъ
Домаросшій — не устанетъ,
Цѣлый день одинъ горланитъ:
Отъ потопа заведетъ
Рѣчь свою, тамъ перейдетъ
Онъ къ крестовому походу;

Тамъ опишетъ онъ природу;
Тамъ коммерческій уставъ;
Тамъ политику и нравъ
Разберетъ Наполеона;
Тамъ климата, небосклона
Обозначитъ *л'энфлюансъ*,
Скажетъ, гдѣ растетъ *гарансъ*,
Гдѣ арбузъ растетъ, гдѣ дыня;
А другіе, ротъ разиня,
Слушаютъ, и свой предметъ
Забываетъ комитетъ!..
Это былъ годовъ прошедшихъ.

Лучше въ домъ я сумасшедшихъ
Заверну. Ихъ навѣщать
Я люблю — и познавать,
Отчего и какъ кто спятитъ!
Мысль какую кто захватитъ —
Точно свѣчку *папильонъ:*
Вкругъ нея вертится онъ
И порхаетъ и кружится,
Пока крыльевъ не лишится,

Или, просто, не умретъ!
Я люблю ихъ слушать бредъ,
Лепетъ ихъ разнообразный,
Разговоръ всегда несвязный!
Да не такъ ли и поэтъ:
Натолкнувшись на предметъ
Фантастическаго вздора,
Полный страннаго задора,
Забываетъ цѣлый міръ,
И лелѣетъ, какъ кумиръ,
Одну мысль, одну идею
И уносится за нею,
Забывая, что жена
Дома ждетъ и голодна
И что ребятишки плачутъ!
Здѣсь гуляютъ, ходятъ, скачутъ
Сумасшедшіе въ саду;
Ихъ *гувернеманъ, тре ду,*
Стерегутъ ихъ непримѣтно;
Взбѣсится одинъ, — секретно
Отъ другихъ его запрутъ,
Кое-что другимъ наврутъ;

Они вѣрятъ и гуляютъ,
Бѣдняка позабываютъ!

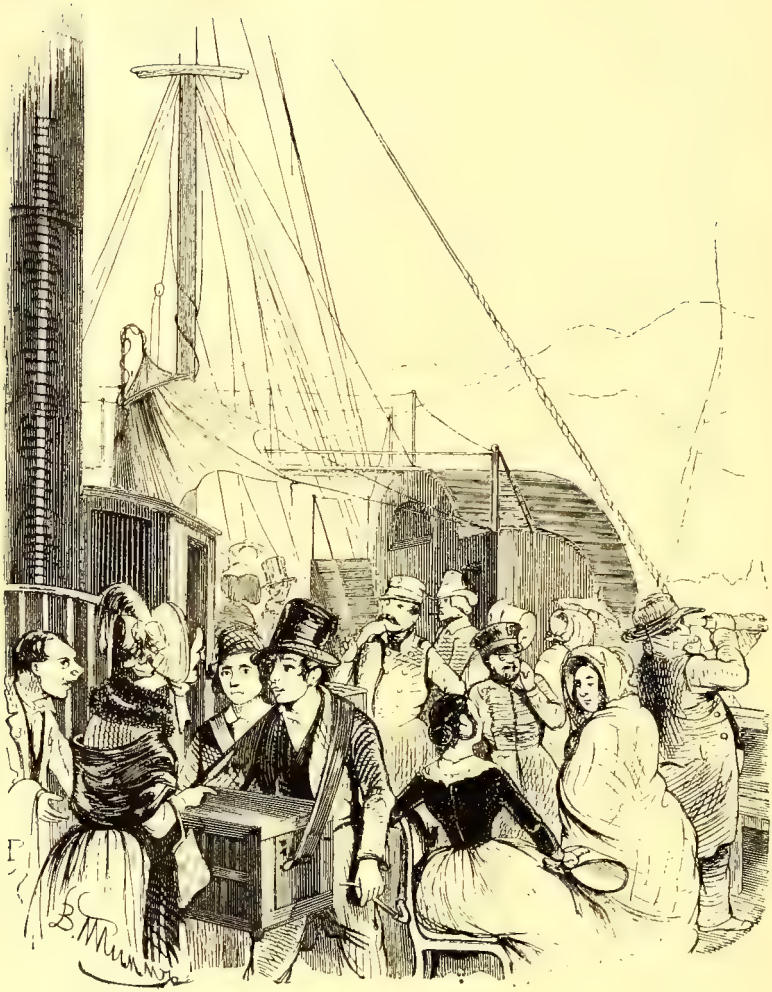
Мнѣ понравился одинъ
Здѣсь курьезный господинъ:
Онъ на томъ съ ума рехнулся,
Будто въ бабу обернулся
И во снѣ, не зная самъ,
Вдругъ онъ сдѣлался *юнъ дамъ*
Благородною и даже
Побывавшею въ вояжѣ!
Ужъ разсказывать удалъ:
Гдѣ скитался, гдѣ бывалъ,
Гдѣ что видѣлъ, гдѣ что слышалъ,
Анекдотъ какой гдѣ вышелъ,
И схвастнуть — такъ трынь-трава!
И все русскія слова
Въ свой разсказъ французскій суетъ
И безъ умолку толкуетъ!
Скажутъ замолчать: куды!
Спроситъ онъ графинъ воды,
Облокотится, болтаетъ

И водою запиваетъ
Свой разсказъ, и *кутъ не кутъ*,
Хоть зѣваютъ, хоть заснутъ,
Онъ ужъ до конца доскажетъ
И распишетъ и размажетъ!
Право, жалко мнѣ его.
Особливо оттого,
Что онъ человѣкъ женатый
И фамиліи богатой
И, быть можетъ, дѣловой
Былъ бы онъ, коль головой
Не свихнулся бы бѣдняжка!
Странная его замашка:
Все ерошитъ свой хохолъ
И все дергаетъ камзолъ!
Впрочемъ, человѣкъ онъ жирный
И довольно даже смирный!

Но пора мнѣ. Вотъ и ночь,
И гулять почти не въ мочь.
Доберусь въ трактиръ *Фокона*
И бутылкою макона

Жиръ залью пяти котлетъ,
Да и преклоню *ма тетъ*
На подушечку съ фестономъ
И покроюсь *эдердономъ*
И до утра буду спать;
Завтра лишь не опоздать.
Къ вечеру, — *имажине ву*, —
Мы пріѣдемъ ужъ въ Женеву!

ЖЕНЕВА.



VI.

ЖЕНЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Такъ какъ не берутъ каретъ,
Харитонъ *авекъ Анетъ*
Къ пароходу не явились,
А горою потащились.
Я поѣхала одна;
Но ужасно голодна!
Чаю не дали напиться —
Такъ всѣ стали торопиться,
Чтобъ поспѣть на пароходъ.

Правда, до него *юнъ тротъ*
Отъ трактира, и пѣшечкомъ —
Кто съ картонкой, кто съ мѣшечкомъ,
Кто два зонтика несетъ,
Кто корзинку, и впередъ
Всѣ другъ друга обгоняютъ
И безъ милости толкаютъ;
И бѣда, какъ *энъ фо па* —
Упадешь ты, и толпа
Вся черезъ тебя промчится,
Пробѣжитъ, не извинится
И задавитъ — такъ и быть.
Но къ чему такая прыть?
Всѣ мы вовремя собрались,
Но однакожъ дожидались
Три часа *ла постъ даборъ*,
А тамъ цѣлый часъ *анкоръ*
Поджидали мы дѣвицу,
И пренебольшую птицу:
Сетъ мамзель лишь тѣмъ важна,
Что *сендика* здѣсь жена
Ей троюродная тетка.

Расходился, какъ трещотка,
Энъ французскій *депюте*
О такой *иниките,*
А другіе всѣ молчали.
Не сердились: видно, знали,
Что протекцья есть *парту!*
Съ длинной трубкою во рту
Офицеръ одинъ швейцарскій,
Ни уланскій, ни гусарскій,
Ме пуртанъ кавалеристъ
Съ шпорами, *а юнъ модистъ*
Преусердно строитъ куры;
Тамъ другіе балагуры
Говорятъ про се, про то;
Англичанинъ *анъ* пальто
Длинный телескопъ наводитъ
На Монбланъ, а дальше ходитъ
Тоже пара англичанъ:
Очень толстый *джентельманъ*
И предлинная *миледи.*
Нѣсколько копеекъ мѣди
Въ кошелькѣ ея стучатъ,

А на поясѣ торчатъ
Шесть ключей, часы въ эмальи.
Два артиста изъ Итальи,
Только просто *де* мужикъ,
Носятъ *юнъ лантернъ маэсикъ*
Съ Катериною-шарманкой
И, толкуя съ англичанкой,
Кажутъ ей, *команъ иль жу.*
Это что за *сапажу*
Въ черной бородѣ съ очками,
Въ казакинѣ со шнурками,
Худощавый, *тре пети?*
Вѣрно, Господи прости,
Нашъ *компатріотъ* пустился
Странствовать; принарядился,
Да и думаетъ: держись
Только, *ла мамзель, ла мисъ!*
Какъ взгляну, за мной побѣда!
Тутъ серьезная бесѣда
Двухъ пасторовъ, про *реформъ;*
Тутъ сидитъ *юнъ масъ энформъ* —
Пивоваръ или профессоръ,

Иль какой-нибудь *ландмессеръ;*
Тутъ большая *просессьонъ*
Дѣвочекъ, — *с'етъ юнъ пансьонъ:*
Ихъ *мадамъ* сопровождаетъ.
Тутъ съ салфеткою гуляетъ
Между всѣми, *санъ фасонъ,*
Въ курткѣ, съ фартухомъ, *гарсонъ;*
На фигурѣ человѣка —
„Не угодно ли бивстека?“
Можно, кажется, прочесть,
Но теперь не время ѣсть.
Пароходъ нашъ задымился,
Пошатнулся — и пустился
Точно изъ лука стрѣла.
Онъ прозваніе „Орла“,
Видно, оправдать хлопочетъ,
И волна, клубясь, клокочетъ
Подъ колесами его.

Не видала ничего
Я подобнаго донынѣ
Той торжественной картинѣ,

Что насъ здѣсь со всѣхъ сторонъ
Окружаетъ: небосклонъ
Такъ лазуренъ, все такъ живо,
Такъ пестро и такъ красиво
И такъ весело; вода —
Точно зеркало; суда,
Сѣти, рыбаки, селенья,
Города, сады, строенья;
Задній отдаленный планъ
Занимаетъ *ле* Монбланъ,
Всю окрестность осѣняя
И до неба достигая
Горделивой головой,
Ризой вѣчно снѣговой,
Точно саваномъ, одѣтый.
Мнится мнѣ: въ громадѣ этой
Видишь главную ступень,
Собранную здѣсь въ тотъ день,
Какъ Титаны возмечтали
Небомъ овладѣть; едва ли
Это правда: старина
Аллегорьями полна,

Но въ нихъ смыслъ есть сокровенный!
Разумъ, тотъ Титанъ надменный,
О которомъ говоритъ
Аллегорья — норовитъ,
Необузданный и смѣлый,
Онъ завѣтные предѣлы
Разорвать и перейти
Провидѣнія пути,
Для понятья человѣка
Сокровенные отъ вѣка;
Изыскать, опредѣлить,
На софизмахъ намостить
Новую свою систему,
И предвѣчную проблему
Міросданія чудесъ
Разрѣшить; но, до небесъ
Воспаривъ, онъ, дерзновенный,
Славой вѣчной ослѣпленный,
Ниспадаетъ съ высоты
Въ бездну мрака, суеты,
И плоды высокомѣрья —
Всѣ расколы, всѣ повѣрья,

Мистицизма странный бредъ,
Отъ которыхъ столько бѣдъ,
А полезнаго ни тѣни.
Точно нижнія ступени
Примыкаютъ къ той горѣ:
Э ле Моль, *э ле* Вуаре,
Ле Салефъ, — еще другія
Горы, только небольшія.
Пресуровый, но хорошъ
Озера *ле коте гошъ;*
Хоть не столько величавый,
Но красивъ и берегъ правый
При началѣ, въ головѣ
Озера: Шильонъ, Веве,
Гдѣ вошло въ обыкновенье
Виноградное леченье.
Тамъ Верне, Лозанна, Роль,
Моржъ, Ніонъ. *Э комъ се дроль.*
Только городъ — остановка,
И изъ каждаго преловко
Въ разныхъ лодочкахъ народъ
Обступаетъ пароходъ:

Кто выходитъ, кто садится;
Всякъ хлопочетъ, суетится
О поклажѣ. Что за шумъ!...
Мать, сестра, племянникъ, кумъ,
Иль служанка провожаетъ;
А на палубѣ встрѣчаетъ
Всѣхъ съ улыбкою *гарсонъ:*
О своемъ бивстекѣ онъ,
Знать, сердечный, все хлопочетъ
И во что бъ ни стало хочетъ
Помѣстить его. Но скупъ
Здѣсь народъ: домашній супъ
Какъ поѣлъ, то до Женевы
Ничего не просятъ чревы;
Да и мнѣ, *юнъ жоли фамъ,*
Неприлично бы и срамъ,
Если бъ я бивстекъ спросила;
Всѣхъ бы этимъ разсмѣшила.

Здѣсь мнѣ сердце веселитъ
Колокольчикъ: онъ звонитъ,
Какъ у насъ въ странѣ родимой,

Средь степи неизмѣримой
Подъ почтовою дугой;
Только смыслъ его другой,
И вотъ разница какая:
Пассажировъ созывая,
Онъ звонитъ, пока стоимъ,
Замолчитъ, какъ полетимъ;
Нашъ, напротивъ, понукаетъ,
Намъ дорогу устилаетъ
И уноситъ насъ стрѣлой
Колокольчикъ удалой.

Вотъ *Коне* съ квадратной башней!
Спутницей моей всегдашней
„Ла Коринъ“ де мадамъ Сталь;
Какъ сердечную печаль
Безподобно выражаетъ,
Какъ восторженно летаетъ
Въ міръ фантазіи мечтой
За завѣтной стариной!
И я буду въ Капитолѣ,
И я вызову по волѣ

Изъ могильной глубины
Всѣхъ героевъ старины;
Поклонюся ихъ дѣяньямъ;
Можетъ—и моимъ сказаньямъ
Будетъ нѣкогда внимать
Наша Русь Святая, мать!
Тѣ же римляне! и чувства
Такъ же жарки, и искусства
Не безмолвны и для насъ!
Предъ Мадонной сколько разъ
Русскій нашъ творилъ молитву!
Видя трехъ Горацьевъ битву,
Кто бъ изъ русскихъ не сказалъ:
И я такъ же бъ постоялъ
За отчизну, палъ бы мертвый
И, душой ликуя, жертвой
Голову бъ мою принесъ!
Рѣдкій русскій нашъ безъ слезъ
Видѣлъ *группъ* Лаокоона,
На вершинахъ Геликона
Пушкинъ нашъ когда возсѣлъ,
Кто изъ русскихъ не хотѣлъ

Забросать его вѣнками!
Мѣстомъ разнствуемъ, вѣками;
Но, мнѣ кажется, душой
Мы оживлены одной;
Тѣ жъ порывы въ нашей жизни!
Та же преданность отчизнѣ!

Здѣсь жила *мадамъ де* Сталь.
Мнѣ Наполеона жаль;
Онъ здѣсь уронилъ свой геній!
И что вышло отъ гоненій,
Отъ тиранства, отъ угрозъ?
Только больше разошлось
Сочиненій мадамъ Стали!
Гдѣ ихъ прежде бъ и не знали,
Тутъ читаютъ ихъ съ тѣхъ поръ!
Ея голосъ, какъ укоръ,
Посреди рукоплесканій,
И похвалъ, и восклицаній
Бонапарта поражалъ,
Гдѣ онъ только ни бывалъ.
Много я сама читала:

„Революцьи Духъ“ сначала,
Тамъ „Дельфину“, тамъ *анкоръ*
Всей „Германіи Обзоръ“;
Что жъ Германья? — Встрепенулась,
Богатырски оглянулась
И пустилась воевать!
Двинулась Россія мать —
И могучаго не стало!...
И, мнѣ кажется, начало
А Копе положено!
Тамъ раскинулось оно,
Какъ пожаръ, по всей Европѣ!

Вотъ видна ужъ въ телескопѣ
Намъ Женева, *э бьенто*
Къ ней пристанетъ *ле бато.*
Чѣмъ мы ближе, тѣмъ красивѣй
Берега, живѣй, игривѣй
Дачи, рощицы, сады,
Де генгетъ; и близъ воды
Все прогулки справа, слѣва,
Наконецъ, вотъ и Женева!

Видъ чудесный, щегольской!
Городъ долженъ быть большой
И вниманія достоинъ!
Онъ весь по горѣ построенъ
И по берегу *дю лякъ*.
Подалъ капитанъ *энъ* знакъ,
Трапъ съ перильцами спустили:
Изъ досочекъ сколотили—
Узкій, что пройти едва!
Тутъ стоятъ жандарма два,
Всѣ паспорты отбираютъ,
А другихъ такъ пропускаютъ.
Мы всѣ вышли *сюръ ле ке*.
Тутъ стоятъ *де лонъ лаке*,
Кличутъ въ разные *герберги*.
Я такъ выбрала *ле Берги*,—
Говорятъ, *се ле мельеръ*;
И наружностью, *д'альеръ*,
Онъ ужъ обѣщаетъ много.
Не могу судить я строго:
Я ужасно голодна,
Да притомъ же и одна,

Разбирать мнѣ время нѣту;
Отыщу скорѣй Анету,
Какъ пристану гдѣ-нибудь;
Да не скрою я ничуть,
Совѣстно итти пѣшечкомъ
Мнѣ одной съ моимъ мѣшечкомъ,
Съ зонтикомъ *э монъ увражъ;*
Благо, захватилъ багажъ
Лонъ лакей; я согласилась
И съ нимъ по мосту пустилась.

По серединѣ островокъ.
Мостикъ изъ шести досокъ
Этотъ островъ съединяетъ
Съ главнымъ мостомъ. — Тутъ гуляетъ
Тьма дѣтей, *де гувернантъ*
Э де дамъ трез элегантъ;
Такъ и я войти рѣшилась,
Анъ пасанъ, и восхитилась:
Садикъ безподобный тутъ,
Все съ дорожками; растутъ
И деревья пребольшія;

Есть скамейки, и цвѣтныя
Клумбы, *э дезъ арбрисо;*
А въ серединѣ — *де* Руссо
Ля статю на пьедесталѣ.
Въ зыбкомъ озера зерцалѣ
Отражается она,
И межъ листьями, луна
Чудно обдаетъ контуры
Этой бронзовой фигуры,
И, теряясь межъ кустовъ,
Мнѣ *л'есприи дю философъ* —
Духъ его напоминаетъ!
Такъ и онъ не объясняетъ
Никогда предметъ вполнѣ,
Но какъ ночью, при лунѣ,
Неожиданнымъ налетомъ
Вдругъ обдастъ какимъ-то свѣтомъ
Неземнымъ и въ высоту
Понесетъ о немъ мечту!
Право, я люблю Жанъ-Жака.
Знаю, былъ онъ забіяка,
Эгоистъ и нелюдимъ;

Знаю, какъ возился съ нимъ
Жирарденъ въ Эрменонвилѣ;
Но я говорю о стилѣ,
О твореньяхъ *де сетъ омъ*.
Пылкою душой влекомъ,
Онъ всегда слѣдилъ природу;
Въ *„Ле контра сосьяль“* народу
Вздоръ большой нагородилъ,
Но и истины включилъ
Преглубокія; систему
Изобрѣлъ и далъ проблему;
Пусть трудится голова
И другихъ — *с'етъ энъ* канва!
Разные его *дискуры* —
Образцы литературы,
Философьи. А „Эмиль“?
Ну, конечно, *ан тре миль*
Юношей, что поплетутся
За Эмилемъ, удадутся
Пять иль шесть; но все равно:
Не вполнѣ объяснено
Имъ и это воспитанье.

Точно какъ луны мерцанье,
Указалъ онъ на предметъ,
На него излилъ свой свѣтъ
И исчезъ въ туманной дали!
Элоизу вы читали?
Какова?... одна любовь
Всю уже волнуетъ кровь!
А картины? Разсужденье
Объ убійствѣ? Объяденье!
И душа — вездѣ душа!
Правда, что нехороша
Въ немъ замашка сцептицизма,
Зависти и фатализма,
И она большой порокъ;
Ме са тьентъ а сонъ эпокъ!
Я его съ луной сравнила...

Здѣсь, въ Женевѣ, два свѣтила
Философьи и наукъ
Вмѣстѣ появились вдругъ.
Кто не знаетъ о Вольтерѣ!
Но его въ планетной сферѣ

Съ чѣмъ сравнить бы? Онъ блисталъ
Пламенемъ и ослѣплялъ
Точно метеоръ воздушный,
Но безчувственный, бездушный;
Цѣль одна была его —
Не оставить ничего
Человѣку въ утѣшенье;
Злобу, ненависть, сомнѣнье
Въ души людямъ заронить
И изъ нихъ искоренить
Всѣ завѣтныя преданья,
Всѣ святыя упованья!
Какъ разбойникъ, какъ злодѣй,
Надъ святынями людей
Безпрестанно онъ лукавилъ;
А на мѣсто что представилъ?
Шуточки, *без эпиграмъ!*
Много сочинилъ онъ драмъ
И трагедій превосходныхъ,
И посланій пресвободныхъ
О предметахъ о такихъ,

Что нельзя бъ касаться ихъ!
Но поэтъ былъ совершенный!
Сильный, звучный, вдохновенный!
Какъ была еще мамзель,
Мнѣ попалась *„Ла Пюсель“*.
У меня ее отняли,
И мнѣ *„Генріаду“* дали.
Она лучше, но скучнѣй.
Но Вольтера быть умнѣй
Можно ли въ романахъ, въ сказкахъ?
Подъѣзжаетъ на салазкахъ!
Какъ забавно *сатирикъ*
Ле Кандидъ его, Задигъ
И принцесса Вавилона!
„Философьи Лексикона“
Не читала, признаюсь,
И читать его боюсь.
Онъ смутитъ мои повѣрья;
Слишкомъ важная матерья.
Но какъ объяснилъ онъ намъ?
Вѣрно, *се ки плетъ о дамъ!*

Я, однакожъ, заболталась
Черезчуръ; но вотъ добралась
До *отеля, Дье мерси!*
Должны быть *ме жансъ иси,*—
Мнѣ о нихъ теперь забота;
Пропустить и *табель д'ота*
Не хотѣлось бы: *с'э лёръ.*
Зазвонили — *кель бонёръ!*
За столомъ народа бездна;
Можетъ быть, мнѣ преполезна
Здѣсь бесѣда, чтобъ узнать,
Что мнѣ надо замѣчать
Здѣсь, народа вкусъ и нравы
И обычья и забавы.

Мой сосѣдъ *а табель д'отъ* —
Энъ коми де мусье Ботъ,
Ювелиръ онъ здѣсь извѣстный,
Да и часовщикъ чудесный.
Ювелиръ и часовщикъ, —
Здѣсь всегда *са се компликъ.*
Но у нихъ одни подряды,

А работники и рады;
По домамъ они живутъ,
Имъ работу принесутъ,—
Только деньги получаютъ,
Сами ничего не знаютъ.

Мой другой сосѣдъ — пасторъ.
Съ нимъ заводитъ разговоръ
Энъ мусье въ зеленомъ фракѣ.
Рѣчь идетъ о Телемакѣ:
Не по вкусу Фенелонъ,
И его ругаетъ онъ;
А пасторъ стоитъ горою
За него, и я не скрою,
Телемакъ у Калипсо
Неучтивъ былъ *э тре со,*
Какъ, амурясь съ дамой этой,
Связь завелъ съ ея Анетой.
Если бъ сдѣлалъ такъ со мной,
Онъ навѣрно бъ, милый мой,
Несмотря на всѣ уловки,
Выгнанъ былъ изъ Курдюковки.

Тутъ банкиры все сидятъ
И прежарко говорятъ
О какомъ-то оборотѣ,
Но не сходятся въ расчетѣ.
Сколько я схватить могла,
То изъ словъ ихъ поняла,
Что предметъ ихъ главный пренья —
Операцья погашенья.
Точно: трудно согласить
Слово жечь *авекъ* гасить!
Гасятъ долгъ, но сожигаютъ
Только то, что выкупаютъ.
Онъ брюль, то есть, *ле* билетъ.
Въ коемъ значится *ла детъ!*
Занимать — оно прекрасно,
А ск'иль дизъ, но преопасно!
Точно: облегченъ бюджетъ,
Если сдѣлали *юнъ детъ*,
Да и ей распорядились,
Всѣ на это согласились;
Но проценты наростутъ
Непремѣнно; нужно тутъ

Суммы новыя представить,
Чтобъ и ту бѣду исправить;
И опять бюджетъ тяжелъ!
Чтобъ кредитъ все тотъ же шелъ,
Не платить ужъ невозможно;
А какъ вдругъ неосторожно
Ле проценты *де ла детъ*
На другой какой предметъ
Перейдутъ, опредѣлятся;
Ле рантье зашевелятся,
За расплатой прибѣгутъ,—
Такъ и жди себѣ банкрутъ!
Тутъ они объ ассигнацьяхъ
Толковали въ разныхъ нацьяхъ.
Ассигнацья — не *валёръ*
Представитель; *паръ малёръ*,
Ихъ за цѣнность принимаютъ
Многіе и полагаютъ, —
Только больше выпускать,
То народу благодать!
Попадутъ въ ошибку эту:

Ассигнаціи монету
Вытѣснять — и сами тутъ
Непремѣнно упадутъ,
Потому что расплодились,
А монеты всѣ сокрылись!
Основаніе металлъ
Долженъ быть, чтобъ содержалъ
Неоспоримую цѣну,
И имѣть его на смѣну
Хотя третью только часть;
И тогда впросакъ не впасть!
Къ ассигнацьямъ будетъ вѣра,
А металлъ пусть будетъ мѣра.
Цѣну ты ему назначь,
Но ужъ только безъ задачъ,
Безъ дробей, какъ можно внятно,
Кругло, всякому понятно.
Ла система *десималь*
Въ этомъ случьѣ *не па маль.*
Вотъ они какъ разсуждали
И что, кажется, сказали.

Тутъ толкуютъ *де докторъ*.
Спорятъ *мемъ, авекъ гюмёръ*,
Лучше что? — Гомеопатья,
Аллопатья, Гидропатья,
Или, просто, *ля діетъ?*
Подаетъ одинъ совѣтъ,
А другіе отвергаютъ
Непремѣнно и ругаютъ:
Тотъ стоитъ *пуръ ле сансю*,
А другой *вудре к'онъ сю;*
Тотъ совѣтуетъ движенье,
А тотъ просто испражненье;
Чудеса они творятъ
На словахъ; но говорятъ,
Что здѣсь валятся какъ мухи
И отъ самой золотухи;
А у насъ простой мужикъ
Это лечитъ, и привыкъ:
Только травки прибираетъ
И пакетцы составляетъ, —
Да, вы слышали, я чай,
Про Аверина *ле* чай.

Впрочемъ, я у насъ видала
Консультацыи и страдала
За больного, какъ одинъ
Подойдетъ, больному блинъ
Изъ горчицы вдругъ пропишетъ;
А другой, когда услышитъ,
Закричитъ, что докторъ вретъ,
Что больной сейчасъ умретъ,
Если не дадутъ пилюли;
А тотъ смотритъ у *пандюли,*
Комъ ле маятникъ стучитъ;
Тотъ задумался, молчитъ,
Тотъ газеты разбираетъ,
А тотъ просто засыпаетъ.
Раздадутъ имъ *де дюка,*
А больной умретъ пока.

Тутъ ученые собрались,
Расшумѣлись, разболтались.
Говоритъ одинъ: луна
Какъ подавитъ, то волна
Производитъ наводненья;

А другой такого мнѣнья,
Что изъ береговъ вода
Выступаетъ лишь тогда,
Какъ землетрясенье снизу;
Тотъ въ отцы даетъ Анхизу
Брата *дю* Лаокоонъ;
Тотъ твердитъ, что *ле паонъ*,
Какъ Юнонѣ данъ въ лакеи,
Тѣ жъ глаза имѣлъ на шеѣ,
Что имѣетъ на хвостѣ;
Только что про очи тѣ
Умолчалъ *Овидъ* нарочно;
Тотъ толкуетъ, что непрочно
Зданья строить при рѣкахъ,
Потому что раки страхъ
Берега какъ выѣдаютъ,
И ученые считаютъ,
Что въ два вѣка ракъ одинъ
Съѣстъ кубическій аршинъ;
„Почему жъ такъ полагаютъ?“
Всѣ другіе возражаютъ;
Потому что пойманъ ракъ, —

И землей набитъ *энъ сакъ;*
Рака тутъ же посадили
И печатями скрѣпили;
Сакъ былъ тотчасъ отнесенъ
Въ домъ извѣстный и врученъ
Подъ росписку для храненья
На четыре поколѣнья.
И хранился онъ ужъ такъ.
Но вотъ, съ полгода никакъ,
Этого мѣшка хватились,
Отъискали и добились:
Только былъ онъ безъ земли,
Да и рака не нашли,
А мѣшокъ одинъ съ дырою,
Только очень небольшою:
Ракъ всю землю проглотилъ
И сквозь дырку проскочилъ
И домой себѣ поплелся,
Оттого и не нашелся.
Но недавно здѣсь въ рѣкѣ
Ракъ большой невдалекѣ,

Пойманъ былъ какой-то дамой,
И навѣрно тотъ же самый.

Тутъ сидятъ все *де сендикъ*,
Говорятъ про *политикъ:*
Хорохорятся ужасно
И всѣ думаютъ согласно
Францыи объявить войну —
Нашихъ знай, *конесе ну!*
Хвалятъ всѣ *дискуръ* Бонара.
Говорятъ, что здѣсь ихъ пара;
Есть еще мусье Риго —
Что вашъ даже Араго!
Всѣ при нихъ языкъ прикусятъ,
Да и кабинеты струсятъ
Тронуть нашъ *эндепандансъ;*
Сэтъ энъ пуа данъ ла балансъ;
Мы *Луи* Наполеона
Отстоимъ, вѣдь онъ кантона
Нашего жъ *ситуаенъ.*
Францью возмущалъ? *э біенъ!*
Что жъ такое? Его дѣло;

А намъ, право, надоѣло
Отъ французовъ получать
Повелѣнья и молчать;
Мы — свободная Гельвецья,
Ну, ни дать, ни взять, что Грецья.
Такъ сказали, — *ле трете*
Должны быть *экзекюте!*
Но и тутъ опять же споры:
Дать ли хлыстикъ или шпоры
Кавалерьи? *Л'энфантри*
Строить ли въ шеринги три
Иль четыре? А у пушекъ
Не прибавить ли хлопушекъ,
Чтобы шумъ произвести?
Если ужъ войну вести,
Такъ робѣть намъ *иль не фо па.*
Пусть же крикнетъ вся Европа:
Ай Швейцарья! Знать сильна,
Что воюетъ и она!

А вотъ тамъ, компанья та-та,
Бургомистры магистрата

Всей Женевы; вручено
Имъ начальство и дано
Право дѣлать измѣненья
Формы и нововведенья.
Только набраны изъ лицъ
Больше жителей столицъ,
Быта сельскаго не знаютъ,
Оттого и попадаютъ
Иногда въ такой просакъ,
Что понять нельзя никакъ!
Напримѣръ, пришлося къ рѣчи,
Здѣсь есть промыселъ овечій,
Преогромныя стада,
И козлы идутъ всегда
Впереди, какъ бы въ парадѣ;
А собаки ходятъ сзади —
Составляютъ арьергардъ.
Кажется, *са ле регардъ!*
Нѣтъ, *ле* магистратъ Женевы
Тутъ нашелъ причину гнѣва,
Даже поводъ и ко злу:
Неприлично-де козлу

Шагъ имѣть передъ собакой.
Даже шагъ и одинакій,
Отъ него, отъ дурака,
Шерсти нѣтъ, ни молока, —
Хоть кого, такъ забодаетъ,
И хозяина не знаетъ!
А собака такъ умна,
Такъ учтива, и она
На чужого только лаетъ,
А своихъ такъ уважаетъ.
Быть собакамъ впереди,
А козламъ, нѣтъ, погоди!
Мы имъ спеси поубавимъ,
Сзади ихъ ходить заставимъ,
Какъ себѣ ни хлопочи
Се месье бородачи,
Щегольства модель въ Парижѣ, —
Мы поставимъ ихъ пониже!
Пастуху, какъ и ни жаль,
Но не смѣетъ, *с'этъ эгаль*,
Прекословить командиру.
Вотъ по новому ранжиру

Выступилъ овечій полкъ
И идетъ. Но сѣрый волкъ
По опушкѣ лѣса крался, —
Онъ собакъ остерегался, —
Видитъ: впереди идутъ!
„Ладно же“, подумалъ плутъ:
„Пропущу я вражью силу,
Притаюсь, нагряну съ тылу;
Имъ и въ разумъ не придетъ,
Что я здѣсь, и попадетъ
Шкурка не одна овечья.
Вотъ догадка человѣчья
Мнѣ же обратилась впрокъ!“
Притаился онъ, прилегъ,
Бросился, — перепугались
Всѣ козлы и разбѣжались.
Тутъ на стадо онъ напалъ,
Штукъ ихъ съ двадцать ободралъ
А собаки и не знаютъ,
Только что хвостомъ виляютъ,
Маршируя впереди.
Огорчился, *а ск'онъ ди,*

Магистратъ; чтобы поправить,
Всѣхъ козловъ велѣлъ отставить,
А собакъ поколотить!
Но овецъ не воротить,
Когда ихъ поѣли волки!
Но зато тутъ были толки,
Разсужденіе и споръ;
А на нихъ большой задоръ
А Женевъ: неугомонность —
Натуральная наклонность.
Ужъ зато и секты есть —
Столько, что нельзя и счесть.
Кальвинисты, жансенисты,
Методисты, менонисты,
Кіетисты, піетисты,
Да еще анабаптисты,
И всѣ ужасть какъ рѣчисты;
И зато такъ скучно здѣсь!
А притомъ какая спесь!
На горѣ кто обитаетъ,
Баріномъ себя считаетъ;
А внизу — такъ *пролетеръ*,

Хоть умомъ онъ будь Вольтеръ
И какъ Крезъ себѣ богатый, —
Все равно, — плебей проклятый.

Какъ Женеву ни смотри,
Улица *ла* Коратри
Только стоитъ здѣсь вниманья:
Чистыя большія зданья,
Магазиновъ цѣлый рядъ,
Даже фонари горятъ,
И такіе тротуары,
Какъ Парижскіе бульвары;
Ле мюзе де мусье Ратъ,
А въ концѣ театръ и садъ,
Гдѣ гуляютъ пансьонерки.

Здѣсь, по справкѣ и повѣркѣ,
Я узнала, что служилъ
И богатство получилъ
Мусье Ратъ у насъ на службѣ.
По достоинству ль, по дружбѣ,
Только былъ онъ генералъ

Съ орденомъ; но захворалъ
И къ себѣ въ отставку вышелъ.
Даже Харитонъ мой слышалъ,
Что какой-то русскій графъ,
Какъ-то здѣсь его узнавъ,
Къ сыну принялъ въ гувернеры;
Но взманили, знать, *гонёры:*
Сталъ служить нашъ молодецъ
И добился, наконецъ,
Въ число русскихъ генераловъ.
Сколько нашихъ капиталовъ
Такъ ушло, какъ поглядишь!
У него музей *тре ришъ;*
Пейзажи есть, портреты,
Изъ исторіи сюжеты,
Де статю, де барельефъ.

Все подробно осмотрѣвъ,
На *террасъ* пошла я въ гору;
Моему явился взору
Чудный тутъ *панорама;*
Я не вѣрила сама.

До Тонена, до Копея,
Озеро, какъ эпопея,
Развернулось предо мной;
Умиленною душой,
Какъ на озеро взглянула,
Я отъ скуки отдохнула.

У природы есть секретъ
Утѣшать меня средь бѣдъ,
Средь тоски, средь огорченья.
Точно гимнъ благодаренья,
Вѣковѣчный гимнъ, святой,
Всей природы красотой
Изливается предъ Богомъ!
Благости Его залогомъ
Солнце свѣтитъ въ небесахъ
И поетъ Его въ лучахъ;
Моря бурное волненье
Вторитъ то же пѣснопѣнье;
Тихоструйная рѣка,
Дуновенье вѣтерка,
Громъ и молнія, и вьюга,—

Все, наперерывъ другъ друга,
Хвалитъ дивнаго Творца!
Славословью нѣсть конца!
Горъ коснется — и дымятся!
Воды быстрыя стремятся!
Звѣздъ блестящихъ милліонъ
По небу разсѣялъ Онъ!
Все Его поетъ и славитъ!
И птенца Онъ не оставитъ
Безъ призора! — Какъ душой
Уношусь къ Нему мольбой,
Я земное забываю,
Умиляюсь, уповаю.
Его славою одной
Весь исполненъ шаръ земной!

Въ ратушу я заглянула
Анъ пасанъ, рукой махнула!
И не стоило труда
Даже заходить туда.
Только лѣстница покатомъ.

Лонъ лакеемъ провожатымъ
Тутъ я въ кирку введена,
Гдѣ гробница есть одна
Знаменитаго Рогана,
Кальвиниста, басурмана.
Онъ, тому уже давно,
Шефомъ былъ *де Гюгено*
Противу *Луи Каторза,*
И сражался очень борзо.
Тутъ вошла я въ *ла ротондъ:*
Эта кирка *дю бо мондъ.*
А тамъ по горѣ спустилась
И на рынкѣ очутилась.
Точно, *бадинажъ а паръ,*
Сельскій русскій нашъ базаръ:
Деревянныя лавчонки;
Продаютъ тутъ *де* пеленки,
Де чулки, товаръ панской —
И совсѣмъ не щегольской!
Тутъ прошла я чрезъ ворота
Прямо къ лавкѣ *мусье* Бота.

Ужъ сказать, что магазинъ!
Я бъ могла *пуръ ме кузинъ*
Тутъ купить два, три браслета,
Для племянника корнета
Портъ-сигаръ *э де* часы,
Гребень — расправлять усы
И лорнеточку складную;
Тетушку мою родную
Я потѣшила бъ и тѣмъ,
Что купила бъ діадемъ;
Хоть носить его не будетъ,
А меня все не осудитъ:
Она любитъ *ле кадо* —
Хоть бутылку *де* Бордо!
Мнѣ заказано старушкой
Ей купить часы съ кукушкой,
Но не знаю, гдѣ достать:
Здѣсь ихъ что-то не видать;
Есть стоячіе, стѣнные
Здѣсь часы, но золотые,
И конечно ужъ *тре шеръ;*
Даже съ бюстомъ *де* Вольтеръ,

Такъ и тѣ рублей, чай, триста;
Хоть сработаны и чисто,
Но *пуръ де кадо* онѣ
Что-то не по деньгамъ мнѣ.
Никакого нѣтъ расчета
Покупать у *мусье* Бота
Де кадо пуръ сез ами;
Право, прахъ его возьми!
Все по твоему уладитъ,
Но зато въ кошель посадитъ.

Но довольно мнѣ *куриръ,*
Ворочусь къ себѣ въ трактиръ,
Закушу, и понемногу
Поплетуся въ путь-дорогу.
Только, думаю, вѣрнѣй
Съѣздить мнѣ *даборъ* въ Ферне;
Если я теперь поѣду,
Вѣрно возвращусь къ обѣду.
Я взяла *шаръ де коте.*
Пресмѣшно, *анъ верите,*
Видѣть насъ вдвоемъ съ Анетой

Въ странной колымагѣ этой.
Лошаденка — дрянь, одна
Въ этотъ *шаръ* запряжена;
Кучеръ старый, толстопузый
Тутъ сидитъ, одѣтый блузой,
Закричитъ: *„Аллонъ кокотъ!“*
И закашляетъ; но вотъ,
Наконецъ, мы дотащились.

Предъ усадьбой очутились,
Гдѣ жилъ нѣкогда Вольтеръ.
Дѣлать нечего, *ке феръ!*
Надо будетъ восхищаться,
Чтобъ ученой показаться,
Хоть и нечему. — Тутъ домъ
Очень маленькій; кругомъ
Все въ ужасномъ запущеньи,
Въ ветхости и небреженьи.
Въ сѣрой курткѣ старичокъ
Выбѣгаетъ на порогъ,
Двери настежь отворяетъ
И въ покои приглашаетъ.

Старичокъ когда-то былъ
Мальчикомъ и все ходилъ
Съ портефелемъ за Вольтеромъ,
И такимъ-то-де манеромъ
Онъ всю суть его узналъ,
И потомству бъ передалъ,
Если бъ грамотѣ учился;
Но ея-то не добился:
А вѣдь при Вольтерѣ, чай,
Только слушай, примѣчай, —
Какъ не сдѣлаться писакой,
Совершенною собакой
Въ дѣлѣ письменномъ? Но онъ
Все остался неучонъ.
Помню, разъ мнѣ говорили:
Гдѣ-то въ лоттереѣ были
Два ребенка сорокъ лѣтъ;
Нужно вынимать билетъ,
Ихъ обоихъ и приносятъ.
Удивляюсь, какъ не спросятъ:
Почему же не растутъ?
Нѣтъ ли, молъ, подмѣна тутъ?

Здѣсь старикъ все тотъ же мальчикъ,
И ему, кажись мнѣ, пальчикъ
Въ ротъ не надобно бы класть;
Подбираютъ ихъ подъ масть:
Старичокъ одинъ свалится,
Тотчасъ новый очутится,
И такой же говорунъ,
Вольтерьянецъ и хвастунъ.

Вотъ привелъ онъ насъ въ покои.
Что жъ? Истертые обои.
На сто, кажется, рублей
Не набрать тутъ мебелей;
Есть эстампы и картины;
Матушки Екатерины
Нашей по канвѣ портретъ;
Данъ ле роль де Магометъ
Тутъ Лекенъ актёръ; Фредерикъ!
Превеликій фанаберикъ
Былъ Вольтеръ; *де сез ами*
Онъ, составя *энъ сальми,*
У себя развѣсилъ въ спальной:

Лез англе, народъ нахальный,
Настоящіе *бадо,*
Оборвали *ле ридо*
Всей Вольтеровой постели, —
Сувениръ имѣть хотѣли:
Всякій клалъ себѣ въ альбомъ
Энъ морсо де се грандъ омъ!

Тутъ и садъ намъ показали;
Мы въ аллеѣ той гуляли,
Гдѣ *мусье* Вольтеръ гулялъ,
Гдѣ, быть можетъ, сочинялъ
Онъ, въ минуты вдохновенья,
Лучшія свои творенья:
Разговоръ *авекъ* Зопиръ
Магомета иль Заиръ.
Встрѣча тутъ его съ Гиббономъ
Старичишкомъ чичерономъ
Намъ разсказана; кажись,
Къ ней онъ собственныхъ *бетизъ*
Намъ подбавилъ половину;
Тутъ онъ показалъ осину,

Что рукой своей Вольтеръ
Самъ-де посадилъ *анъ теръ;*
Но тутъ англичане были
И осину облупили,
И осина, безъ коры,
Вся посохла съ той поры;
Тутъ же, посреди аллеи,
Видъ Монблана и *валеи*
Онъ намъ показалъ *анкоръ*,
Да и вывелъ насъ на дворъ.

Возлѣ кухни и подвала
Вдругъ я кирку увидала:
Выстроилъ ее Вольтеръ
На готическій манеръ,
И довольно некрасивый,
Надписью прегорделивой
Кирку Богу посвятилъ:
Можетъ быть и тутъ шутилъ
Этотъ грѣховодникъ старый,
Сухощавый и поджарый.

*

Тутъ зазвалъ къ себѣ старикъ
И намъ предложилъ парикъ,
Паръ Вольтеръ всегда носимый,
И колпакъ его любимый,
Трость, перчатки и перо.
Я сказала: „*О! се тро,*
Такъ ужъ нагло издѣваться;
Ужъ не дали бъ залежаться
Англичане, *жъ'анъ сви сюръ,*
Рѣдкостямъ *де сетъ натюръ:*
Все давно бъ уже забрали,
Да, я чай, и покупали
Ихъ не разъ; но плутъ старикъ!
Трость, перо, колпакъ, парикъ
Никогда не истощатся;
Сами отъ себя родятся,
Такъ сказать, *комъ ле фениксъ*:
Ихъ всегда *энъ номбре фиксъ*
Есть готовыхъ на подмѣну—
Тотчасъ явятся на сцену,
Если олухъ новичокъ
Ихъ захочетъ. Старичокъ

Только тѣмъ и промышляетъ;
Всѣхъ же больше поддѣваетъ
Англичанъ, и ништо имъ,—
Всюду по пятамъ моимъ
Такъ и тянется ихъ свита.
Въ память здѣшняго визита
Я купила изъ *теръ-квита*
Бюстъ Вольтера.—Старичокъ
Завернулъ его въ платокъ
И провелъ насъ за рѣшетку.
Я дала ему на водку,
И опять *же сви монте*
Въ *шаръ*, съ Анетой *де котe*.

VII.

ЖЕНЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Мы въ Женеву воротились
И вотъ какъ распорядились:
Ѣдетъ пусть *ле* Харитонъ
Потихоньку, *сюръ ле лонъ*,

Вплоть до Мартиньи съ каретой;
А я, *тетъ а тетъ* съ Анетой,
Заверну *а* Шамуни;
Вѣрно, тамъ *юнъ колони*
Англичанъ найдемъ туристовъ,
Аматеровъ и артистовъ,
И осмотримъ мы какъ разъ
Монтъ Анверъ, *ла* Меръ *де* гласъ,
Ле Бреванъ, *гласье* Босона
И всѣ *сурсы* Арверона,
А потомъ *паръ ла* Тетъ Нуаръ
Мы на третій можемъ *суаръ*
Очутиться у Писваша,
Гдѣ насъ ждетъ карета наша.

И поѣхалъ Харитонъ. —
Мы съ Анетой *а* Шильонъ
Доплыли на пароходѣ
При хорошенькой погодѣ;
Вышли, — ѣдетъ дилижансъ;
Препроворно *же м'авансъ*,
Кверху палецъ подымаю

Въ знакъ, что ѣхать я желаю.
Соскочилъ *ле кондюктёръ*
И сказалъ намъ: *„Же л'онёръ!“*
Вотъ сажаетъ насъ съ собою —
Гдѣ жъ? На козлы!.. Я не скрою,
Совѣстно: *энъ омъ анъ блузъ,*
Въ формѣ писанный французъ:
Очи свѣтло-голубыя,
Бакенбарды прегустыя,
Краснощекій, длинный носъ;
Ну, наслушаться пришлось
Де гро мо; оно бъ обидно,
Но ему въ привычку, видно,
Какъ для насъ простой *бонъ журъ;*
Даже, *пуръ ну феръ ла куръ*
И ловчѣй намъ показаться,
Онъ крупнѣе сталъ ругаться.
Но у всякаго, *ке феръ,*
Щеголять есть свой манеръ!
Чрезъ Вильневъ ему дорога,
Такъ и взялъ онъ съ насъ немного
Довезти, за деньги тѣ жъ

Онъ достать намъ *юнъ калешъ*
До Саланша обѣщался.
Путь коротокъ показался:
Онъ все время проболталъ,
Пѣлъ куплетцы и свисталъ.
Мы въ Вильневѣ распростились
И въ коляскѣ потащились.

Какъ проѣхали мы *клюзъ*,
Пушечку намъ, *юнъ обюзъ*,
Кажетъ въ сторонѣ мальчишка;
Уголекъ поднесъ — и вспышка:
Залпъ раздался восемь разъ,
Между горъ какъ бы несясь.
Свѣтъ излилъ по всей наукѣ
Этотъ опытъ намъ о звукѣ;
Такъ какъ звукъ, *ле* галванизмъ,
Электричество, сквозь призмъ
Де лучей *ле* преломленье
Одинакое стремленье
Получили; размышлять
Станешь, — нечего сказать!

Видно ясно, что Создатель
Подъ одинъ все знаменатель
Приводилъ, когда создалъ
Бѣлый свѣтъ, и доказалъ,
Что всему одно начало
Есть и будетъ и бывало!
Точно: всюду мысль одна,
И гармонія видна!
Онъ рече — и бысть! И слова
Одного довольно снова
Все въ ничтожность обратить,
Все смѣшать, все сокрушить!

Вотъ мы въ городѣ Саланшѣ.
Если бъ намъ пріѣхать раньше,
То увидѣли бы весь
Мы Монбланъ, и точно: здѣсь
Онъ гостей своихъ встрѣчаетъ,
Въ первый разъ себя являетъ
Взорамъ онъ людей вполнѣ!
При сіяющей лунѣ
И при солнечномъ восходѣ

*

Нѣтъ подобнаго въ природѣ
Зрѣлища; когда жъ туманъ
Или ночь, то *ле* Монбланъ,
Исполинъ сѣдой и лысый,—
Каратыгинъ за кулисой!
Чувствуютъ, что онъ ужъ тутъ,
Скоро явится, и ждутъ,
И сердца въ оцѣпенѣньи,
И вся кровь уже въ волненьи!

На зарѣ, прервавъ мой сонъ,
Я спѣшила на балконъ
Выйти, то есть на террасу,
Чтобъ увидѣть эту массу
Снѣговую. Какъ красивъ
Яркій, розовый отливъ,
Что торжественно наводитъ
Солнце тутъ, когда восходитъ
Изъ зыбей, тещи свой путь!
Душно! Вся тѣснится грудь,
Хочется душѣ простора;
Алчетъ, какъ орелъ, отъ взора

Человѣковъ улетѣть,
Поднебесьемъ овладѣть,
Въ безпредѣльность погрузиться,
И съ Творцомъ соединиться!!!...

Подошла къ намъ *ла сервантъ*
Де л'обержъ, трез елегантъ
Съ пышно вздутыми щеками
И съ претолстыми губами;
Съ робостью сказала мнѣ,
Что готовъ мой *дежене.*
Я ее поцѣловала
Бѣдненькую, обласкала:
Ужъ давно бурчалъ животъ.
Какъ подумаешь ты, вотъ
Человѣчество — что значитъ!
Мысль паритъ, несется, скачетъ
Въ безпредѣльность, въ высоту;
А почуешь пустоту
Ты въ желудкѣ, — вдохновенье,
И восторгъ, и упоенье,
И поэзья — *де коте:*

Чашку подавай *де те*
Иль съ картофелемъ котлету!
Часто я дивлюсь поэту:
Я не понимаю, какъ
Пишутъ люди натощакъ?

Ле Сардинское правленье
Здѣсь имѣетъ заведенье
Собственныхъ *шаръ де коте;*
Ту се шаръ, нюмероте,
Въ двѣ лошадки запрягаютъ,
По билетамъ отпускаютъ;
Въ синей курткѣ, въ галунахъ,
Въ кирасирскихъ сапогахъ,
Почталіонъ сидитъ и правитъ;
Ничего ужъ не оставитъ,
Чтобы вамъ не объяснить;
А что надобно платить,
Таксою опредѣлили.
Мы *шаръ де коте* спросили;
Я поѣла, — *э же ве*
Прямо въ бани Сенъ-Жерве.

Тутъ цѣлительныя воды,
Горы, чудеса природы,
Безподобный водопадъ,
А вокругъ дорожки, садъ, —
Видно для больныхъ устроенъ;
Но однакожъ безпокоенъ;
Все скользишь, гуляя тутъ.
Есть хорошенькій *редутъ*,
Табель д'отъ, для танцевъ залы,
Клавикорды и журналы;
Все прекрасно, кромѣ бань;
А онѣ такъ просто — дрянь, —
Подъ землей и неопрятны.

Почтальона голосъ внятный
Насъ торопитъ и зоветъ.
Это *ла каскадъ де* Шедъ —
Вся уступами стремится,
И отъ солнца серебрится
Межъ деревьевъ, какъ хрусталь;
Но далеко только, — жаль!

Тутъ поѣхали горою
Мы тропинкою такою,
Что козѣ пройти едва;
Закружится голова!
Все утесы тутъ надъ нами,
И утесы подъ ногами:
Груды необъятныхъ горъ
Здѣсь нашъ поражаютъ взоръ,
Видъ являя намъ хаоса.

Вотъ достигли мы Сервоса:
Тутъ мы кормимъ лошадей.
А чтобъ накормить людей —
И не думай; только хаты,
Храмикъ Божій, небогатый,
Одинокій между горъ;
Магазинчикъ есть *анкоръ* —
Чучелъ и роговъ оленьихъ.
И кристалловъ и каменьевъ.
Черенки *пуръ ле куто,*
Запонки, печать, *плато*
Для себя я отложила;

Изъ роговъ еще купила
Два крючка — *пуръ монъ мари;*
Удивится, *же пари,*
Онъ подарку! — Но готово:
Запрягли. Въ дорогу снова
Мы пустились по горамъ.

Водопады здѣсь и тамъ
И потоки, и долины,
И селенья — все картины,
Что и въ сказкахъ не сказать
И перомъ не описать!
И Монбланъ вездѣ суровый,
Какъ орелъ нашъ двухголовый,
Какъ Россія, — выше тучъ,
Гордъ, отваженъ и могучъ,
Раздался средь небосклона!

Вотъ и *ле гласье* Босона;
Захотѣлось мнѣ *а пье*
Перейти черезъ *гласье:*
Подъ-руки меня схватили

Гида два и потащили.
Жарко, душно, высоко
И довольно далеко;
Наконецъ, вотъ я взобралась;
Поминутно спотыкалась,
И кружилась голова.
Кабаны *сюръ ля* Нева
Точно — собраны тутъ льдины,
Только острыя вершины.
Но откудова взялись?
Я все падаю, *же глисъ;*
Очень проходить опасно,
Но зато ужъ и прекрасно!
Мы стоимъ надъ твердымъ льдомъ,
А все зелено кругомъ,
Все цвѣтетъ, благоухаетъ,
Солнце паритъ и пылаетъ, —
И понять *же де ла пенъ*
Этотъ странный феноменъ!
Кто не прилагалъ заботы
Объяснить перевороты
Глобуса и всѣхъ планетъ!

Написалъ и Ласепедъ
И Кювье довольно внятно;
Но однакожъ непонятно,
Отчего одинъ потокъ
Только одолѣть не могъ
Здѣсь мороза? — Эта чара
Знать заслуженная кара;
Можетъ быть, что здѣсь потокъ
Сдѣлалъ множество тревогъ:
Разъяренною волною
Уносилъ стада съ собою,
Зданій кучу истребилъ
И народа погубилъ.
Богъ людей услышалъ слезы,
Сжалился, наслалъ морозы!
Какъ бурлилъ потокъ, кипѣлъ,
Такъ онъ вдругъ оледенѣлъ!
Все кругомъ весною дышетъ,
Листія зефиръ колышетъ,
Все развилось, все цвѣтетъ,
А тутъ ледъ — и вѣчно ледъ!
Такъ въ пирахъ Варвикъ угрюмый,

Роковой терзаясь думой,
Средь веселья одинокъ!
Грозный совѣсти упрекъ
Шумъ оркестровъ заглушаетъ,
Онъ забавамъ не внимаетъ;
Тщетно льетъ въ бокалъ вино,
И питье — отравлено!

Проскакавъ версты четыре,
Очутилась я въ трактирѣ
Въ Шамуни; *пуръ ле дине*
Удалось пріѣхать мнѣ:
Гатчинскія намъ форели
Поданы. — Какъ ихъ мы съѣли,
Подали намъ *де* котлетъ,
Мотонъ шопъ, юнъ винигретъ
Изъ картофеля съ бобами,
Лося (только передъ нами
Застрѣлилъ его пастухъ).
Но несносно здѣсь отъ мухъ!
На носъ все онѣ садятся!
Тутъ съ трактирщикомъ бранятся

Де франсе пуръ ле сигаръ.
Но билетъ есть *де феръ паръ,*
Чтобъ въ столовой не курили, —
Даже въ рамочку вложили:
Такъ о чемъ же тутъ и споръ?
Ну, конечно, это вздоръ.
Но мнѣ тѣмъ французы гадки,
Что все любятъ безпорядки.
А напротивъ — *лезъ англе*
Неловки, *си ву вуле,*
Но ведутъ себя ужъ чинно;
Скажутъ *„го, га, га“* невинно,
Какъ прочтутъ; но ужъ они
Не отступятъ — ни, ни, ни!
Здѣсь ихъ стаи налетѣли:
Дѣти, старики, мамзели,
Нѣмцевъ пять, французовъ шесть;
Итальянцы тоже есть,
Но немного.

Къ намъ подсѣла
Дама, — на себѣ имѣла

Платье *де демикотонъ*
Черное. Ужъ *паръ ле тонъ*
Вижу я, что изъ *Женева*
Эта дама или дѣва;
А послѣднее вѣрнѣй:
Что-то женскаго-то въ ней
Очень, очень мало видно;
Говоритъ она солидно,
Съ разстановкой, *юнъ савантъ*,
Точно наши *гувернантъ*:
Эти замужъ не выходятъ:
Молодость свою проводятъ
Въ рукодѣльи, въ чтеньи книгъ,
А подъ старость — слабость ихъ
Въ разсужденія пускаться
И учеными казаться,
Особливо *паръ ле стиль*.
Имя этой — Данжевиль.
Она только что спустилась
Съ *ле* Монбланъ, куда встащилась
Съ преужаснѣйшимъ трудомъ,
Но воткнула *сюръ ле домъ*

Эта героиня-дѣва
Знамя города *Женева.*
Труденъ, тяжекъ былъ ей путь.
Хоть минутку отдохнуть
И присѣсть ей все желалось, —
Но не смѣла; ей казалось,
Тянетъ *л'атмосферъ* назадъ:
Такъ иди ужъ, радъ не радъ,
И не отставай отъ *гида,*
Не спускай его изъ вида
И изъ рукъ; а то какъ разъ
Попадешь *данз юнъ кревасъ.*
Отъ Мюле къ концу дороги
Все подкашивались ноги,
Точно какъ пилили ихъ;
Духъ въ ней сперся и затихъ, —
Совершенно умирала;
Силы всѣ свои собрала,
Взлѣзла лишь — и все прошло;
Сердце будто расцвѣло!
Горизонтъ неизмѣримый!
Но ужъ воздухъ — нестерпимый!

Кровь изъ носа, изъ ушей
Потекла ручьемъ у ней!
Я туда не поплетуся;
Некогда, да и боюся:
Загуляетъ Харитонъ...

Я всю ночь *сюръ монъ* балконъ
Вплоть до утра просидѣла.
На Монбланъ я все смотрѣла:
Какъ по снѣжной пеленѣ
Разсыпались, при лунѣ,
Точно перлы и алмазы;
Какъ его мѣнялись фазы;
Какъ *ту ле соме* въ тѣни,
Тамъ сіяютъ вдругъ они
И луною серебрятся.
Тамъ гигантами ложатся
Тѣни ихъ *сюръ ле* бока;
Всѣ исчезли облака,
Небо совершенно ясно,
И на синевѣ прекрасно
Отдѣлился исполинъ!

И во снѣ такихъ картинъ
Не видать! — Хоть жаль разстаться,
Но вѣдь надо жъ раздѣваться,
Хоть минутку отдохнуть.
Мнѣ еще далекій путь!

На Анету мнѣ досадно:
Улеглась она — и ладно!
Антузьязмъ во мнѣ кипитъ,
А она себѣ храпитъ —
И всю ночь такъ прохрапѣла!
Я сама себя раздѣла,
Прилегла на правый бокъ
И вся съежилась въ комокъ.

Только что глаза открыла,
Тотчасъ *гида* я спросила,
И пришелъ *мусье* Бальма,
Человѣкъ не безъ ума.
Здѣсь имъ очередь ведется,
И кому кто попадется,
Напередъ нельзя узнать.

Надобно жъ къ тому сказать:
Цѣлая артель здѣсь *гидовъ*.
Не позволено безъ видовъ
Провожать *ле вояжеръ:*
Долженъ знать *ле гидъ паръ кёръ*
Всѣ тропинки, переходы,
Измѣненья всѣ погоды,
Всѣ опасности пути.

Не мѣшало бъ завести
Нѣсколько такихъ артелей
И въ Россіи, для мятелей:
Тотъ же *ле* Монбланъ *ше ну,*
Но растянутый въ длину,
Меръ де гласъ у насъ *ла* Волга,
И на ней пропасть недолго:
Хватишь въ полынью какъ разъ, —
Та же самая *кревасъ*.
А мятелица лихая,
Свирѣпѣя, завывая
По степямъ Святой Руси
(Только, Боже упаси!),

Хуже твоего Монблана
И *кревасовъ*, и тумана!
Ты вчера оставилъ домъ —
Нынче только за гумномъ
За своимъ же очутился,
Какъ ни силился, ни бился,
Какъ всю ночь ни колесилъ.

Гидъ Бальма меня просилъ,
Чтобъ я ѣхала на мулѣ:
„Преспокойно, какъ на стулѣ,
Будете на немъ сидѣть,
Дескать, только не робѣть“.
Что жъ мнѣ дѣлать? Согласилась;
Но какъ взлѣзла, какъ встащилась,
И теперь я не пойму.
Въ помощь *гиду* моему
Шесть гарсоновъ прибѣжало;
Подняли меня сначала;
Кто мнѣ платье подбиралъ,
Кто вертѣлъ, а кто сажалъ,
И толкали, и тя ули,

Наконецъ, вотъ я на мулѣ!
Но неловко, — мочи нѣтъ!
Тряская такая *бетъ*,
Пренесносная походка, —
Прыгъ и скокъ, — какъ разъ чахотка.
Ну, того гляди — слетѣть.
Да и тѣсно такъ сидѣть:
Сѣдла дамскія премерзки.
А Анетъ по-кавалерски
А калифуршонъ, бичомъ
Машетъ, бьетъ и, какъ ни въ чемъ,
Рысью ѣдетъ и хохочетъ!
И мой мулъ туда же хочетъ
Вслѣдъ за ней, — не удержу!
Ну, прогулка же, скажу!

Вотъ мы потащились въ гору,
И чѣмъ выше, то и взору
Лучше все являлся видъ.
Бурный тутъ потокъ шумитъ,
Тутъ каскады, тутъ овины,
Тутъ селенья, тутъ долины

Безпредѣльныя межъ горъ;
Тутъ какъ будто коридоръ
Между скалъ, лощинка, стадо,
Кирка сельская, громада
Накатившихся камней,
И деревъ, и старыхъ пней
Послѣ страшнаго обвала;
Ужъ чего тутъ ни встрѣчала!
А Монбланъ, *комъ энъ фантомъ*,
Всюду виденъ. — Вотъ и домъ:
Мы на *монтъ* Анверъ взобрались;
Пять часовъ все подымались.
Тутъ мой остается мулъ.
Гидъ поддвинулъ мнѣ *энъ* стулъ;
Лишь собралъ мои онъ платья,
Вдругъ я — прыгъ къ нему въ объятья,
Бросилась какъ *аваланшъ;*
Пошатнулся онъ, *иль паншъ*,
Но за стѣнку удержался
И самъ громко засмѣялся.
Мы взошли, чтобы купить
Де шесты и закусить.

Тутъ на *Меръ де гласъ* спустилась,
Крикнула я, удивилась!
Точно: чудо изъ чудесъ!
Все кругомъ трава и лѣсъ
И цвѣты, а тутъ, подъ нами,
Ледъ, собравшійся вѣками,
Только гладкій *э санъ нежъ*.
Море цѣлое, — и гдѣ жъ?
На горѣ,—и какъ пространно,
Какъ обширно! Это странно!
Видно, какъ сердитый валъ
Тутъ ярился, бушевалъ;
Море бурное кипѣло,
Только вдругъ оледенѣло.
Какъ случилось и когда,
Нѣтъ ни слуха, ни слѣда.
Это хоть привелъ доводомъ
Ласепедъ, но днемъ и годомъ
Не означилъ феноменъ;
Даже разсказалъ *а пенъ*
И подробности открытья,
По недавности событья.

Масса волнъ когда сперлась,
Все подѣлались *кревасъ*.
Гиды наизусть ихъ знаютъ
И преловко избѣгаютъ
Даже ночью и въ туманъ.
Ме пуртанъ с'етъ эфреянъ:
Такъ кругомъ все скользко, чисто,
Глубина аршинъ на триста,
Ширина аршина два;
Смотришь стоя, голова
Непремѣнно закружится,
И для вѣрности ложится
Испытатель *вояжеръ*,
И тогда *иль н'а па перъ*.

Величавый и красивый,
И, по мнѣ, краснорѣчивый
И глубокой мысли полнъ
Этотъ видъ сердитыхъ волнъ,
Навсегда оледенѣлыхъ,
Неподвижныхъ, помертвѣлыхъ.

И не такъ ли, испытавъ
Жизни суету, узнавъ,
Какъ земное измѣняетъ,
Человѣкъ охладѣваетъ,
Равнодушенъ ко всему!
Тщетно ластятся къ нему
Всѣ земныя обольщенья:
Нѣтъ любви, нѣтъ вдохновенья;
Призракъ счастья отлетѣлъ,
Онъ душой оледенѣлъ!

И не такъ ли, утомленный,
На скалѣ Святой Елены,
Руки на крестъ положивъ,
Мрачное чело склонивъ,
Баловень побѣдъ любимый
Въ океанъ неизмѣримый
Взоры томные вперялъ
И, безмолвный, вспоминалъ
О своей минувшей славѣ,
Объ утраченной державѣ!

Плѣнъ и смерть его удѣлъ:
Онъ навѣкъ оледенѣлъ!

А быть можетъ, — и кто знаетъ! —
Сокровенное вѣщаетъ,
Тайное, намъ этотъ лёдъ!
Всѣхъ насъ судъ за гробомъ ждетъ
Неумытный и грозящій!
Не огонь одинъ палящій,
Можетъ быть, сужденъ для всѣхъ;
Но иной накажетъ грѣхъ
Вѣчный ледъ и замерзанье,
Какъ прямое наказанье
Всѣхъ холодныхъ въ жизни сей
Къ скорбямъ, къ горестямъ людей;
Кѣми лишь корысть водила,
Чья душа здѣсь не любила,
Кто здѣсь жалости не зналъ,
Сирыхъ слезъ не отиралъ;
Невлекомый убѣжденьемъ,
Кто срамилъ себя гоненьемъ

Неповинныхъ, и чей вѣкъ
Только промыслу упрекъ!

Но вдалась я въ размышленья
Философскія; мгновенья
Надо здѣсь ловить всегда:
Какъ туманъ найдетъ, бѣда!
И гулять здѣсь невозможно:
Попадешь неосторожно,
Чего Боже сохрани,
Ты въ *кревасъ, э се фини!*
Я за *гида* ухватилась
И съ нимъ по морю пустилась,
То есть, *сюръ ла Меръ де гласъ.*
Горы окружаютъ насъ;
Въ именахъ не вижу толка:
Тутъ Зеленая иголка,
Тутъ Шапо гора, потомъ
Ле Пассажъ; тутъ *дю Бонъ омъ*,
Дю Жеанъ. Пока гуляли,
Мы кристаллы подбирали
Разноцвѣтные на льду.

Я не знала, что найду
Здѣсь я рѣдкости такія.
Ручеечки небольшіе
Кое-гдѣ по льду журчатъ,
Точно *комъ де* водопадъ,
Черезъ ледяныя массы,
Устремляяся въ *кревасы.*

Взоры въ небо устремилъ
Гидъ и вдругъ меня схватилъ,
Да и тащитъ за собою,
Весь испуганный. Не скрою,
Думала: съ ума сошелъ
Иль такой кристаллъ нашелъ,
Что не хочетъ подѣлиться;
Но велитъ онъ торопиться,
Говоритъ: „Настигнетъ насъ
Здѣсь такой туманъ какъ разъ,
Что и не найдемъ дороги".
Поскорѣй, давай Богъ ноги,
Побѣжала во всю мочь;
И какъ онъ сказалъ, — точь въ точь

Прегустой туманъ за мною
Подвигается стѣною, —
Ничего ужъ не видать!

Мы успѣли добѣжать,
И достигли *монтъ* Анвера.
Незавидная квартера;
Но насъ ждалъ *энъ дежене*
А онъ очень нуженъ мнѣ.
Я устала, запыхалась,
Да и такъ проголодалась,
Что три съѣла колбасы.

Посмотрѣла на часы, —
Часъ восьмой ужъ на исходѣ.
О возвратномъ я походѣ
Ничего вамъ не скажу:
Нынче вспомню, такъ дрожу!
Прекрутой и преопасный!
Дождикъ вдругъ пошелъ ужасный;
Я мокрехонька въ трактиръ
Воротилась, *с'этъ а диръ*.

Платія мои Анета
Все сушила до разсвѣта.

Тутъ спросили мы *дю те*
И сейчасъ *ну сомъ монте*
Сюръ но мюль и понемногу
Потащились въ путь-дорогу,
Чтобъ достигнуть *ла* Тетъ Нуаръ.
Ничего нельзя *вуаръ*
Хоть ножомъ рѣжь атмосферу;
Поклониться *монтъ* Анверу
Не могла, и Шамуни
Тоже скрылся, — *се фини.*
А дорога-то какая!
Каменистая, крутая,
Сломишь голову какъ разъ!
Дождь опять настигнулъ насъ,
Да и провожалъ все время.
Жизнь мнѣ становилась въ бремя,
И укрыться негдѣ тутъ;
Даже люди не живутъ —
Совершенная пустыня!

Какъ баллады героиня,
Я, нахохлившись, сижу
Сюръ ма мюль и вся дрожу.
Очень жалкая фигура!
И зачѣмъ пустилась, дура,
Я въ дорогу, не спросясь!
Чортъ ли мнѣ *ла Меръ де гласъ!*
Если бъ знала, не рѣшилась!

Но вотъ крыша появилась
Межъ деревьевъ, и корчма.
Соскочила я сама
И ноги чуть не сломила,
Такъ войти я поспѣшила!
Восхитилась такъ тому,
Что увидѣла корчму!

Обсушились мы, поѣли,
И опять на муловъ сѣли.
Прояснились небеса.
Ужъ сказать, что чудеса
Виды здѣсь, какъ нѣтъ тумана!

Я обширнѣйшаго плана
Не видала. — Пеленой
Разстилались предо мной
Весь Валей и Валтелина;
Гдѣ потоки, гдѣ долина,
Гдѣ гора, гдѣ мрачный лѣсъ;
Всѣхъ мнѣ описать чудесъ
Невозможно, и молиться
Такъ и тянетъ, — и дивиться!
Какъ ничтоженъ и какъ малъ
Человѣкъ! И какъ создалъ
Богъ его, чтобъ быть владыкой
Всей природы, столь великой,
Столь могучей! И какъ онъ
Дерзновенно свой законъ
Налагаетъ на природу!

Мы хорошую погоду
Въ остальной имѣли путь
И успѣли мы взглянуть
На Писвашъ еще до ночи,
Какъ бѣжитъ изо всей мочи,

Среди каменныхъ громадъ
Этотъ пышный водопадъ,
Брызги далеко бросая
И брильянтами сверкая
Весь отъ солнечныхъ лучей!
Только выдумкою чьей
Нареченъ онъ былъ Писвашемъ?
Лучше бы, въ понятьи нашемъ,
Назывался онъ густой
Аарона бородой.

Харитонъ насъ дожидался
Очень трезвый, и признался,
Что соскучился безъ насъ.

Но пора, десятый часъ,
Ужинать и спать ложиться,
Чтобы ранѣе пуститься,
Завтра намъ черезъ Симплонъ.
Извините, *се бьенъ лонъ*.

СИМПЛОНЪ.

Б. Пименъ.
Г. Линкъ.

VIII.

СИМПЛОНЪ.

Въ Мартиньи ужъ начинаемъ
Подыматься; доѣзжаемъ
Все горой *жюскъ а Сіонъ*.
Сдѣлалъ здѣсь Наполеонъ,
Общей пользой вдохновенный,
Подвигъ самый незабвенный.

Онъ природу одолѣлъ,
Покориться ей велѣлъ.
Всѣмъ нуждамъ цивилизацьи:
Чтобъ могли другъ другу нацьи
Руку помощи давать,
Сообщаться, торговать,
Чтобъ туристы, вояжеры
Разъѣзжали, чтобъ рессоры
Не ломались бы всегда,
Чтобъ *а шаке па* бѣда
Не грозила, — онъ дорогу
Проложилъ, и слава Богу!
Монументъ воздвигнулъ онъ
Для себя *паръ ле* Симплонъ!

Мостъ въ Сіонѣ и руины —
Безподобныя картины!
Городъ весь Сіонъ стоитъ
На горѣ: прекрасный видъ!
Но весьма плохія зданья —
Недостойны и вниманья.

Близъ Сіона Бонапартъ
Перешелъ *ле* Сенъ-Бернардъ
И нагрянулъ на Италью!
Кто не помнитъ про баталью
И Маренго и Арколь?
Кто не помнитъ, что оттоль
Начался полетъ орлиный;
Злобной занесясь судьбиной
Въ наши степи, онъ упалъ!
Дерзновенный! возмечталъ
Въ нашу залетѣть твердыню,
Тронуть русскую святыню!
Крылья опалилъ молвѣ
Онъ въ пылающей Москвѣ!
До Парижа проводили
Мы незваннаго, сложили
Съ головы его вѣнецъ,
И надменному конецъ!

Но уже въ горахъ Альпійскихъ
Онъ узналъ орловъ россійскихъ!
Удивился Бонапартъ,

Какъ прошли чрезъ Сенъ-Готардъ
Наши славныя дружины!
Скалы, крутизны, стремнины —
Все сравнялось: русскій Богъ
Здѣсь орламъ своимъ помогъ!
И Суворова и Нови
Вспомнятъ, и наморщатъ брови!
Даже не дали вздохнуть!
„Гдѣ лишь вѣтеръ можетъ дуть,
Тутъ пройдутъ полки орлины“*)!
И какіе исполины,
Молодцы! — Въ одинъ провалъ
Князь Мещерскій вдругъ упалъ;
Только крикнулъ: „Вспомяните
И въ реляцьи напишите
Обо мнѣ!“ — И нашъ форпостъ
Взобрался на Чортовъ мостъ,
Надъ пучинами висячій,
Проскакалъ отрядъ казачій.
Войско какъ-то снѣгъ и дождь

*) Державинъ.

Мигъ поколебали; вождь
Подошелъ, сказалъ: „Постойте!
Не хотите? Яму ройте,
Положите тутъ меня!“
Войско, устыдясь, стеня,
Точно вьюга устремилось
И на Альпахъ очутилось!
Притащило на рукахъ
Артилерью въ Андернахъ,
И опять оно въ Швейцарьи!
Тутъ не нужны комментарьи.
Призадумался французъ,
Мира проситъ; но союзъ
Оплошалъ. — засуетились.
И въ Россію воротились
Наши войска, какъ гроза,
Слѣдъ оставя. — И слеза
Навернется умиленья,
Какъ ихъ вспомнишь похожденья!
Почему же русскій бардъ
Не опишетъ Сенъ-Готардъ? —
Я никакъ не понимаю.

Я по замку заключаю,
Что и въ старину народъ
Множество давалъ хлопотъ
Здѣсь швейцарскому начальству,
По нескромности, нахальству
И по множеству интригъ.

Все горою въ городъ Бригъ
Мы подъ вечеръ дотащились
И тутъ ночевать рѣшились,
Чтобъ при солнцѣ весь Симплонъ
Переѣхать и поклонъ
Намъ Швейцаріи отвѣсить,
И Наполеона взвѣсить
Подвигъ весь, и всѣ труды,
Генія его слѣды
Находя во всякомъ шагѣ,
И не то, чтобъ на бумагѣ,
А на дѣлѣ, *анъ натюръ*.

Бригъ — Швейцаріи *клотюръ*.
И трактиръ весьма опрятный;

Даже даръ тутъ непонятный —
Грѣлкой согрѣвать постель,
И другія *багатель*,
И перины, и подушки,
Чай и сливки, и галушки,
Кофе, чашки, самоваръ,
Точно *кельке шозъ а паръ*.
И премилая служанка,
Вояжерамъ всѣмъ приманка,
Чрезъ Симплонъ держащимъ путь,
Здѣсь въ трактирѣ отдохнуть.
Бригъ же самъ неживописенъ,
Ничего въ немъ нѣтъ, *зи виссенъ*,
Что могло бы *эксите*
Хоть *экъ пе кюрьёзите*.

Начинаются боренья
Человѣческаго генья
Здѣсь съ прпродой, и она
Геніемъ побѣждена.
Всѣ усилья безполезны:
Горы, водопады, бездны,

Рвы, пучины, груды скалъ —
Все торжественно попралъ
Мощный геній человѣка!
И промчалось четверть вѣка,
Какъ дорогу чрезъ Симплонъ
Проложилъ Наполеонъ.
Тщетно водопадъ стремится,
Пѣнится, бурлитъ, клубится
И бушуетъ: чрезъ него
Мостъ накинутъ,—ничего
Онъ ужъ болѣе не можетъ
И, безсильный, скалы гложетъ
И какъ бѣшеный реветъ.
Тщетно каменный хребетъ
Какъ препону поставляетъ
И гора, — овладѣваетъ
Ей могучая рука:
Продолбивъ ея бока,
Въ ней проводитъ галлерею,
И идетъ дорога ею.
Тщетно грудью сталъ утесъ, —
Порохъ и его разнесъ!

Крутизна, провалъ зыбучій
Удержать руки могучей
Не властны, — возведена
Ей по берегу стѣна,
И идетъ дорога мимо
Безопасно, невредимо.
Вся природа не могла
Помѣшать, — она легла
Точно лента межъ горами,
Надъ стремниной, межъ скалами,
И торжественно лежитъ,
Какъ царица! Чудный видъ!
Такъ удавъ, со львомъ сражаясь
И владычно увиваясь
Вокругъ звѣря, лютый гнѣвъ
Одолѣлъ, и дикій ревъ,
Всю окрестность оглушая
И прохожихъ изумляя,
Безопасенъ, тщетенъ онъ, —
Левъ удавомъ побѣжденъ!
Здѣсь всѣ ужасы природы:
Съ горъ стремящіяся воды,

Достигающій небесъ
И нависнувшій утесъ,
Рвы и скалы, и пучины —
Только дивныя картины!
Изумляютъ точно взглядъ,
Съ ужасомъ на нихъ глядятъ
Люди, но сигарки курятъ,
Веселятся, балагурятъ,
Точно будто бы ни въ чемъ.
И съ Анетой мы идемъ,
Преспокойно съ ней гуляемъ
И цыпленка уплетаемъ.

Наконецъ, вотъ и *госписъ*.
И отсюда уже внизъ
Начинаемъ мы спускаться.
Стоило труда взобраться!
Муловъ съ десять запрягли,
И они едва взвезли
Грузный мой рыдванъ московскій.
Онъ, признаться, не таковскій,

Чтобъ по Альпамъ разъѣзжать;
Но я не могла же знать,
Что здѣсь встрѣчу эти горы:
Хлопотала, чтобъ рессоры
Были крѣпки, чтобъ лежать
Можно было мнѣ и спать,
И багажъ бы въ немъ вмѣщала, —
О другомъ и не мечтала.

Здѣсь *госписъ* устроенъ былъ,
Чтобъ прохожій находилъ
Въ немъ пріютъ отъ непогоды
И чтобъ собирать доходы
Съ экипажей. Домъ большой,
Но совсѣмъ не щегольской.

На горѣ пока гуляла,
Снѣгъ Анета собирала
И набрала два узла
И съ собою повезла;
Но растаялъ онъ въ каретѣ,

И сгрустнулося Анетѣ;
Вздумалось ей: я-де такъ
Здѣсь исчезну, какъ землякъ!

Нашъ рыдванъ подтормозили
Постильоны, *эмбесили,*
Но во всю пустились прыть.
Не могу теперь забыть,
Какъ мнѣ страшно показалось:
Поминутно намъ являлось
Чудо новое: гора
Передъ нами, — въ ней дыра;
Издали продѣть иголки
Невозможно, одноколкѣ
Не проѣхать; *па дю ту.*
Подъѣзжаемъ, — гору ту
Галлерея просѣкаетъ,
И карета проѣзжаетъ
Какъ по Невскому по ней.
Тутъ бѣжитъ изъ мочи всей
Водопадъ, реветъ и вопитъ,

Ну, того гляди, утопитъ!
Па дю ту: онъ обойденъ,
Мостомъ дивнымъ обведенъ
И проходитъ подъ дорогой,
Точно какъ ручей пологій.
Тутъ утесъ, тутъ крутизна;
Думаешь: вотъ тебѣ на!
Какъ зацѣпимъ, — мы пропали!
Но мы славно проскакали
Всѣ опасности пути;
Даже удалось найти
Среди дебри той суровой,
А Симплонъ, обѣдъ готовый.
Деревушка *ле* Симплонъ,
Но свое далъ имя онъ
Всей дорогѣ той чудесной
И тѣмъ сдѣлался извѣстный.
Почему его избралъ
Бонапартъ? никто не зналъ
И не знаетъ и донынѣ.
Онъ стоитъ не въ серединѣ,

Не въ концѣ, *ме с'етъ энъ соръ!*
Безъ сомнѣнья, это вздоръ.
Но кончается Швейцарья,
И нельзя жъ безъ *комментарья.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЕРМАНІЯ.

			стран.
Глава	I.	Отъѣздъ	1
»	II.	Любекъ	17
»	III.	Гамбургъ	29
»	IV.	Дилижансъ	45
»	V.	Бременъ	57
»	VI.	Оснабрюкъ и Мюнстеръ	67
»	VII.	Колонь	77
»	VIII.	Рейнъ	89
»	IX.	Франкфуртъ	113
»	X.	Мангеймъ	139
»	XI.	Бадъ-Баденъ	157
»	XII.	Шварцвальдъ	167

ШВЕЙЦАРІЯ.

		стран.
Глава	I. Введеніе	179
»	II. Базель	187
»	III. Бернъ	211
»	IV. Бернскій Оберландъ	235
»	V. Лозанна	269
»	VI. Женева (часть первая)	291
»	VII. » (» вторая)	344
»	VIII. Симплонъ	387

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3337
.M5
S4
1907
v.1